

БОГИ И ГЕРОИ СЕВЕРА

Патрик
Колум

Северная мифология представляет собой самостоятельную и богато развившуюся ветвь германской мифологии, которая в основных чертах восходит к древнейшей праиндоевропейской истории.

◀ Фенрир — в скандинавской мифологии гигантский демонический волк. В последней битве богов с чудовищами и великанами он проглотит Одина.

Патрик Колум

БОГИ И ГЕРОИ СЕВЕРА

Padraic Colum

NORDIC GODS AND HEROES

Патрик Колум

БОГИ И ГЕРОИ СЕВЕРА

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(36)
ББК 63.3(0)
К61

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Колум Патрик

К61 Боги и герои Севера / Пер. с англ. И.Е. Полоцка. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. — 189 с.

ISBN 978-5-9524-4838-4

Знаменитый ирландский писатель и фольклорист Патрик Колум представил наиболее полное собрание мифов и легенд о богах и героях народов Севера, восхищающих мрачной торжественностью и романтизмом величественных образов. Вы побываете в сверкающем дворце Одина и в ледяных замках злых великанов, в чудесном саду богини молодости Идунн и в мрачном подземном царстве мертвых Хель. Узнаете о Дереве мира Иггдрасиль, великой жертве героя Сигурда, тайне демонического волка Фенрира и Сумерках богов.

Захватывающе интересные рассказы автора откроют для вас трагический и прекрасный мир чудес и глубокой мистики Севера.

**УДК 94(36)
ББК 63.3(0)**

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2010
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2010

ISBN 978-5-9524-4838-4

БОГИ И ГЕРОИ СЕВЕРА

*Гарриет Во Муди,
любительнице сказок
и читательнице рун*

Часть первая ОБИТАТЕЛИ АСГАРДА

ДАВНЫМ-ДАВНО...

Некогда были другое солнце и другая луна; они отличались от тех, что мы видим сейчас. Имя того солнца было Сол, а Мани — так называлась луна. Но Сол и Мани преследовали два волка. И однажды волки накинулись на Сола и Мани и сожрали их. И мир погрузился в темноту и холод.

В те времена жили боги — Один и Тор, Хёдур и Бальдур, Тир и Хеймдалль, Видар и Вали, а также Локи, который мог творить и добро и зло, и жили их прекрасные богини — Фригг, Фрейя, Нанна, Идунн и Сив. Но в те дни, когда погибли солнце и луна, боги тоже были обречены, погибли все, кроме Видара и Вали — сыновей Одина и Моды и Магни — сыновей Тора.

Но до того как были сожраны солнце и луна и перед тем как погибли боги, в мире произошли ужасные события. На землю повалил снег, и падал он три времени года подряд. Разразившиеся ветра сровняли с землей и леса, и холмы, и жилища живших тогда людей. И люди стали воевать друг с другом, несмотря на снег, холод и ветра, и убивали друг друга до тех пор, пока не погибли почти все: в живых остались двое.

И время, когда все это происходило, было названо Рагнарёк, Сумерки богов.

Лив звали женщину, а Ливтрасир — таково было имя мужчины. Они двинулись по миру, и постепенно их дети

и дети их детей стали заселять новую землю. На новой земле выжившие сыновья бога Одина Видар и Вали нашли скрижали прежних богов, которые были специально написаны для них. В скрижалях рассказывалось обо всем, что происходило перед Рагнарёком, Сумерками богов.

ВОЗВЕДЕНИЕ СТЕНЫ

Война между великанами и богами шла всегда — великанами, которые хотели разрушить весь мир и уничтожить расу людей, и богами, которые защищали людей и старались сделать мир более прекрасным.

Много историй можно рассказать о богах, но первая, которая должна быть поведана, — это та, в которой идет речь о строительстве города богов.

На вершине высокой горы, в живописной долине решили боги, которых тогда звали асами, построить для себя большой город, такой, который великаны никогда не смогли бы уничтожить, и назвали его Асгард, что значит Крепость богов.

В тот день, когда боги начали возводить свои замки и дворцы, к ним явился незнакомец. Один, отец богов, вышел к нему.

— Что ты хочешь на Горе богов? — спросил он незнакомца.

— Я знаю, что на уме у богов, — сказал тот. — Они хотят возвести здесь город. Я не умею строить дворцы, но я могу поставить великую стену, которую никогда не удастся разрушить. Разрешите мне построить такую стену вокруг вашего города.

— Сколько времени у тебя займет ее строительство вокруг нашего города? — спросил отец богов.

— Ровно год, о великий Один, — ответил незнакомец.

Один понял, что, если такая стена окружит город, богам не придется постоянно защищать Асгард от великанов, и тогда сам он сможет бывать среди людей, учить их и по-

могать им. И еще подумал, что никакая оплата не будет слишком велика за строительство такой стены.

В тот же день незнакомец пришел на Совет богов и поклялся, что через год он возведет такую стену. Затем Один дал обет, что боги дадут ему все, что он попросит в уплату, если через год, начиная с сегодняшнего дня, последний камень ляжет в стену.

Незнакомец ушел и вернулся к утру. Занялся первый день лета, когда он начал работать. В помощь себе он не взял никого, кроме огромного коня.

Боги было подумали, что этот конь будет лишь подтаскивать каменные блоки для строительства стены. Но конь делал гораздо больше. Он клал камни на место и скреплял их известковым раствором. Он работал день и ночь, при свете и в темноте, и скоро вокруг дворцов, которые боги строили для себя, стала подниматься стена.

— Какую награду незнакомец попросит за ту работу, что он делает для нас? — спрашивали боги друг друга.

Один пошел к строителю.

— Мы восхищаемся тем, как ты и твой конь трудитесь для нас, — сказал он. — Никто не сомневается, что великая стена Асгарда появится к первому дню лета. Какую награду ты потребуешь? Мы могли бы подготовить ее для тебя.

Незнакомец отвлекся от работы, которой был занят, оставив коня складывать каменные блоки.

— О отец богов, — сказал он. — О Один, награда, которую я попрошу за свою работу, — это солнце и луна, а также я хочу получить в жены Фрейю, которая смотрит за цветами и травами.

Услышав это, Один страшно разгневался, потому что цена, которую запросил незнакомец, была выше всех мыслимых пределов. Он вернулся к другим богам и рассказал им, какую награду потребовал незнакомец.

— Без солнца и луны мир погибнет, — сказали боги.

А богини добавили:

— Без Фрейи в Асгарде воцарятся мрак и уныние.

Они предпочли бы оставить стену недостроенной, чем отдавать незнакомцу то вознаграждение, которое он запросил. Но тут подал голос Локи, который лишь наполовину был богом: его отцом был великан Ветер.

— Пусть себе незнакомец строит стену вокруг Асгарда, а я найду способ заставить его отказаться от той непомерной сделки, что он заключил с богами. Идите к нему и скажите, что стена должна быть закончена в первый день лета и, если в этот день она не будет закончена до последнего камня, запрошенной награды он не получит.

Боги отправились к незнакомцу и сказали ему, что, если в первый день лета в стену не ляжет последний камень, он не получит ни Сола, ни Мани, ни Фрейи. Теперь-то они поняли, что незнакомец — один из великанов.

Великан и его огромный конь стали подтаскивать камни куда быстрее, чем раньше. По ночам, когда великан спал, конь продолжал непрерывно работать, подтаскивая камни и укладывая их в стену своими могучими копытами. И день за днем стена вокруг Асгарда становилась все выше и выше.

Но боги не испытывали радости, видя, как вокруг их дворцов растет стена. Великан и его конь могли кончить работу в первый день лета, и тогда ему придется отдать солнце и луну и богиню Фрейю.

Но Локи не волновался. Он продолжал говорить богам, что найдет способ помешать ему кончить свою работу и тем самым заставит великана отказаться от немыслимой награды, которую он вынудил Одина пообещать ему.

До начала лета осталось три дня. Стена была завершена, если не считать проема для ворот. Над ним еще надо было положить замковый камень. И великан, отправляясь спать, приказал коню притащить огромный каменный блок, чтобы утром они могли бы укрепить его над воротами и таким образом за два дня до наступления лета кончить работу.

Стояла прекрасная лунная ночь. Свадильфари, огромный конь великана, тащил самый большой камень из всех,

с которыми ему приходилось иметь дело, когда увидел маленькую кобылку, которая галопом неслась к нему. Огромный жеребец никогда не видел таких симпатичных лошадок и удивленно уставился на нее.

— Свадильфари, ты раб, — сказала ему кобылка и зарысила от него.

Свадильфари бросил камень, который тащил, и окликнул ее. Она вернулась.

— Почему ты назвала меня рабом? — спросил конь-великан.

— Потому что ты день и ночь работаешь на своего хозяина, — сказала лошадка. — Он заставляет тебя работать, работать, работать, и ты не знаешь никаких радостей в жизни. Ты не осмелишься оставить этот камень и пойти поиграть со мной.

— Кто тебе сказал, что я не осмелюсь сделать это? — спросил Свадильфари.

— Я знаю, что не осмелишься, — сказала лошадка и, взбрыкнув, помчалась по лунному лугу.

Истина была в том, что Свадильфари в самом деле устал работать день и ночь. И когда увидел, как кобылка уносится от него, он внезапно почувствовал досаду и недовольство. А когда увидел, что лошадка приостановилась и смотрит на него, оставил валяться на земле камень, который только что волок, и галопом помчался к ней.

Поймать малышку он не смог. Она ловко ускользала от него. Иногда она оглядывалась и смотрела на огромного Свадильфари, который тяжело несся за ней. Так вместе они оказались у горного склона, и там, на залитом лунным светом лугу, Свадильфари ощутил радость свободы, и свежесть ветра, и запахи цветов. Он продолжал преследовать лошадку. С первыми утренними лучами они очутились рядом с какой-то пещерой, и лошадка нырнула в нее. Свадильфари последовал за ней, и только здесь наконец они пошли рядом, и лошадка стала рассказывать ему истории о гномах и эльфах.

Они вышли к подземной роще и остались в ней. Малышка так мило играла с ним, что конь забыл о времени. И пока они так резвились, великан носился взад и вперед в поисках своего огромного коня.

Он подошел к стене утром, надеясь водрузить замковый камень и тем самым закончить работу. Но камня, которого предстояло поднять, рядом не было. Он позвал Свадильфари, но конь-великан не откликнулся. Великан отправился искать его и искал на горных склонах и по всей земле, вплоть до царства великанов. Но так и не смог найти.

Боги увидели, что первый день лета пришел, а ворота так и стояли незавершенными. Они переговорили между собой и решили, что если к вечеру ворота не будут закончены, то у них отпадет необходимость отдавать великану и Сол с Мани, и девственную Фрейю в жены. Часы летнего дня уходили один за другим, а великан так и не смог водрузить на ворота замковый камень. Вечером он предстал перед богами.

— Твоя работа не закончена, — сказал Один. — Ты принудил нас к тяжелой сделке, но теперь мы не обязаны соблюдать ее условия. Ты не получишь ни Сола, ни Мани, ни девушку Фрейю.

В ярости великан попытался разрушить один из дворцов, но боги скрутили его и вышвырнули за стену, которую он же и построил.

— Иди, и больше не приближайся к Асгарду, — приказал Один.

И тут в Асгард вернулся Локи. Он рассказал богам, как превратился в лошадку и увел Свадильфари, коня великана.

А боги сидели в своих золотых дворцах за высокой стеной и радовались, что их город теперь в безопасности, что никакой враг не может ни войти в него, ни разрушить. Но Один, отец богов, сидя на своем троне, был печален из-за того, что боги обманом добились строительства стены, и поэтому Асгард ждет тяжелый удар.

ИДУНН И ЕЕ ЯБЛОКИ: КАК ЛОКИ ПОДВЕРГ БОГОВ ОПАСНОСТИ

В Асгарде был сад, а в саду росло дерево, на ветках которого красовались золотые яблоки. С каждым минувшим днем мы становимся старше, приближаясь к тому времени, когда постареем, станем сутулыми и немощными, седыми и подслеповатыми. Но тот, кто каждый день ел эти золотые яблоки, которые росли в саду Асгарда, не становился ни на один день старше, потому что эти яблоки отгоняли старость.

За деревом, на котором росли золотые яблоки, ухаживала богиня Идунн. Никто, кроме Идунн, не мог бы взрастить это дерево. Никто, кроме нее, не мог срывать яблоки. Каждое утро она собирала их, клала в свою корзину, каждый день боги и богини приходили в сад и съедали по яблоку, сохраняя тем самым вечную молодость.

Каждый день от рассвета до заката Идунн находилась в саду или в своем золотом доме, никогда не покидая стен Асгарда.

Но, увы, приближалось время, когда Идунн и ее яблоки будут потеряны для Асгарда, и боги с богинями почувствуют, как к ним приближается старость.

Один, отец богов, часто спускался на землю людей, чтобы посмотреть, как у них идут дела. Однажды он взял с собой Локи, который с равной охотой творил добро и зло. Они долгое время путешествовали по миру людей. И наконец очутились рядом с Йотунхеймом, царством великанов.

В этих местах было как-то пусто и мрачно. Тут ничего плодородного не росло, даже ягодного кустарника. Здесь не было ни птиц, ни животных. Когда Один, отец богов, и Локи, творивший и зло и добро, шли через эти места, они почувствовали голод. Но нигде в округе не увидели ничего, что можно было бы съесть.

Локи, шнырявший туда и сюда, наткнулся наконец на стадо диких коров. Подкравшись к ним, он поймал моло-

дого бычка и убил его. Затем срезал с него полосы мяса. Запалив огонь, он нанизал мясо на вертела из веток, чтобы поджарить его. Пока мясо жарилось, Один, отец богов, отойдя в сторону, присел, чтобы поразмыслить о вещах, которые он видел в мире людей.

Локи хлопотал, подкидывая в огонь полено за поленом. Наконец он подозвал Одина, и отец богов, подойдя, сел рядом с огнем, чтобы поесть мяса.

Но когда вертела сняли с огня и Один попытался откусить мясо, он обнаружил, что оно осталось сырым. Он улыбнулся Локи, который решил, что мясо уже готово, и тот, смутившись из-за своей оплошности, вернул вертела на место и подбросил в огонь дров. Через некоторое время Локи снова снял вертела и пригласил Одина к трапезе.

Один взял мясо, преподнесенное ему Локи, и вновь убедился, что оно такое же сырое, словно не было на огне.

— Это твоя шуточка, Локи? — спросил он.

Локи так разгневался на мясо, которое продолжало оставаться сырым, что Один понял — тот не разыгрывал его. Локи был так голоден, что в ярости проклял и огонь, и мясо. Он разжег костер еще больше и снова пристроил над ним вертела. Каждый час он снимал мясо, уверенный, что теперь-то оно прожарилось, и каждый раз Один видел, что оно такое же сырое, как в первый раз.

Наконец Один понял, что на мясо было наложено заклятие великанов, и, голодный, но полный сил, продолжил путь. Локи же не мог оставить мясо, которое он снова сунул в огонь. «Я добьюсь того, что оно зажарится, — заявил он, — и голодным отсюда не уйду».

Начало светать, а Локи продолжал заниматься мясом. В очередной раз снимая его с огня, он услышал над головой шум крыльев. Поднял голову и увидел огромного орла, самого большого из всех, которые появлялись в небе. Описав несколько кругов, орел завис над Локи.

— Вроде у тебя не получается приготовить еду? — хрипло крикнул ему орел.

— Не могу прожарить ее, — посетовал Локи.

— Я могу приготовить ее для тебя, если ты поделишься со мной, — предложил орел.

— Тогда спускайся и приготовь ее для меня, — согласился Локи.

Орел, описав круг, оказался прямо над костром. Взмахами могучих крыльев он заставил огонь разгореться. От пылающих поленьев пошел такой жар, которого Локи никогда не приходилось испытывать. Через минуту он вытащил мясо и убедился, что оно отлично прожарилось.

— Мою долю, мою долю, дай мне мою долю! — заорал на него орел.

Снизившись, он схватил огромный кусок мяса и тут же проглотил его. Затем схватил другой кусок. Он хватал и глотал кусок за куском, пока не стало ясно, что Локи ничего не досталось.

Когда орел цапнул последний кусок, Локи не на шутку разгневался. Схватив вертел, на котором жарилось мясо, он вонзил его в грудь орла. Раздался лязг, словно вертел врезался в металл. Внезапно орел стал подниматься в небо. Локи, который не выпускал вертел из рук, потащило за ним.

Не успев понять, что случилось, Локи увидел себя летящим в нескольких милях над землей. Орел тащил его к Йотунхейму, царству великанов. Когда они миновали реку, которая отделяет Йотунхейм от Мидгарда, мира людей, Локи увидел под собой ужасное место — землю, покрытую льдом и скалами, которые были освещены не солнцем или луной, а столбами огня, то и дело вырывавшимися из трещин в земле или из горных пиков.

Орел завис над огромным айсбергом. Внезапно он клювом вырвал вертел из своей груди и сбросил Локи на лед, после чего хрипло закричал ему: «Наконец твое искусство в моей власти, ты, самый большой хитрец из всех обитателей Асгарда!» — и улетел в горную расщелину.

Локи оказался на айсберге в жалком положении. Холод был убийственный. Он не мог умереть здесь, потому что был одним из обитателей Асгарда и смерть не смела при-

близиться к нему. Он не мог умереть, но чувствовал, что прикован к айсбергу цепями холода.

Через день похититель вернулся, сел на лед и принял свой собственный облик великана Тьяцци.

— Не хочешь ли ты покинуть айсберг, Локи, — спросил он, — и вернуться в такое приятное место, как Асгард? Пребывание там доставляет тебе удовольствие, хотя ты лишь полубог.

— О, если бы я мог покинуть этот айсберг! — воскликнул Локи с замерзшими на лице слезами.

— Ты можешь покинуть его, если поклянешься уплатить мне выкуп, — сказал Тьяцци. — Ты должен будешь принести мне молодильные яблоки, которые Идунн выращивает в саду.

— Я не могу получить у Идунн яблоки для тебя, Тьяцци, — ответил Локи.

— Тогда останешься на этом айсберге, — предупредил его великан Тьяцци и удалился, оставив Локи под завывающим ветром.

Когда Тьяцци появился снова и опять заговорил с ним о выкупе, Локи помотал головой:

— Получить у Идунн молодильные яблоки невозможно.

— Должен быть какой-то способ, о Локи-хитрец, — настаивал великан.

— Идунн, хотя и бдительно стережет яблоки, очень простадушна, — стал сдаваться Локи. — Может быть, я смогу уговорить ее выйти за стену Асгарда. Если она выйдет, то возьмет корзину с яблоками с собой.

— Сделай так, чтобы она вышла за стену Асгарда, — сказал великан. — Если она выйдет, я отберу у нее яблоки. Поклянись Деревом мира, что ты выманишь Идунн за стены Асгарда. Поклянись, Локи, и я отпущу тебя.

— Клянусь Иггдрасилем, Деревом мира, что выманю Идунн за стену Асгарда, если ты заберешь меня с этого айсберга, — произнес Локи.

Тьяцци снова превратился в могучего орла и, подхватив Локи когтями, перенес его через поток, который отделяет

Йотунхейм, царство великанов, от Мидгарда, мира людей. Он оставил Локи на земле Мидгарда, откуда тот двинулся к Асгарду.

Один к тому времени уже возвратился и рассказал обитателям Асгарда о стараниях Локи приготовить заколдованное мясо. Всех рассмешила мысль, что при всех своих хитростях Локи остался голодным. И тут Локи вернулся в Асгард; у него был такой изможденный и изголодавшийся вид, что все решили — это потому, что Локи ничего не ел. От души посмеявшись над ним, Локи отвели в Зал празднеств, где накормили его самой лучшей едой с вином из кубка Одина. По окончании пиршества обитатели Асгарда, по обыкновению, направились в сад Идунн.

Та сидела в своем золотом доме, стоявшем у входа в сад. Живи она в мире людей, каждый, кто видел бы ее обаяние, вспомнил бы свои годы невинности и простодушия. У нее были синие, как небо, глаза, а улыбалась она так, словно вспоминала самое лучшее, что ей доводилось видеть или слышать. Корзинка с яблоками стояла рядом с ней.

Каждому богу и богине Идунн дала по молодильному яблоку. Каждый съел полученный плод, радуясь мысли, что ни на день не приблизился к старости. Затем Один, отец богов, вознес хвалу, которая всегда звучала в благодарность Идунн, и обитатели Асгарда ушли.

Все, кроме Локи, творца добра и зла. Локи остался в саду, наблюдая за прекрасной и простодушной Идунн. Спустя какое-то время она обратилась к нему:

— Почему ты остался здесь, мудрый Локи?

— Чтобы получше рассмотреть твои яблоки, — сказал Локи. — Я вот все думаю — в самом ли деле яблоки, которые я видел вчера, такие же золотые, как те, что в твоей корзине.

— В мире нет таких золотых яблок, как мои, — возразила Идунн.

— Те яблоки, что я видел, были более блестящими, — упорствовал Локи. — Увы, они и пахли приятнее, Идунн.

Идунн считала Локи очень умным, и ее беспокоил его рассказ. При мысли, что в мире могут быть яблоки более блестящие, чем ее, глаза Идунн наполнились слезами.

— О Локи, — сказала она, — этого не может быть. Нет таких яблок, не могут они благоухать лучше тех, что я срываю с дерева в своем саду.

— Тогда пойди и сама убедись, — посоветовал Локи. — Как раз за стеной Асгарда стоит дерево, на котором я видел такие яблоки. Ты, Идунн, никогда не покидала свой сад, так что ты не знаешь, что еще растет в мире. Выйди из Асгарда и посмотри.

— Я пойду, Локи, — сказала милая и простодушная Идунн.

Идунн вышла за стену Асгарда и направилась к тому месту, где, как сказал ей Локи, растут яблоки. Но, поглядывая по сторонам, вдруг услышала шум крыльев над головой. Подняв голову, она увидела огромного орла, самого большого из всех, которые когда-либо показывались в небе.

Она кинулась обратно к воротам Асгарда. Но огромный орел снизился, и Идунн почувствовала, что ее поднимают в воздух и уносят от Асгарда все дальше и дальше, несут над Мидгардом, где живут люди, и еще дальше — к скалам и снегам Йотунхейма, через реку, которая течет между миром людей и царством великанов. Орел влетел в горную расщелину, и Идунн оказалась в скальной пещере, которую освещал столб огня, вырывающийся из земли.

Орел опустил Идунн на землю пещеры и разжал когти. Он сбросил крылья, стряхнул перья, и Идунн увидела, что ее похититель — страшный великан.

— Почему ты унес меня из Асгарда и доставил в это место? — воскликнула Идунн.

— Чтобы я мог поесть твоих молодильных яблок, Идунн, — сказал великан Тьяцци.

— Этого никогда не будет, потому что я не дам их тебе, — возразила Идунн.

— Дай мне поесть яблок, и я отнесу тебя обратно в Асгард.

— Нет, нет! Мне доверены эти яблоки для того, чтобы я давала их лишь богам.

— Тогда я отберу их у тебя, — сказал великан Тьяцци.

Он вырвал у нее из рук корзинку. Но стоило ему лишь коснуться одного яблока, как оно сморщилось и ссохлось. Не трогая другие яблоки, он опустил корзину, потому что понял — от яблок ему не будет никакого толка, пока Идунн своими руками не даст их ему.

— Тебе придется остаться со мной, пока ты сама не дашь мне яблоки, — сказал он ей.

Бедная Идунн испугалась: она боялась и странной пещеры, и огня, который бил из земли, и этого ужасного великана. Но больше всего она боялась тех бед, которые обрушатся на обитателей Асгарда, если ее не будет на месте, чтобы дать им молодильные яблоки.

На следующий день великан снова пришел к ней. Но Идунн опять не дала ему золотое яблоко. Так она и оставалась в пещере, а великан приходил к ней каждый день. И с каждым днем в ней все больше и больше нарастал страх, потому что во снах она видела, как обитатели Асгарда приходят к ней в сад, но не получают яблок, она видела и чувствовала те изменения, которые происходят с ними.

И действительно, каждый день обитатели Асгарда приходили к ней в сад — Один и Тор, Хёдур и Бальдур, Тир и Хеймдалль, Видур и Вали, а также Фригг, Фрейя, Нанна и Сив. Но никто из них не срывал яблок с ее дерева. И боги и богини начали изменяться.

Их походка потеряла легкость, плечи стали сутулиться; глаза перестали быть такими же блестящими, как капли росы. И когда они смотрели друг на друга, то видели происходящие с ними перемены. На обитателях Асгарда стал сказываться возраст.

Они понимали, что придет время, когда Фригг станет седой и старой; когда потускнеют золотые волосы Сив; когда

Один не будет обладать ясным и невозмутимым умом и когда у Тора больше не будет сил вздымать и метать свои молнии. Обитатели Асгарда испытывали печаль от этого, и им стало казаться, что весь блеск покинул их сияющий город.

Где же была Идунн, чьи яблоки могут вернуть молодость, силу и красоту обитателям Асгарда? В ее поисках боги обыскали весь мир людей. Они не нашли и следа ее. Но Один, погрузившись в глубокие раздумья, придумал, как узнать, где находится Идунн.

Он вызвал к себе двух своих воронов Хагина и Мунина, которые, облетая землю и бывая в царстве великанов, знали все, что было в прошлом, и все, что еще будет. Вороны явились, один сел на его правое плечо, другой — на левое. И они поведали ему о Тьяцци и о его желании обладать яблоками вечной молодости, которые ели обитатели Асгарда, и о том, как Локи обманул честную и простодушную Идунн.

То, что Один узнал от своих воронов, было изложено им на Совете богов. Тогда Тор Сильный подошел к Локи и схватил его своей могучей рукой за плечо.

— Что ты хочешь сделать со мной, о Тор?! — воскликнул хитрец Локи.

— Я хочу швырнуть тебя в пропасть и поразить своей молнией, — прогреготал грозный бог. — Это ты устроил так, что Идунн вышла из Асгарда.

— О Тор, — взмолился Локи, — не обрушивай на меня свои молнии. Дай мне остаться в Асгарде. Я приложу все силы, чтобы вернуть Идунн.

— Вот тебе приговор богов, — сказал Тор. — Ты, воплощение хитрости, отправишься в Йотунхейм и, пустив в ход свое искусство, вернешь Идунн от великанов. Иди, а то я швырну тебя в пропасть и поражу своими молниями.

— Я пойду, — согласился Локи.

У Фригг, жены Одина, Локи одолжил ее платье из соколиных перьев. Накинув его, он обернулся соколом и полетел в Йотунхейм. В Йотунхейме он нашел Скади, дочь

Тьяцци. Летя перед ней, он позволил девушке-великану поймать его и стал ее домашним любимцем. И как-то она пошла с ним в пещеру, где томилась добрая Идунн.

Когда Локи увидел Идунн, он стал думать, как вытащить ее из Йотунхейма и доставить в Асгард.

Он взлетел на высокую скалу в пещере, покинув Скади, а та, решив, что соколу не понравилось в мрачной пещере, пошла за ним наружу.

Тогда Локи, который умел творить добро так же, как и зло, подлетел к сидящей Идунн и заговорил с ней. Идунн, поняв, что рядом с ней один из обитателей Асгарда, прослезилась от радости.

Локи объяснил ей, что она должна делать. Силой заклинаний, которой он был наделен, Локи превратил ее в воробья. Но до этого он взял корзину с яблоками и перенес ее в такое место, где великаны никогда не смогли бы найти ее.

Скади, в поисках сокола возле пещеры, увидела, как из нее вылетели сокол вместе с воробьем. Она кинулась к своему отцу, и великан понял, что соколом был Локи, а воробьем — Идунн. Он обернулся могучим орлом и ринулся вдогонку за беглецами. К тому времени сокол и воробей были уже далеко, но Тьяцци, зная, что может лететь быстрее их, помчался к Асгарду.

Вскоре он увидел их. Они летели изо всех сил, но, взмахивая огромными крыльями, орел становился все ближе и ближе. Обитатели Асгарда, стоя на стене, видели, как орел преследует сокола и воробья. Они знали, кто это был.

Заметив быстро приближающегося орла, она испугались, что сокол и воробей будут пойманы и Идунн снова окажется у Тьяцци. Тогда они разожгли на стене огромные частые костры, зная, что Локи с Идунн найдут как скользнуть меж них, а вот Тьяцци это не удастся.

Сокол и воробей подлетели к кострам и проскочили между языками пламени. А Тьяцци не смог пробиться сквозь стену огня, спалив свои крылья. Он рухнул с огромной высоты, и его смерть была засчитана заслугой Локи.

Так Идунн вернулась в Асгард. И снова она сидела в своем золотом домике, возле сада, и снова срывала блестящие яблоки с дерева, за которым тщательно ухаживала, и снова раздавала обитателям Асгарда. И те снова обрели легкую походку, к ним вернулось сияние глаз и свежесть щек; старость больше не смела подступать к ним; вернулась молодость, и свет и радость снова воцарились в Асгарде.

ЗОЛОТЫЕ ВОЛОСЫ СИВ: КАК ЛОКИ ПРИНЕС БЕДУ В АСГАРД

Все, кто обитал в Асгарде, асы и асиньи, которые были богами и богинями, и ваны, друзья богов и богинь, были разгневаны на Локи. И в этом не было ничего удивительного, потому что именно он дал возможность великану Тьяцци унести Идунн и ее блестящие яблоки. Тем не менее необходимо сказать, что тот гнев, который они обрушили на Локи, возбудил в нем желание доставить Асгарду новые неприятности.

Как-то ему представилась такая возможность, и его сердце возрадовалось.

Сив, жена Тора, спала рядом со своим домом, рассыпав вокруг головы свои прекрасные золотые волосы. Локи знал, как Тор любил эти сияющие волосы и как Сив берегла предмет любви Тора, и задумал сделать большую гадость. Ухмыляясь, он вытащил свои ножницы и до последней прядки, до последнего локона обрезал Сив волосы, оставив ее голову голой и уродливой. Сив не проснулась, когда у нее похищали это сокровище.

Тора тогда не было в Асгарде, а вернувшись в город богов, он первым делом направился к своему дому. Сив не встретила его приветствием. Он позвал ее, но не услышал радостного ответа. Тор обошел дворцы всех богов и богинь, но нигде так и не нашел Сив, свою золотоволосую жену.

Когда он вернулся в свой дом, услышал, как кто-то прошептал его имя. Он остановился, и из-за колонны, украдкой появилась чья-то фигура. Голова ее была завернута в покрывало, и Тор со страхом узнал Сив, свою жену. Когда он подошел к ней, Сив разразилась рыданиями.

— О Тор, муж мой, — сказала она. — Не смотри на меня. Я стыжусь, что тебе придется увидеть меня. Я уйду из Асгарда, из мира богов и богинь, я спущусь в Свартхейм и буду жить среди гномов. Я не вынесу, если кто-то из обитателей Асгарда бросит на меня взгляд.

— О Сив! — вскричал Тор. — Что же так изменило тебя?

— Я потеряла волосы с головы, — сказала Сив. — Я потеряла все прекрасные золотые волосы, которые ты, Тор, так любил. Ты больше не будешь любить меня, и поэтому я должна уйти, спуститься в Свартхейм к гномам. Они такие же уродливые, как и я сейчас.

Затем она скинула с головы покрывало, и Тор увидел, что все ее прекрасные волосы исчезли. Она стояла перед ним, полная стыда и печали, а в нем рос и копился неудержимый гнев.

— Кто это сделал с тобой, Сив? — спросил он. — Я — Тор, сильнейший из всех обитателей Асгарда, и позабочусь, чтобы вся мощь богов пошла на то, чтобы вернуть тебе красоту. Идем со мной, Сив. — И, взяв жену за руку, Тор направился в Дом Совета, куда были созваны все боги и богини.

Сив накинула на голову покрывало, потому что не могла позволить, чтобы боги и богини увидели ее остриженную голову. Но по гневу в глазах Тора все поняли, что гнусное деяние, случившееся с Сив, в самом деле велико. Затем Тор со слов жены рассказал, как были обрезаны ее прекрасные волосы. По Дому Совета прошел шепот.

— Сделал это Локи — никто другой в Асгарде не совершил бы столь позорное деяние.

— Да, это сделал Локи, — подтвердил Тор. — Он скрылся, но я найду и убью его.

— Нет, Тор, — возразил Один, отец богов. — Нет. Никто из обитателей Асгарда не может убить другого. Я заставлю Локи предстать здесь перед нами. А твое дело — заставить его вернуть Сив красоту, вернуть золотые волосы. Но помни, что Локи хитер и на многое способен.

Голос Одина громыхал так, что был слышен по всему городу богов. Слышал его и спрятавшийся Локи, и ему пришлось выбраться из своего убежища и пойти в дом, где боги держали совет. А когда он посмотрел на Тора и увидел, какая ярость горит в его глазах, а потом посмотрел на Одина и увидел суровость на лице отца богов, то понял, что ему придется исправлять позорное дело своих рук.

— Локи, ты должен вернуть Сив ее волосы! — сурово приговорил Один.

Локи посмотрел на Одина, посмотрел на Тора, и его хитрый ум быстро нашел способ, как восстановить красоту Сив.

— Я сделаю все, что ты приказал, отец всех живущих, — сказал он.

Но прежде чем мы расскажем, что Локи сделал, дабы восстановить красоту Сив, мы должны поведать вам о тех, кто жил рядом с богами и богинями, которые обитали в мире в то время. Во-первых, это были ваны. Когда боги, которых в то время звали асами, пришли в горы, на которых построили Асгард, они нашли тут других обитателей. Они отнюдь не были такими злобными и уродливыми, как великаны; ваны, как их звали, были красивыми и дружелюбными.

Хотя они обладали этими качествами, ваны не думали о том, чтобы сделать мир более красивым или счастливым. Этим они отличались от асов, которые лелеяли такие мысли. Асы заключили с ванами мир и стали жить бок о бок в дружбе и согласии. Ваны со временем все же стали делать вещи, которые помогали асам творить более красивый и счастливый мир. Фрейя, которую великан хотел забрать

вместе с солнцем и луной как вознаграждение за строительство стены вокруг Асгарда, была из ванов. К ним же принадлежал и Фрейр, брат Фрейи, и Ньёрд, их отец.

Внизу, на земле, жили и другие создания — изящные эльфы, которые танцевали и порхали, проводя время среди деревьев, цветов и трав; ванам было позволено управлять эльфами. Под землей, в пещерах и пустотах, жили тролли, или гномы, маленькие скрюченные создания, которые были злобными и уродливыми, но которые считались лучшими мастерами в мире.

В те дни, когда ни асы, ни ваны не дружили с ним, Локи повадился спускаться в Свартхейм, где под землей обитали гномы. И сейчас, когда ему было приказано восстановить волосы Сив, Локи подумал, что может получить помощь от гномов.

Он спускался все ниже и ниже сквозь извилистые проходы в земле и наконец пришел к гномам, которые дружелюбно относились к нему. Все гномы были мастерами кузнечного искусства, и когда Локи явился к своим друзьям, то увидел, как они работают молотами и клещами, выковывая из металла различные формы. Какое-то время он наблюдал за ними, отмечая, какие вещи они делают. Одной из них было копье, так отменно сбалансированное и откованное, что попадало в любую цель, как бы плохо ни целился метатель. Другой — лодка, которая могла плавать по любому морю, но ее можно было сложить так, чтобы засунуть в карман. Копье называлось Гунгнир, а лодка — Скидбладнир.

Локи из всех сил постарался подольститься к гномам. Он превозносил их работу и пообещал им вещи, которые они могут получить только у обитателей Асгарда, вещи, обладать которыми гномы давно мечтали. Он уговаривал их так, что маленький уродливый народец решил — они могут завладеть Асгардом и всем, что в нем есть.

Наконец Локи сказал им:

— У вас есть слиток чистого золота? Вы можете расковать его на пряжи такие тонкие и красивые, что они бу-

дут как волосы Сив, жены Тора? Только вы, гномы, можете сделать столь прекрасную вещь. Ага, слиток золота у вас есть. Пустите в ход ваши молоты и сделайте прекрасные пряжи, чтобы сами боги завидовали вашей работе.

Польщенные речами Локи, гномы, которые стояли у горна, взяли слиток чистого золота и поместили его в огонь. Затем, вынув его и положив на наковальню, стали обрабатывать его маленькими молоточками, превращая слиток в пряжи столь же тонкие, как волосы на голове. Но этого было мало. Они должны были стать столь же прекрасными, как волосы на голове Сив, равных которым по красоте ничего не было. Гномы стали снова и снова обрабатывать пряжи, пока не добились полного сходства. Пряжи блестели солнечным светом, и, когда Локи взял их в руки, они плавно ниспали на землю. Они были такими красивыми и легкими, что даже птичка не почувствовала бы их веса.

Локи снова и снова рассыпался в похвалах и благодарностях гномам, давая им все больше и больше обещаний. Он очаровал их, хотя гномы были мрачноватым и подозрительным народцем. И прежде, чем расстаться с ними, Локи попросил у них копье и лодку, которые они делали на его глазах. Гномы дали ему и то и другое, хотя потом сами удивлялись этому поступку.

Локи отправился обратно в Асгард. Он зашел в Дом Совета, где снова собрались обитатели Асгарда. Строгое выражение глаз Одина и полный ярости взгляд Тора он встретил веселой усмешкой.

— Сними свое покрывало, о Сив, — сказал он.

И когда бедная Сив скинула покрывало, он аккуратно возложил на ее стриженную голову сияющие струи, которые держал в руках. По плечам Сив рассыпалось блестящее, мягкое золото — точно как ее прежние волосы, словно и в самом деле у новых были корни, из которых они и выросли. И все асы, боги и богини, и все ваны, увидев, что голова Сив снова покрыта золотой паутиной, засмеялись и стали радостно хлопать в ладоши.

КАК БРОК ВЫНЕС ПРИГОВОР ЛОКИ

Это было в то время, когда Локи, желая, чтобы асы и ваны наконец прониклись к нему дружелюбием, преподнес им чудесные вещи, которые он получил от гномов, — копье Гунгнир и лодку Скидбладнир.

Весь Асгард восхищался такими прекрасными и полезными вещами, которые были преподнесены Локи. А тот, сделав из знакомства с подарками большое представление, хвастливо сказал:

— Никто, кроме гномов, которые работали на меня, не может сделать такие вещи. Есть и другие гномы, но они столь же неуклюжи, как и уродливы. Те гномы, которые служат мне, единственные могут творить такие чудеса.

Локи, увлекшись своим хвастовством, сказал глупость. Но он не знал, что один из тех, «других» гномов был здесь, в Асгарде. Он стоял в тени трона Одина, слушая, что говорит Локи. Это был Брок — самый злобный и язвительный из всех гномов. И теперь, трепеща от ярости, он подошел к Локи.

— Ну, Локи, ты и хвастун! — рявкнул он. — Ты врешь каждым словом. Синдри, мой брат, который считал унижительным служить тебе, — лучший кузнец в Свартхейме.

Асы и ваны рассмеялись, видя, как гном Брок прервал на полуслове хвастовство Локи. И, слыша их смех, Локи разгневался.

— Помолчи, гном, — сказал он. — Твой братец узнает о кузнечном искусстве, лишь когда явится к гномам — моим друзьям и чему-нибудь научится от них.

— Научится у гномов, которые твои друзья? Мой брат Синдри знает от гномов, кто твои друзья! — взревел Брок, полный неудержимой ярости. — На те вещи, что ты притащил из Свартхейма, асы и ваны даже не обратили бы внимания, окажись они среди тех, что может сделать мой брат.

— Когда-нибудь мы пристроим к делу твоего брата Синдри и посмотрим, на что он способен, — ответил Локи.

— Давай сейчас, прямо сейчас! — заорал Брок. — И ставлю свою голову против твоей, Локи, что его работа заставит обитателей Асгарда потешаться над твоим хвастовством.

— Я принимаю твой залог, — сказал Локи. — Моя голова против твоей. И буду рад увидеть, как твоя уродливая голова слетит с этих корявых плеч.

— Асы вынесут суждение — в самом ли деле работа моего брата лучшее из того, что выходило из Свартхейма. И они позаботятся, чтобы ты уплатил свой залог, Локи, и твоя голова расстанется с плечами. Готовы ли вы стать судьями в нашем споре, о обитатели Асгарда?

— Мы вынесем решение, — сказали асы.

И затем, все еще полный ярости, гном Брок спустился в Свартхейм, туда, где работал его брат Синдри.

Синдри стоял у своего пылающего горна, раздувая пламя мехами и грохоча молотом по наковальне, а вокруг него были груды металла — золото и серебро, медь и железо. Брок все рассказал ему, как он поставил свою голову против головы Локи, поручившись, что Синдри сможет сделать более удивительные вещи, чем копье и лодка, которые Локи принес в Асгард.

— Ты верно сказал, брат мой, — ответил Синдри, — и Локи не получит твою голову. Но мы вдвоем должны поработать над тем, что я буду плавить в горне. И твоя обязанность будет в том, чтобы поддерживать огонь так, чтобы он не пылал языками, но и не умирал ни на секунду. Если ты будешь поддерживать огонь именно так, как я сказал, мы выкуем чудо. Теперь, братец, берись за меха и следи за огнем.

Затем Синдри бросил в огонь кусок металла, завернутый в свиную кожу. А Брок, вцепившись в ручки мехов, следил, чтобы огонь ни на секунду не ослабевал и излишне не пылал. От полученного жара свиная кожа стала сворачиваться, обретая странную форму.

Брок не прекращал работать с мехами, когда к горну подлетел овод. Он сел Брок у на руку и ужалил его. Гном вскрикнул от боли, но не выпустил ручки мехов, и огонь продолжал гореть тем же ровным пламенем. Брок понял, что овод — это Локи и он лезет из кожи вон, чтобы помешать работе Синдри. Овод снова ужалил его, но, хотя Брок у показалось, что руку ему прожгло раскаленным железом, он продолжал работать с мехами, и огонь не пылал языками и не стихал ни на секунду.

Подойдя, Синдри посмотрел в огонь. Над той формой, которая вздымалась в пламени, он произнес магические слова. Овод улетел, и Синдри сказал брату, чтобы тот прекращал работать. Он вынул предмет, который возник в огне, и принялся обрабатывать его своим молотом. Он и в самом деле создал чудо — это был золотой кабан, который мог летать, и его щетина в полете испускала свет. Брок забыл о боли в руках и вскрикнул от радости.

— Это величайшее из чудес, — сказал он. — Обитатели Асгарда вынесут суждение против Локи. Я получу его голову! Его голову!

Но Синдри возразил:

— Кабан Золотая Щетина не может считаться таким же чудом, как копье Гунгнир или лодка Скидбладнир. Мы должны сделать что-то более удивительное. Берись за меха, как и раньше, братец, — и чтобы огонь ни на секунду не стихал и не вздымался языками.

Синдри взял кусок золота, который был таким блестящим, что ярко освещал темную пещеру, где работали гномы, и бросил его в огонь. Затем отошел что-то готовить, оставив Брока у мехов.

Снова прилетел овод. Брок не знал о его появлении, пока овод не ужалил его в затылок. Он причинил ему такую боль, что Брок согнулся в три погибели, но опять же продолжал держаться за ручки мехов, ни на секунду не позволяя огню ни разгораться, ни стихать. Когда Синдри вернулся проверить огонь, Брок от боли не мог говорить.

И снова Синдри произнес магические слова над золотом, которое плавилось в огне. Он вынул его из палящего жара и положил на главную наковальню. Затем спустя какое-то время показал Броку предмет, похожий на солнечный круг.

— Это кольцо, брат мой, — объяснил он. — На правую руку бога. Оно несет в себе потаенные чудеса. Каждую девятую ночь восемь таких же колец будут падать с этого кольца, потому что это Драупнир — кольцо прибавления.

— И кольцо это будет преподнесено Одину, отцу богов, — сказал Брок. — И Один объявит, что ничего более удивительного и полезного для богов не появлялось в Асгарде. О Локи, хитрый Локи, несмотря на все твои уловки, я получу твою голову.

— Не торопись, братец, — остановил Брока Синдри. — Пока все, что мы сделали, просто отлично. Но должна появиться такая вещь, которая заставит обитателей Асгарда вынести решение в твою пользу и вручить тебе голову Локи. Работаем, как раньше, братец, и ни на секунду не спускай глаз с огня.

На этот раз Синдри кинул в огонь слиток железа. Затем отошел, чтобы подобрать соответствующий молот. Брок работал с мехами, как и прежде, но тверды и неутомимы у него были только руки, потому что он дрожал всем телом в ожидании укуса овода.

Он увидел, как овод мелькнул перед горном, и вскрикнул, видя, как тот кружит над ним в поисках места для самого убийственного укуса. Овод прицелился в лоб Броку, как раз между глазами. От первого укуса перед Броком померк свет. Овод ужалил снова, и гном почувствовал, как у него потекла кровь. В пещере воцарилась темнота. Брок пытался крепко держаться за ручки мехов, но не знал, пылает ли огонь или меркнет. Он закричал, и Синдри примчался к нему.

Синдри произнес магические слова над той вещью, которая оставалась в огне, и затем извлек ее.

— Еще одно мгновение, — сказал он, — и работа получилась бы безукоризненная. Но из-за того, что ты по-

звонил пламени на мгновение притухнуть, работа не столь хороша, какой могла бы быть.

Кузнец положил то, что сформировалось в огне, на главную наковальню и стал обрабатывать изделие. И когда к Брокку вернулось зрение, он увидел огромный железный молот. Но ручка была не так длинна, чтобы уравновесить голову. Случилось это потому, что пламя на мгновение упало.

— Это молот Мьёлльнир, — объяснил Синдри, — и он — величайшее из изделий, которое мне удалось сделать. Все в Асгарде должны возрадоваться, увидев этот молот. Лишь Тор сможет владеть им. И теперь я не опасаюсь за приговор, который вынесут обитатели Асгарда.

— Они вынесут суждение в нашу пользу! — вскричал Брок. — В нашу пользу, и голова Локи, моего мучителя, будет вручена мне.

— Асгард никогда еще не получал более удивительного и более полезного дара, чем этот, — похвастался Синдри. — Твоя голова спасена, и ты сможешь получить голову Локи, который так оскорбительно отнесся к нам. Принеси ее сюда, и мы кинем ее в горн.

Асы и ваны сидели в Доме Совета Асгарда, когда перед ними предстала вереница гномов. Возглавлял ее Брок, а за ним следовала компания гномов, тащивших тяжелые предметы. Брок и его спутники обступили трон Одина, чтобы выслушать слова отца богов.

— Мы знаем, почему вы пришли в Асгард из Свартхейма, — сказал Один. — Вы принесли удивительные и полезные для обитателей Асгарда вещи. И пусть они будут представлены, Брок. Если они будут более удивительными и более полезными, чем то, что принес Локи, копьё Гунгнира и лодки Скидбладнира, мы вынесем решение в твою пользу.

Брок скомандовал гномам, которые ждали его приказа, показать обитателям Асгарда первое из чудес, которые сделал Синдри. Они извлекли Кабана Золотая Щетина. Тот

кружил по Дому Совета, оставляя золотые следы. Обитатели Асгарда сказали друг другу, что это настоящее чудо. Но никто не смог утверждать, что этот кабан больше пригодится Асгарду, чем копьё, которое поражает цель, как бы плохо его ни кинули. Или лодка Скидбладнир, которая могла плавать по любому морю и была так мала, что помещалась в любом кармане. Никто не мог сказать, что Золотая Щетина лучше, чем эти чудеса.

Брок преподнес этого чудесного кабана Фрейру, главе ванов.

Затем собравшиеся гномы показали кольцо, сияющее как круг солнца. Все восхитились им. А когда было сказано, что каждую девятую ночь от этого кольца отделяются еще восемь таких же золотых колец, обитатели Асгарда дружно заявили, что Драупнир, кольцо прибавления, — подлинное чудо. Слыша эти громкие голоса, Брок с триумфом посмотрел на Локи, который стоял с плотно сжатыми губами.

Это ценное кольцо Брок преподнес Одину, отцу богов.

Затем он приказал гномам положить перед Тором молот Мьёлльнир. Тор взял молот и вскинул его над головой, испустив громовой клич. Глаза обитателей Асгарда вспыхнули, когда они увидели Тора с молотом Мьёлльниром в руках; у них горели глаза, и с уст сорвался крик:

— Это чудо, это настоящее чудо! С этим молотом в руках никто не сможет противостоять Тору, нашему воину. Никогда еще в Асгарде не было таких великих вещей, как молот Мьёлльнир.

Затем Один, отец богов, вынес решение со своего трона:

— Молот Мьёлльнир, который гном Брок доставил в Асгард, — действительно самая удивительная вещь и самая полезная для богов. В руках Тора он может сокрушать горы и отбрасывать великанов от стен Асгарда. Гном Синдри сковал вещь более ценную, чем копьё Гунгнир и лодка Скидбладнир. И другого решения быть не может.

Брок, обнажив свои кривые зубы, посмотрел на Локи.

— А теперь, Локи, давай сюда свою голову, давай-ка ее! — заорал он.

— Не требуй этого, — сказал Один. — Ты можешь наложить на Локи любое другое наказание за то, что он мучил тебя и издевался над тобой. Заставь его вручить тебе самую ценную вещь, которой он властен владеть.

— Нет, нет! — завопил Брок. — Вы, обитатели Асгарда, защищаете друг друга. Но как же я?! Проиграй я пари, Локи снес бы мне голову! Он проиграл мне свою. Пусть он встанет на колени, а я отсеку ему башку.

Локи вышел вперед, ухмыляясь.

— Я встану перед тобой на колени, гном, — сказал он. — Бери мою голову. Но будь осторожен. Не притрагивайся к моей шее. Мы не договаривались, что ты коснешься моей шеи. И если это случится, я потребую у обитателей Асгарда покарать тебя.

Брок с ворчаньем отступил назад.

— Что, таково решение богов? — спросил он.

— Сделка, которую ты заключил, Брок, — ответил Один, — была порочна сама по себе, и ты должен нести все последствия того зла, которое было заключено в ней.

Брок, полный ярости, посмотрел на продолжавшего ухмыляться Локи. И, окончательно разъярившись, топнул ногой. Затем подошел к Локи и сказал:

— Я не в состоянии снести тебе голову, не коснувшись шеи, но могу кое-что сделать с твоими губами, которые издевались надо мной.

— Что ты собираешься сделать, гном? — спросил Один.

— Зашить их, — ответил Брок, — чтобы Локи больше не мог творить зло своими разговорами. И вы, обитатели Асгарда, не можете запретить мне сделать это. Опускайся, Локи, на колени передо мной.

Локи обвел взглядом обитателей Асгарда и увидел свой приговор: он должен встать на колени перед гномом. Нахмурившись, он опустил ся.

— Сожми губы, Локи, — приказал Брок.

Локи сжал губы, но его глаза метали огонь. Шилом, которое он вытащил из-за пояса, Брок проколол губы Локи.

Тонким ремешком он связал их. И затем с триумфом поглядел на Локи.

— О Локи, — сказал он, — ты хвастался, что гномы, которые работали на тебя, — лучшие мастера, лучше чем мой брат Синдри. Выяснилось, что твои слова были ложью. И теперь ты больше не сможешь хвастаться.

И затем гном Брок с большим достоинством покинул Дом Совета Асгарда, сопровождавшие его гномы вереницей последовали за ним. Распевая песню о триумфе Брока над Локи, гномы спустились через проход в земле. И в Сварт-хейме еще долго ходили разговоры, как Синдри и Брок одержали верх над Локи.

В Асгарде же, где теперь у Локи были сомкнуты губы, вместо ссор и раздоров хоть на время воцарились мир и спокойствие. И среди асов и ванов никто не жалел, что Локи приходится ходить в молчании и с опущенной головой.

КАК ФРЕЙЯ ОБРЕЛА ОЖЕРЕЛЬЕ И КАК ПОТЕРЯЛА СВОЕГО МУЖА

Да, теперь Локи ходил по Асгарду молча и с опущенной головой, а обитатели Асгарда говорили друг другу: «Это научит Локи больше не делать гадостей». Они не знали, что Локи успел посеять семена несчастья. Они дали всходы и опечалили прекрасную Фрейю, которую великан хотел получить вместе с солнцем и луной как плату за строительство стены вокруг Асгарда.

Фрейя видела то чудо, что Локи принес в Асгард, — золотые пряди, которые стали волосами Сив, и выкованного Синдри кабана, щетина которого светилась в полете. Блеск этих золотых изделий буквально ослеплял ее. И днем и ночью она мечтала об этих чудесах, которые могли бы принадлежать ей. И часто она думала: «Какие прекрасные вещи могли бы дать мне три великанши, если бы я взобралась к ним на вершину горы».

Давным-давно, когда еще не была построена стена вокруг города и когда убранство собрания богов составляло только двенадцать тронов, а Зал принадлежал Одину и богиням, в Асгард пришли три великанши.

Они явились после того, как боги поставили горн и начали плавить металл для своих жилищ. Металл, с которым они работали, был чистым золотом. Из золота они возвели Гладсхейм, дворец Одина, и из золота были все их блюда и домашняя утварь. То был Золотой век, и боги ни для чего не жалели золота. Они были счастливы тогда, и никакие тени мрачных предчувствий не падали на Асгард.

Но после появления трех великанш боги начали ценить золото и копить его. Они больше не играли с ним. И счастливая невинность их первых дней в Асгарде покинула богов.

И когда эта троица была изгнана из Асгарда, боги отказались от намерений копить золото, достроили свой город и обрели силу.

А теперь Фрейя, жена вана Одура, вспомнила о великаншах и о прекрасных золотых украшениях, которые поблескивали на их руках. Но даже с Одуром, своим мужем, она не поделилась этими мыслями, потому что Одур больше, чем другие обитатели Асгарда, помнил те дни счастливой невинности, когда золото еще не ценили и не копили. Одур и близко не подпустил бы Фрейю к вершине горы, где восседали эти трое.

Но Фрейя не переставала думать о них и о золотых вещах, которыми они владели. «Откуда Одур узнает, что я пойду к ним? — спросила она себя. — Никто ему не расскажет. Что случится, если я поднимусь к ним и приобрету несколько красивых вещиц для себя? Я не буду меньше любить Одура, если один раз поступлю по-своему».

И пришел день, когда она покинула свой дворец, оставив Одура, своего мужа, играть с их маленькой дочкой Хносс. Из дворца она спустилась на землю. Здесь она провела какое-то время собирая цветы, которые были ее увлечением. Затем она попросила эльфов показать ей, где находится гора, на которой обитают три великанши.

Эльфы перепугались и не хотели ей это рассказывать, хотя она была их королевой. Оставив их, она украдкой скользнула в пещеру гномов. Те показали ей путь к великаншам, но прежде они заставили ее испытать стыд и унижение.

— Мы покажем тебе дорогу, если ты останешься тут с нами, — сказал один из гномов.

— Как долго я должна оставаться с вами? — спросила Фрейя.

— Пока петухи в Свартхейме не закукарекают, — ответили гномы, окружая ее. — Мы хотим узнать — каково это быть в обществе одной из ванов.

— Я остаюсь, — согласилась Фрейя.

Один из гномов подпрыгнул, обвинил шею ее руками и поцеловал своим уродливым ртом. Фрейя попыталась отстраниться, но гномы удержали ее.

— Ты не можешь уйти от нас, пока петухи в Свартхейме не закукарекают, — напомнили они ей.

Один за другим гномы тискали и целовали ее. Они заставили ее сесть рядом с ними на груды шкур. Когда она заплакала, гномы стали орать на Фрейю и бить ее. Один из них, когда она отказалась целоваться с ним, укусил ее за руку. И Фрейе пришлось оставаться с гномами, пока не подали голос петухи в Свартхейме.

Они показали ей гору, на вершине которой троица, изгнанная из Асгарда, нашла себе убежище. Сидя там, великанши обзоревали мир людей.

— Чего ты хочешь от нас, жена Одура? — спросила одна из них, та, которую звали Гулльвейг.

— Увы! Теперь, когда я нашла вас, то поняла, что не должна ничего просить у вас, — вздохнула Фрейя.

— Говори, вана, — потребовала вторая из великанш.

Третья ничего не сказала, но взяла в руки золотое ожерелье на удивление тонкой работы.

— Как оно блестит! — воскликнула Фрейя. — Вы сидите в тени, женщины, но от ожерелья, которое вы держите, идет свет. О, с какой радостью я носила бы его!

— Это ожерелье Брисингамен, — сказала та, которую называли Гульвейг.

— Оно твое, и можешь его носить, жена Одура, — протянула ожерелье та, что держала его в руках.

Фрейя взяла блистающее ожерелье и застегнула его на своей шее. Она не могла заставить себя поблагодарить великанш, потому что видела злобу в их глазах. Тем не менее она поклонилась им и спустилась с горы, на которой они сидели, обозревая мир людей.

Когда она посмотрела на Брисингамен, воспоминание о пережитых унижениях покинуло ее. Это была самая красивая вещь, которую она когда-либо держала в руках. Ни у кого из асов или ванов не было такой красивой вещи. Она испытывала волны счастья. Одур, подумала она, простит ее, когда увидит, какой прекрасной и счастливой Брисингамен сделала ее.

Миновав цветочные заросли, она присела отдохнуть среди легких беспечных эльфов, после чего продолжила путь в Асгард. Все, кого она встречала, долго и с изумлением смотрели на ее ожерелье. А глаза богинь, которых она встречала, горели страстным желанием обладания Брисингаменом, когда они видели его.

Но Фрейя не останавливалась, чтобы с кем-то поговорить. Она спешила как можно скорее преодолеть путь до своего дворца. Она предстанет перед Одуром и получит его прощение. Фрейя вошла в свой сияющий дворец и позвала его. Ответа не последовало. Ее дочка, ее маленькая Хносс, играла на полу. Мать взяла ее на руки, но малышка, посмотрев на Брисингамен, заплакала и отвернулась.

Фрейя опустила Хносс на пол и снова принялась искать Одура. Во дворце его нигде не было. Она обошла дома всех, кто обитал в Асгарде, спрашивая, нет ли известий о нем. Никто не знал, куда он делся. Наконец Фрейя вернулась в свой дворец, где продолжала ждать возвращения Одура. Но он так и не пришел.

Пришла к ней только одна гостья. Это была жена Одина, царственная Фригг.

— Ты ждешь Одур, своего мужа, — произнесла Фригг. — Увы, должна сказать тебе, что Одур сюда к тебе больше не придет. Он ушел, когда ты обзавелась этой блестящей вещью, которая сделала его несчастным. Одур ушел из Асгарда, и никто не знает, где искать его.

— Я найду его за пределами Асгарда, — сказала Фрейя.

Она больше не плакала, но взяла малышку Хносс и попросила Фригг посмотреть пока за ней. Затем она села в свой экипаж, который тянули два кота, и пустилась в путь вниз, из Асгарда в Мидгард, на землю, чтобы искать Одур, своего мужа.

Шли год за годом, а Фрейя продолжала искать и звать своего пропавшего Одур. Она добралась до пределов земли, откуда могла заглянуть в Йотунхейм, где обитал великан, который хотел забрать ее вместе с солнцем и луной как плату за стену вокруг Асгарда. Но нигде, от конца радуги, которая тянулась от Асгарда до земли, до границы Йотунхейма, она не могла найти и следа своего пропавшего мужа.

Наконец она повернула свой экипаж обратно к Билфросту, радужному мосту, который тянулся от Мидгарда, земли людей, до Асгарда, обители богов. Хеймдалль, стражник богов, охранял радужный мост. К нему и подошла Фрейя, в сердце которой еще трепетала надежда.

— О Хеймдалль, стражник богов, говори же и поведай мне, знаешь ли ты, где Одур.

— Одур в любом месте, где искавший его не показывался; Одур в любом месте, которое покинул искавший его; тот, кто ищет его, никогда не найдет Одур, — сказал Хеймдалль, стражник богов.

Фрейя, стоя на радужном мосту, плакала. Фригг, царственная богиня, слышала звуки ее рыданий и вышла из Асгарда, чтобы успокоить ее.

— Ах, какое утешение ты можешь дать мне, Фригг? — плакала Фрейя. — Как ты можешь утешить меня, когда Одур никогда не сможет найти тот, кто ищет его?

— Посмотри, как выросла Хносс, твоя дочь, — сказала Фригг.

Фрейя подняла глаза и увидела прекрасную девушку, стоящую на радужном мосту. Она была юной, куда моложе, чем любой из ванов или асов, а ее лицо и фигура были настолько красивы, что у любого человека размягчалось сердце, когда он смотрел на нее. И Фрейя утешилась в своей потере. Вслед за Фригг она пересекла радужный мост и снова вернулась в город богов. Вместе с Хносс она обосновалась в своем дворце в Асгарде.

Она продолжала носить на шее ожерелье Брисингамен, из-за которого потеряла своего Одура. Но сейчас она носила ожерелье не из-за его великолепия, а как знак той ошибки, которую сделала. Она плакала, и ее слезы, падая на землю, становились золотыми каплями. И у поэтов, которые знали ее историю, она называлась Прекрасная леди в слезах.

КАК ФРЕЙР ОВЛАДЕЛ ВЕЛИКАНШЕЙ ГЕРД И КАК РАССТАЛСЯ СО СВОИМ ВОЛШЕБНЫМ МЕЧОМ

Фрейр, глава ванов, мечтал увидеть свою сестру, которой так долго не было в Асгарде (это было в то время, когда Фрейя бродила по свету в поисках своего мужа, исчезнувшего Одура). В Асгарде было такое место, с которого можно было увидеть весь мир, всех, кто находился в нем. Это была высокая наблюдательная башня с тронном Одина Хлидскьялф.

Высоко в синеву неба уходила эта башня. Фрейр подошел к ней. Он знал, что Один, отец всех живущих, сейчас не восседает на Хлидскьялфе. Лишь два волка, Гери и Фреки, которые присутствовали при Одине во время пиров, были здесь, и они преградили Фрейру путь в башню. Но Фрейр обратился к ним на языке богов, и волки Одина пропустили его.

Поднимаясь по ступенькам на башню, Фрейр, вождь всех ванов, понимал, что он совершает роковой поступок. Потому что никто из высших богов, ни даже Тор, защитник Асгарда, ни Бальдур, самый любимый из всех богов, не поднимались на вершину башни и не садились на трон отца всех богов. «Но если я хоть раз увижу сестру, то уже буду доволен, — сказал себе Фрейр, — и не причиню себе никакого вреда, если осматрю мир».

Он добрался до вершины башни, сел на высокий трон Одина Хлидскьялф и обвел взглядом мир. Он видел Мидгард, землю людей, с домами и городами, с фермами и людьми. За Мидгардом он увидел царство великанов, ужасавшее своими темными горами и грудями снега и льда. Он увидел Фрейю и обратил внимание, что она идет в сторону Асгарда, к городу богов.

«Я доволен, — сказал себе Фрейр, — что посмотрел с вершины Хлидскьялфа и со мной ничего не случилось».

Но как только он это сказал, его взгляд упал на жилище, которое стояло посреди льдов и снегов Йотунхейма. Он долго смотрел на него, сам не понимая, почему устался на этот дом. Открылась дверь, и на пороге появилась девушка из семьи великанов. Ее лицо было настолько красиво, что освещало эту темную землю подобно звездному свету. Девушка постояла немного на пороге, потом повернулась и вошла в дом, закрыв за собой дверь.

Фрейр долго сидел на высоком троне Одина. Затем он спустился по ступеням башни и прошел мимо двух волков Гери и Фреки, которые угрожающе посмотрели вслед ему. Он прошел через весь Асгард, но не нашел в городе богов никого, кто мог бы успокоить его. Этой ночью сон к нему так и не пришел, потому что все его мысли были заняты той очаровательной девушкой, которую он увидел. И когда пришло утро, он почувствовал страшное одиночество, потому что думал, как далек от нее. Он снова подошел к башне, думая подняться на нее и еще раз увидеть девушку. Но на этот раз волки Гери и Фреки оскалились и не пропустили его, хотя и на этот раз он обратился к ним на языке богов.

Тогда Фрейр направился поговорить с мудрым Ньёрдом, своим отцом.

— Та, кого ты видел, сын мой, — сказал Ньёрд, — это Герд, дочь великана Гимира. И ты должен перестать думать о ней. Любовь к ней принесет тебе лишь беду.

— Но почему? — спросил Фрейр.

— Потому что тебе придется отдать самое ценное из того, чем ты владеешь, чтобы прийти к ней.

— Больше всего я ценю мой волшебный меч, — признался Фрейр.

— Тебе придется расстаться с ним, — сказал его отец, мудрый Ньёрд.

— Я отдам его, — согласился Фрейр, снимая с пояса волшебный меч.

— Подумай как следует, сын мой, — стал предостерегать Ньёрд. — Если ты отдашь свой меч, каким оружием ты будешь владеть в день Рагнарёка, когда великаны начнут войну против богов?

Фрейр промолчал, но подумал, что день Рагнарёка еще далек.

— Я не могу жить без Герд, — произнес он, уходя.

Жил в Асгарде некто Скирнир. Он был настолько безрассуден и смел, что никогда не думал о том, что говорит или делает. И ни с кем, кроме Скирнира, Фрейр не мог поделиться той бедой, что свалилась на него и была карой за то, что он сел на место отца всех богов.

Скирнир лишь рассмеялся, услышав рассказ Фрейра.

— Ты, ван, влюбился в девушку из Йотунхейма! Да это в самом деле забавно! Хочешь позвать ее замуж?

— Хотя бы поговорить с ней или передать любовное послание, — ответил Фрейр. — Но я не могу оставить эльфов.

— А если я доставлю послание Герд, — сказал Скирнир-сорвиголова, — что я получу за это?

— Мою лодку Скидбладнир или моего Кабана Золотая Щетина, — пообещал Фрейр.

— Нет, нет, — возразил Скирнир. — Я хочу то, что будет висеть у меня на боку. То, что смогу взять в руку. Отдай мне свой волшебный меч.

Фрейр вспомнил слова отца, что он может остаться безоружным в день Рагнарёка, когда великаны начнут войну против богов и Асгарду будет угрожать опасность. Думая об этом, он отошел от Скирнира и погрузился в раздумья. И все это время кряжистый, коренастый Скирнир смеялся над ним — у него был большой рот и голубые глаза. И наконец Фрейр сказал себе: «День Рагнарёка еще далек, а я не могу жить без Герда».

Он выдернул из-за пояса свой волшебный меч и вложил его в руку Скирнира.

— Я отдаю тебе свой меч, Скирнир, — произнес он. — Передай мое послание Герда, дочери Гимира. Покажи ей это золото и драгоценные камни и скажи, что я люблю ее и прошу ответить мне любовью.

— Я привезу тебе эту девушку, — согласился Скирнир сорвиголова.

— Но как ты попадешь в Йотунхейм? — Фрейр внезапно вспомнил, как темна земля великанов и как страшно приближаться к ней.

— О, с хорошим конем и отличным мечом можно попасть куда угодно, — ответил Скирнир. — Конь у меня могучий, а ты дал мне свой волшебный меч. Завтра я отправляюсь в дорогу.

Скирнир пересек Билфрост, радужный мост, от души посмеявшись над Хеймдаллем, смотрителем моста в Асгард. Его могучий конь, протоптав путь по земле Мидгарда, переплыл реку, которая отделяет Мидгард, мир людей, от Йотунхейма, царства великанов. Ехал он лихо и безоглядно, как вообще делал все на свете. И тут из железного леса появились чудовищные волки Йотунхейма, готовые разорвать и сожрать его вместе с могучим конем. Скирниру повезло, что у него на поясе был волшебный меч Фрей-

ра. Взмах клинка и его блеск испугали страшных зверей. Скирнир ехал все дальше на своем неутомимом коне, пока не приблизился к стене огня. Ни один конь, кроме его могучего жеребца, не смог бы пробиться сквозь нее. Скирнир прорвался сквозь огонь и попал в долину, где стояло жилище Гимира.

Наконец он очутился перед домом, на пороге которого Фрейр видел Герда, в тот день, когда поднялся на сторожевую башню Одина. Огромные псы, которые охраняли жилище Гимира, с лаем обступили Скирнира. Но блеск волшебного меча отогнал их. Скирнир поставил своего коня крупом к дверям и заставил копытом ударить в них.

Гимир сидел в пиршественном зале, пьянствуя со своими друзьями-великанами, и не слышал ни лая собак, ни стука, когда Скирнир колотил в дверь. Но Герда со своими подругами пряла в зале и обратила внимание на шум.

— Кто стучит в двери Гимира? — спросила она.

— Воин на могучем коне, — ответила одна из девушек, выглянув в окно.

— Пусть даже он враг, пусть даже он тот, кто убил моего брата, мы все же откроем ему дверь и дадим чашу медового вина Гимиров.

Подружка Герда открыла дверь, и Скирнир вошел в жилище Гимиров. Он узнал Герда среди прочих девушек, подошел к ней и показал ей чистое золото и драгоценные камни, полученные от Фрейра.

— Это для тебя, прекраснейшая Герда, — начал он, — если ты отдашь свою любовь Фрейру, главе ванов.

— Показывай свое золото и драгоценности другим девушкам, — отозвалась Герда. — Они никогда не заставят меня отдать свою любовь.

И тут Скирнир-сорвиголова, который никогда не задумывался над своими словами, выхватил из-за пояса волшебный меч и занес его над головой Герды.

— Отдай свою любовь Фрейру, который дал мне этот меч, — потребовал он, — или ты встретишь смерть от него.

Герд, дочь Гимира, только рассмеялась безрассудству Скирнира.

— Пусть дочери человека боятся остроты меча Фрейра, — сказала она, — но не пытайся пугать им дочь великана.

Скирнир-сорвиголова блеснул волшебным мечом перед ее глазами и страшным голосом произнес заклятие над Герд:

Герд, я прокляну тебя;
Да, этим магическим
Клинком я коснусь тебя,
И в нем такая сила,
Что ты заханешь,
Как чертополох,
Как та солома,
Что ветер срывает с крыши.

Слыша эти ужасные слова и странный свист волшебного меча, Герд упала на землю, с плачем моля пожалеть ее. Но Скирнир продолжал стоять над ней, а волшебный меч, блестя, продолжал свистеть над ней. Скирнир же продолжал:

И такой уродливой я оставлю тебя,
Что такой девушки никто не видел;
Над тобой будут смеяться
И люди, и великаны;
И лишь гном возьмет тебя в жены;
И вот сейчас в это мгновение,
Этим клинком я коснусь тебя
И оставлю под властью заклятия.

— Только если ты не согласишься отдать свою любовь Фрейру, — сказал Скирнир.

— Я отдам ему свою любовь, — согласилась Герд. — А теперь убери свой волшебный меч, выпей чашу медового вина и покинь дом Гимира.

— Я не буду пить ваше вино и не покину жилище Гимира, пока ты не скажешь, что встретишься и поговоришь с Фрейром.

— Я встречусь и поговорю с ним, — закивала Герд.

— Когда? — спросил Скирнир.

— Через девять ночей, считая с этой, в лесу Барри. Пусть он придет и встретит меня там.

И лишь тогда Скирнир убрал свой волшебный меч и выпил чашу медового вина, которую преподнесла ему Герд. Громко смеясь оттого, что завоевал Герд для Фрейра, он поскакал от дома Гимира. Вот таким образом волшебный меч навечно стал принадлежать ему.

Скирнир-сорвиголова, который никогда не следил за своими словами, на могучем коне пересек радужный мост и увидел, что Фрейр стоит, ожидая его, рядом с Хеймдаллем, стражником моста в Асгард.

— Какие новости ты принес мне? — закричал Фрейр. — Расскажи, Скирнир, еще до того, как ты слезешь со своей тощей кобылы.

— Через девять ночей, начиная с этой, ты можешь встретить Герд в лесу Барри, — ответил Скирнир. Он посмотрел на него, расхохотавшись во весь рот и посверкивая голубыми глазами.

Но Фрейр отвернулся, твердя про себя:

Долог один день.
Как долги два.
Проживу ли я
Эти девять дней?

Эти дни в самом деле были невыносимо длинны для Фрейра. Но пришел девятый день, и вечером Фрейр отправился в лес Барри. Здесь он встретил Герд, девушку-великаншу. Она была так же прекрасна, какой он ее увидел на пороге дома Гимира. И когда она увидела Фрейра, высокого и благородного, она была только рада, что Скирнир-болтун вырвал у нее обещание прийти в лес Барри. Они обменялись золотыми кольцами. И было обговорено, что девушка-великанша войдет в Асгард как невеста.

Герд пришла, но пришла и другая девушка-великанша.

Все обитатели Асгарда стояли у больших ворот, дожидаясь, когда они смогут поприветствовать невесту Фрейра.

И тут появилась другая девушка-великанша, которая была закована в доспехи.

— Я Скади, — сказала она, — дочь Тьяцци. Мой отец встретил смерть от рук обитателей Асгарда. И я хочу отомстить за него.

— Какой мести ты хотела бы, девушка? — спросил Один, улыбаясь при виде девушки-великанши, которая столь смело вышла лицом к лицу с Асгардом.

— Одного из вас, такого же, как у Герда, в мужа. И я должна сама выбрать его.

Все оглушительно расхохотались при словах Скади. Затем Один, смеясь, сказал:

— Мы дадим тебе выбрать в мужа одного из нас, но выбирать его ты должна будешь по ногам.

— Я выберу его любым способом, — сказала Скади, не сводя глаз с Бальдура, самого красивого из всех обитателей Асгарда.

Ей завязали глаза, и все асы и ваны сели в полукруг. Войдя в него, она наклонялась к каждому и касалась его ног. Наконец она нашла того, у кого ноги были такой красивой формы, что она не усомнилась — это Бальдур. Встав, она сказала:

— Вот этого Скади берет себе в мужа.

Асы и ваны залились смехом и долго не могли остановиться. С ее глаз сняли повязку, и она увидела не Бальдура-прекрасного, а Ньёрда, отца Фрейра. Но чем дольше Скади смотрела на Ньёрда, тем больше ей нравился сделанный выбор: Ньёрд был силен и крепок, имел благородный вид.

Эта пара, Ньёрд и Скади, первыми стали жить во дворце Ньёрда у моря, но шум прибоя слишком рано будил Скади по утрам, и она увела мужа на вершину горы, где куда больше чувствовала себя дома. Ньёрд же не мог жить, долго не слыша голоса моря, поэтому Скади и Ньёрд часто возвращались к нему.

Но Герд осталась в Асгарде с Фрейром, своим мужем, и асы и ваны очень полюбили Герда, девушку-великаншу.

ХЕЙМДАЛЛЬ И МАЛЕНЬКАЯ ХНОСС: КАК ВСЕ ПОЯВИЛОСЬ

Хносс, дочь Фрейи и пропавшего Одура, была самой юной из всех обитателей Асгарда. И поскольку имелось пророчество, что этот ребенок соединит своего отца и свою мать, маленькая Хносс часто уходила из города богов, чтобы встретить Одура, когда дорога приведет его в Асгард.

Во всех дворцах города богов тепло встречали маленькую Хносс: и в Фенсалире, где Фригг, жена Одина, отца всех богов, сидела за вязанием золотыми нитями; и в Брейдаблике, где Бальдур, всеобщий любимец, жил со своей красавицей женой, молодой Нанной; и в Билскирнире, гнутом доме, где жили Тор и Сив; и в собственном дворце Одина Валаскьялфе, крытом серебряными черепицами.

Самым большим из всех дворцов считался Гладсхейм, который был возведен из Гласира, дерева с золотыми листьями. Здесь боги устраивали пиры. Маленькая Хносс часто заглядывала в него и видела, как Один, отец всех богов, восседает за пиршественным столом, облаченный в синюю мантию и блестящий шлем, который, напоминая орла, украшал его голову. Один ничего не ел, но пил вино богов и, беря куски еды со стола, кидал их Гери и Фреки, которые лежали рядом с его тронem.

Хносс любила гулять и, выходя за большие ворота, подолгу сидела с Хеймдаллем, стражником радужного моста, слушая его рассказы о чудесах, пока никто не пересекал мост. Хеймдалль держал в руках рог, который назывался Гьялархорн — Золотой зуб. Его звук давал знать обитателям Асгарда, что кто-то пересекает радужный мост. Хеймдалль рассказывал маленькой Хносс, как он учился слышать рост травы и видеть все вокруг на сотни миль. Ночью он видел так же хорошо, как и днем. Он никогда не спал. У него было девять матерей, и его вскормила мощь земли и холодного моря.

И пока маленькая Хносс сидела рядом с Хеймдаллем, он рассказывал ей, откуда все пошло, так как жил с начала времен и знал все.

— До того как поднялся Асгард, — рассказывал он, — и до того как Один вошел в жизнь, земля, море и небо были перемешаны друг с другом, и то, что было тогда, называлось пропасть всех пропастей. На севере был Нифльхейм, обиталище смертельного холода. На юге был Муспелльхейм, огненная земля. В Нифльхейме был котел Хвергельмир, из которого вытекали двенадцать рек, впадавшие в пропасть всех пропастей.

— Гиннунгагап, пропасть всех пропастей, была заполнена льдом, потому что реки замерзали, когда обрушивались в нее. Из Муспелльхейма шли огненные облака, которые превращали лед в густой туман. Туманы снова падали каплями росы, и из этих капель возник Имир, самый древний великан.

— Имир прошел вдоль всех двенадцати рек, пока не нашел место, где в тумане обитали другие живые существа. Там была и великанская корова. Звали ее Аудумла. Имир лег рядом с ней и стал пить ее молоко, которое и дало ему жизнь. Другие существа образовались из росы, которая падала на землю. Их звали дочери мороза, и Имир, древний великан, женился на одной из них, и дети их были великанами.

— В один день Имир увидел, как Аудумла дышит на глыбу льда и лижет то место, куда приходилось ее дыхание. Вслед за движениями ее языка он увидел проступающую фигуру. У нее не было очертаний великанов; она была красива и соразмерна. Из глыбы проступила голова, с которой падали золотые волосы. Имир посмотрел на нее и возненавидел эту красоту.

— Аудумла, гигантская корова, продолжала лизать то место, на которое дышала. Наконец из глыбы вышел полностью сформировавшийся человек. Имир, древний великан, испытал к нему такую ненависть, что готов был тут же, на месте, умертвить его. Но он знал, что, если сделает это, Аудумла больше не будет кормить его своим молоком.

— Бур — таково было имя человека, который вышел из ледяной скалы, Бур — первый из героев. Он тоже жил за счет молока Аудумлы. Бур женился на дочери древнего великана, и у него был сын. Но Имир и его сыновья ненавидели Бура, и наконец пришло время, когда они смогли убить его.

— И тогда разгорелась война между Имиром и сыновьями с сыном и внуками Бура. Один был внуком Бура. Он созвал всех своих братьев, и они смогли уничтожить Имира и весь его род — всех, кроме одного. Имир был так огромен, что его кровь хлынула столь могучим потоком, что все его сыновья утонули в нем, кроме Бергельмира, который был вместе с женой в лодке, когда хлынул поток, и он унес его в то место, которое сейчас называется Йотунхейм, царство великанов.

— Затем Один и его сыновья взяли тело Имира — самое огромное тело, которое когда-либо существовало, и швырнули его в пропасть всех пропастей, заполнив останками все пустые места и провалы. Они вырвали кости из тела и составили из них горы. Они выдрали зубы, которые стали скалами. Они срезали волосы Имира, из которых сделали древесные леса. Из обрезанных бровей получилось место, где сейчас обитают люди, Мидгард. А из пустого черепа Имира они сделали небо.

— Один, его сыновья и братья сделали даже больше. Из искр и облаков пламени, которые вырывались из Муспелльхейма, они сделали солнце, луну и все те звезды, которые сейчас на небе. Один нашел смуглую великаншу по имени Ночь, сына которой звали День, и дал им обоим коней, чтобы они путешествовали по небу. Ночь управляла конем по имени Хримфакс, Морозная грива, а конь Дня именовался Скинфакс, Блестящая грива. С Хримфакса капал пот, который росой опускался на землю.

— Затем Один и его сыновья сделали мужчин и женщин и отдали им Мидгард для жизни. Уродливые гномы подросли и рассеялись по всей земле. Их Один отправил жить в пустотах под землей. Эльфам он позволил остаться

на земле, но поручил им уход за ручьями, цветами и травой. И после отгремевшей войны с ванами он вместе с ними установил мир на земле, взяв у них Ньёрда в заложники.

— У Бергельмира, великана, который не утонул в крови Имира, в Йотунхейме были сыновья и дочери. Они ненавидели Одина и его сыновей и строили козни против них. Когда Один осветил мир солнцем и луной, они очень разгневались и, найдя в Йотунхейме двух самых свирепых и огромных волков, пустили их по следу. И до сих пор солнце и луну, Сол и Мани, преследуют волки Йотунхейма.

Вот такие чудеса Хеймдалль с рогом Гьялархорном в руках рассказывал Хносс, самой юной из обитателей Асгарда. Часто девочка наблюдала у радужного моста, как боги идут в Мидгард и обратно: Тор со своей короной из звезд, с огромным молотом Мьёлльниром в руках, который он сжимал железными перчатками; его колесницу тащили два козла, а сам он был обтянут поясом, который увеличивал его силу; Фригг в своем платье из соколиных перьев, летящая легко, как птица; Один, отец всех богов, на Слейпнире, своем восьминогом боевом коне, полностью покрытом золотыми доспехами, в золотом шлеме в виде орла на голове, с копьем Гунгниром в руке.

Свой рог Хеймдалль держал на ветви огромного дерева.

— Называется оно Иггдрасиль, — рассказал он маленькой Хносс, — и оно — чудо как для богов, так и для людей. Никто не знает, когда Иггдрасиль перестанет расти, и все боятся даже говорить о том времени, когда ему придет конец.

— У Иггдрасиля три корня. Один уходит глубоко под Мидгард, другой — в глубины Йотунхейма, а третий тянется над Асгардом. Над замком Одина растет ветвь Иггдрасиля, и ее зовут Ветка мира.

— Ты смотришь на Иггдрасиль, маленькая Хносс, но ты не знаешь все чудеса его. Высоко в ветвях пасутся четыре оленя; и когда они стряхивают воду со своих рогов, она дождем проливается на землю. На самой верхней ветке Иггдрасиля, такой далекой, что даже боги с трудом видят ее, сидит орел, который все знает. На клюве его при-

мостился сокол, который видит все, что даже глаза орла не в состоянии увидеть.

— Корень Иггдрасиля в Мидгарде уходит глубоко, до царства мертвых. Там обитает злобный дракон Нидхёгг, который постоянно грызет корень, пытаясь уничтожить Иггдрасиль, Дерево всех деревьев. А Рататоск, белка всех хлопот и бед, носится вверх и вниз по Иггдрасилю, внося раздоры между орлом наверху и драконом внизу. Она прибегает к дракону и рассказывает, что орел собирается разорвать его на куски, а потом бежит обратно к орлу сообщать, что дракон собирается сожрать его. Истории, которые она приносит Нидхёггу, вызывают у дракона яростное желание свалить Иггдрасиль, Дерево всех деревьев, чтобы добраться до орла и сожрать его.

— Из-под корней Иггдрасиля бьют два источника, один вверх, а другой — вниз. Один рядом с тем корнем, который растет в Йотунхейме. Это источник знаний, и его оберегает старый Мимир-мудрый. Тот, кто попьет из него, будет знать о всех вещах, которым еще предстоит свершиться. Другой источник у корня, который тянется над Асгардом. Никто не может напиться из него. Три сестры, святые норны, охраняют его и черпают из него белую воду орошать Иггдрасиль, чтобы Дерево мира росло сильным и зеленым. И он, маленькая Хносс, называется источник Урд.

И маленькая Хносс слушала, как по источнику Урд плавают два прекрасных белых лебедя. Они издают музыку, которую часто слышат обитатели Асгарда. Но Хносс была еще слишком юна, чтобы слышать музыку лебедей из источника Урд.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ОДИНА, КАК ОН ОСТАВИТ АСГАРД

У Одина было два ворона; имена их были Хагин и Мунин; каждый день они облетали все миры и, возвращаясь в Асгард, садились на плечи Одина, рассказывая ему все,

что видели и слышали. Но в один день вороны не вернулись. И тогда, стоя на сторожевой башне, Один сказал про себя:

Я боюсь за Хагина,
Что он не вернулся,
Но я больше жду Мунина.

Прошел день, и вороны вернулись. Они сели ему на плечи. Отец всех богов выслушал то, что Хагин и Мунин должны были сообщить ему. Они поведали ему только то, о чем у него были туманные предчувствия. Один, отец всех богов, прошел в Дом Совета, что стоял рядом с Гласиром, на деревьях которого листья были из золота, но не стал говорить с обитателями Асгарда о том, что вороны рассказали ему. Но королева Фригг увидела в его глазах туманное предчувствие того, что должно произойти. И тогда он заговорил с ней об этих вещах, и она сказала:

— Не противься тому, что должно случиться. Давай пойдем к святым норнам, которые сидят у источника Урд, и узнаем, останутся ли эти предчувствия, когда мы посмотрим им в глаза.

И так получилось, что Один и боги покинули Асгард и направились к источнику Урд, где под огромным корнем Иггдрасиля сидели три норны, рядом с которыми плавали два прекрасных лебедя. Пришел Один и Тир, великий боец на мечах, и Бальдур, самый красивый и самый любимый из всех богов, и Тор со своим молотом.

Радужный мост вел из Асгарда, города богов, в Мидгард, землю людей. А другой радужный мост, более красивый и более хрупкий, тянулся из Асгарда к тому корню Иггдрасиля, из-под которого бил источник Урд. Люди редко видели его. И там, где сходились концы обеих радуг, стоял Хеймдалль с рогом Гьялархорном, привратник богов и сторож пути к источнику Урд.

— Открой ворота, Хеймдалль, — приказал отец всех богов, — открой их, потому что сегодня боги посетят святых норн.

Без слов Хеймдалль широко открыл ворота, которые вели к радужному мосту, более яркому и хрупкому, чем любая радуга, которая вставала над землей. Один, Тир и Бальдур ступили на мост. Тор последовал за ними, но прежде чем его нога коснулась моста, Хеймдалль положил ему на плечо руку.

— Остальные могут пройти, но только не ты, Тор, — сказал он.

— Что? Неужели ты, Хеймдалль, удержишь меня?

— Да, потому что я — стражник пути к норнам, — ответил Хеймдалль. — Со своим могучим молотом ты слишком тяжел для этого пути. Мост, который я охраняю, подломится под тобой, Тор, с твоим молотом.

— И тем не менее я пойду навестить норн вместе с Одином и моими друзьями, — упорствовал Тор.

— Но не этим путем, Тор, — возразил Хеймдалль. — Я не позволю, чтобы мост рухнул под весом тебя и твоего молота. А если ты хочешь пройти здесь, оставь молот у меня.

— Нет, нет, — настаивал Тор. — Я ни в коем случае не оставлю молот, который защищает Асгард. И не поверну. Я последую за Одином и моими друзьями.

— Есть и другой путь к источнику, — стал объяснять Хеймдалль. — Видишь две больших туманных реки, Кёрмт и Эрмт? Неужели ты не сможешь перейти через них? Они холодные и опасные, но они приведут тебя к источнику Урд, где сидят три святые норны.

Тор посмотрел на две огромных реки, клубящиеся облаками. Нелегкий путь для того, кто захочет пересечь их, холодный и опасный. Тем не менее если он двинется этим путем, то сможет нести на плече молот, с которым нигде и никогда не расставался. Он ступил в туманную реку, которая текла мимо радужного моста, и с молотом на плече стал пробиваться к другой реке.

Один, Тир и Бальдур уже были рядом с источником Урд, когда Тор, задыхаясь и мокрый с головы до ног, выбрался из второй туманной реки, но молот он по-прежнему тащил на плече. Тут стоял Тир, стройный и прекрасный, опираясь

на свой меч, исписанный сверху донизу магическими рунами; тут стоял Бальдур и, улыбаясь, склонил голову, слушая воркование двух прекрасных лебедей; и тут же стоял Один в своем синем плаще, отороченном золотыми звездами, но без орлиного шлема на голове и без копья в руках.

Три норны — Урд, Вердданди и Скульд — сидели рядом с источником, который бил из-под огромного корня Иггдрасиля. Урд была очень стара, и у нее были белые волосы. Вердданди была красавицей, а Скульд было очень трудно разглядеть, потому что она сидела поодаль и волосы закрывали ее лицо. Урд, Вердданди и Скульд знали все о прошлом, все о настоящем и все о будущем. Пока остальные слушали воркование лебедей и шелест листьев Иггдрасиля, падавших в источник Урд, Один долго, очень долго стоял, глядя глазами бога в глаза норн, даже в глаза Скульд, скрытые волосами. И увидел, что те тревоги и предчувствия, о которых ему говорили Хагин и Мунин, обретают форму и суть.

И тут еще кто-то перешел по радужному мосту. Это были Фригг, Сив и Нанна, жены Одина, Тора и Бальдура. Фригг взглянула на норн. Затем она обратила взгляд, полный любви и печали, на Баальдура, своего сына, и, подойдя к Нанне, положила руку ей на голову.

Один оторвался от норн и посмотрел на Фригг, свою королеву.

— Мне придется на какое-то время оставить Асгард, — сказал он.

— Да, — откликнулась Фригг. — Многое предстоит сделать в Мидгарде, земле людей.

— Получив знания, которые стали моей мудростью, я стал другим, — сказал Один, — так что теперь все может измениться к лучшему.

— Тебе надо сходить к источнику Мимира, — предложила Фригг.

— Да, я пойду к нему, — согласился Один.

— Иди, муж мой, — напутствовала его Фригг.

Они вернулись через радужный мост, который был самым красивым и самым хрупким из всех, которые люди

видели на земле; они вернулись, асы и их возлюбленные — Один и Фригг, Бальдур и Нанна, Тир со своим мечом и Сив рядом с Тиром. Что же касается Тора, то он пошел бороться с туманными реками Кёрмтом и Эрмтом, таща на плече свой молот Мьёлльнир.

Маленькая Хносс, самая юная из всех обитателей Асгарда, стояла рядом с Хеймдаллем, стражником богов и охранником моста к источнику Урд, когда великий Один и Фригг, его королева, понурив голову, миновали большие ворота. Хносс слышала, как Один сказал:

— Завтра я стану Вегтамом-странником, который пройдет по путям Мидгарда и Йотунхейма.

Часть вторая

ОДИН — СТРАННИК

ОДИН ИДЕТ К ИСТОЧНИКУ МИМИРА; ЕГО ЖЕРТВА РАДИ ОБРЕТЕНИЯ МУДРОСТИ

Итак, Один, который больше не ехал на Слейпнире, своем восьминогом жеребце, не был облачен в свои золотые доспехи и орлиный шлем и без копья в руках, прошел через Мидгард, мир людей, и направил свои стопы к Йотунхейму, царству великанов.

Он больше не называл себя Одином, отцом всех богов, а называл себя Вегтамом-странником. На нем был темно-синий плащ, в руках — посох странника. И когда он шел к источнику Мимира, что был близ Йотунхейма, то встретился с великаном на огромном олене.

Людам Один казался человеком, а великанам — великаном. Он подошел к всаднику на олене, и они поговорили.

— Кто ты, о брат? — спросил Один великана.

— Я Вафтруднир, мудрейший из великанов, — ответил тот, кто оседлал оленя.

Один знал его. Вафтруднир в самом деле был мудрейшим из великанов, и многие стремились получить от него совет. Но те, кто подходили к нему, должны были ответить на загадки, которые задавал Вафтруднир, и, если они не могли найти ответа, он сносил им головы.

— А я Вегтам-странник, — представился Один. — И я бы хотел чему-нибудь научиться у тебя.

Великан расхохотался, оскалив зубы.

— Хо-хо! — засмеялся он. — Я готов поиграть с тобой. Но ты знаешь, что стоит на кону? Моя голова против твоей, если я не смогу ответить на любой из твоих вопросов. А если ты не ответишь на мои вопросы, тогда твоя голова достанется мне. Хо-хо-хо! Так что давай начнем.

— Я готов, — отозвался Один.

— Тогда скажи мне, — начал Вафтруднир, — как называется река, которая отделяет Асгард от Йотунхейма?

— Ивлинг называется эта река, — ответил Один. — В ней течет ледяная вода, но она никогда не замерзает.

— Ты ответил правильно, о путник, — удивился великан. — Но ты должен ответить на следующий вопрос. Как кличут коней, на которых День и Ночь пересекают небо?

— Скинфакс и Хримфакс, — назвал Один.

Вафтруднир был изумлен, что кто-то назвал имена, которые знали только боги и мудрейшие из великанов. И теперь остался только один вопрос, который он мог задать, после чего вопросы в свою очередь будет задавать этот незнакомец.

— Скажи мне, — обратился к нему Вафтруднир, — каково название долины, на которой разразится последняя битва?

— Это долина Вигард, — сказал Один. — Сто миль в длину и сто миль поперек.

Теперь настала очередь Одина задавать вопросы Вафтрудниру.

— Каковы будут последние слова, которые Один прошепчет на ухо Бальдуру, своему дорогому сыну? — спросил он.

Услышав этот вопрос, великан Вафтруднир не на шутку удивился. Спрыгнув на землю, он внимательно уставился на этого незнакомца.

— Только Один знает последние слова, которые услышит Бальдур, — произнес он, — и только Один мог задать этот вопрос. Ты же Один, о странник, и я не могу ответить на твой вопрос.

— В таком случае, — сказал Один, — если ты хочешь сохранить свою голову, скажи мне вот что: какую цену

Мимир берет за глоток воды из источника мудрости, который он охраняет?

— В уплату он потребует твой правый глаз, о великий Один, — сообщил Вафтруднир.

— А не запросит ли он цену поменьше? — спросил Один.

— Меньшей цены он не запросит. Многие приходили к нему напиться из источника мудрости, но пока никто еще не согласился на эту цену. Я ответил на твой вопрос, Один. Теперь оставь в покое мою голову и дай мне дальше ехать своим путем.

— Я не потребую твоей головы, — пообещал Один.

И тогда Вафтруднир, мудрейший из великанов, двинулся своим путем, погоняя огромного оленя.

Цена, которую Мимир мог потребовать за глоток из источника мудрости, была просто ужасна! Один очень взволновался, когда узнал о ней. Его правый глаз! Никогда не видеть правым глазом! Он был почти готов развернуться обратно в Асгард, отказавшись от своего похода за мудростью.

Но он продолжил путь, не поворачивая ни к Асгарду, ни к источнику Мимира. И когда он развернулся к югу, то увидел Муспельхейм, где стояла жуткая фигура Суртура с огненным мечом — когда-то Суртур присоединился к великанам в их войне против богов. А когда Один повернул к северу, то услышал рев, доносящийся из котла Хвергельмира, который заполнялся из Нифльхейма, места, где царили темнота и ужас. И Один понимал, что мир не должен находиться между Суртуром, который может уничтожить его огнем, и Нифльхеймом, который в состоянии вернуть его к темноте и небытию. Он, старейший из богов, должен обрести ту мудрость, что поможет ему спасти мир.

Перед той потерей и болью, что ждали его, лицо Одина посуровело. Он развернулся и двинулся к источнику Ми-

мира. Тот тек из-под огромного корня Иггдрасиля — того, что тянулся из Йотунхейма. Тут сидел Мимир, хранитель источника мудрости, пристально вглядываясь в глубину воды. Он, который каждый день пил из источника мудрости, знал, кто предстал перед ним.

— Приветствую тебя, Один, старейший из богов, — произнес он.

Один поклонился Мимиру, мудрейшему из земных существ.

— Я хотел бы напиться из твоего источника, Мимир, — сказал он.

— Есть цена, которую за это надо заплатить. Все, кто приходят сюда напиться, уклоняются от нее. Готов ли ты, старейший из богов, уплатить ее?

— Я не буду уклоняться от цены, которую необходимо уплатить, Мимир, — ответил Один, отец всех богов.

— Тогда пей, — разрешил Мимир. Водой из источника он наполнил большой рог и протянул его Одину.

Один обеими руками взял рог и, припав к нему, стал пить и пить. И когда он пил, будущее прояснялось перед ним. Он видел все горести и печали, которые падут на людей и богов. Но он видел также, почему горести и печали должны будут рассыпаться в прах, и он видел, что ждет богов и людей, когда они, не потеряв мужества и благородства в тяжелые дни, померятся силой со злом, которое принесло ужас, сокрушение и отчаяние в этот мир, и уничтожат его, пусть даже пока этот день очень далек.

Когда Один опустошил весь огромный рог, что дал ему Мимир, он поднес руку к лицу и вырвал свой правый глаз. Боль была такой ужасной, что Один, отец всех богов, еле ее выдержал. Но он не издал ни стога, ни крика. Склонив голову, он закрыл плащом лицо, а Мимир, взяв глаз, опустил его глубоко в воду, в глубины источника мудрости. Там и остался глаз Одина, сияя сквозь воду, — как знак для всех, кто придет сюда, о той цене, которую отец богов уплатил за свою мудрость.

ОДИН ВСТРЕЧАЕТСЯ С ЧЕЛОВЕКОМ ЗЛА

В свое время, когда мудрость отца всех богов была еще не так велика, Один жил в мире людей. Фригг, его королева, тогда была с ним; обитали они на суровом пустынном острове и были известны как Гримнир-рыбак и его жена.

Один и Фригг всегда присматривались к людским сыновьям. Они хотели найти, кого могли бы усыновить и воспитать с такой силой и таким духом, чтобы он мог спасти мир от власти великанов. И Один и Фригг увидели сыновей короля Храудунга, и оба подумали, что вот в них можно воспитать дух героев. Один и Фригг обдумали, как забрать детей себе, чтобы заботиться о них и учить.

Как-то ребята пошли рыбачить. Налетел шторм и разбил их лодку о скалы острова, на котором жили Один и Фригг. Они принесли их в свою хижину и рассказали им, что всю зиму будут заботиться о них и учить, чтобы к весне они построили лодку, которая доставит их обратно в страну их отцов.

— Мы посмотрим, — сказал Один Фригг в тот вечер, — кто из них двоих сможет вырасти самым доблестным героем.

Он сказал это потому, что Фригг прониклась симпатией к одному из мальчиков, а Один — к другому. Фригг ценила старшего брата Агнара, у которого был мягкий голос и который был спокоен и добр. Но Одину больше нравился младший мальчик. Гейррёд — так его звали — был полон силы и страсти; у него был высокий и громкий голос.

Один брал Гейррёда с собой и показывал ему, как рыбачить и охотиться. Он развил в нем врожденную смелость, заставляя его прыгать со скалы на скалу, взбираться на самые высокие утесы и переплывать самые бурные потоки. Он брал его с собой в медвежью берлогу и заставлял драться за жизнь с копьём в руках. Агнар тоже участвовал в этих упражнениях и доказал свой ум и отвагу. Но Гейррёд превосходил его в каждом испытании. «Каким героем он будет!» — нередко восклицал Один.

Агнар же часто оставался с Фригг. Он сидел рядом, когда она вязала, и, слушая ее рассказы, задавал ей вопросы, которые наделяли его мудростью. И Агнар услышал об Асгарде и о его обитателях. И как они защищали Мидгард, мир людей, от великанов Йотунхейма. Агнар, хотя и не выражал этого вслух, решил про себя, что отдаст всю жизнь, все силы и все мысли, чтобы помочь делу богов.

Пришла весна, и Один построил лодку для Гейррёда и Агнара. Им настала пора возвращаться в свои земли. Прежде чем они отплыли, Один сказал Гейррёду, что придет день, когда он явится навестить его.

— И не будь слишком горд, встречая рыбака в своем доме, — сказал Один. — Король должен оказывать равное уважение даже последнему бедняку, который придет в его дом.

— Я буду героем, и в этом нет сомнений, — ответил Гейррёд. — И я мог бы быть и королем тоже, но только Агнар родился раньше меня.

Агнар попрощался с Фригг и Одним, поблагодарив их за ту заботу, которую они уделяли Гейррёду и ему. Он посмотрел в глаза Фригг и сказал, что постарается научиться, как драться в битве на стороне богов.

Братья уселись в лодку и, работая веслами, отплыли. Они оказались рядом с владениями короля Храудунга и увидели замок, нависший над морем. И тут Гейррёд сделал ужасную вещь. Он развернул лодку обратно в море и выбросил весла. И поскольку он умел прекрасно плавать даже в любую бурю и взбираться на самые высокие скалы, он прыгнул в воду и поплыл к берегу. А Агнара, оставшегося без весел, понесло течением.

Гейррёд вскарабкался на утес и подошел к замку своего отца.

Король Храудунг, который давно считал обоих своих сыновей пропавшими, был вне себя от радости, увидев его. Гейррёд рассказал, что на обратном пути Агнар выпал из

лодки и утонул. Король Храудунг, который думал, что потерял обоих своих сыновей, был счастлив, что спасся хоть один. Он посадил Гейррёда рядом с собой на трон, и, когда он умер, Гейррёд стал править своим народом.

А теперь Один, испивший из источника Мимира, шел через людские владения, судя и королей, и простых людей так, как ему подсказывала обретенная мудрость. Наконец он явился в королевство, которым правил Гейррёд. Один думал, что, поскольку все короли, с которыми он встречался, были благородными людьми, Гейррёд конечно же будет благороднейшим из них.

Он подошел к королевскому дворцу как странник, слепой на один глаз, в темно-синем плаще и с посохом в руках. Когда он подходил к дворцу, рядом с ним проехали люди на черных лошадях. Первый из них не отвернул лошадь, оказавшись рядом со странником, и едва не опрокинул его на землю.

Когда они подъехали к дворцу, всадники на черных лошадях закричали, призывая слуг. В конюшне был только один прислужник. Выйдя, он принял лошадь у первого всадника. Тогда остальные приказали страннику позаботиться об их лошадях. Ему пришлось поддержать стремяна для кое-кого из них, чтобы помочь им спешиться.

Один знал, кем был тот первый всадник. Он был королем Гейррёдом. И он знал, кто прислуживал в конюшне. Им был Агнар, брат Гейррёда. Обретенная им мудрость поведала ему, что Агнар вернулся в королевство своего отца в облике слуги, и ему было известно, что Гейррёд не знал, кем был этот слуга.

В конюшню они вошли вместе. Агнар разломал ломоть хлеба и поделился им со странником. Он дал ему и солому, чтобы присесть. Но немного погодя Один сказал:

— Я буду сидеть у огня в королевском зале, где и поем.

— Нет, оставайся здесь, — возразил Агнар. — Я дам тебе еще хлеба и чем накрыться. Даже не подходи к дверям зам-

ка, потому что сегодня король в гневе и может приказать выкинуть тебя.

— Неужто? — удивился Один. — Король выгонит странника, который пришел к его дверям? Не может быть, чтобы он это сделал!

— Сегодня он зол, — повторил Агнар. И снова попросил странника даже не подходить к дверям замка. Но Один поднялся с соломы, на которой сидел, и пошел к дверям.

В них стоял привратник, горбатый и длиннорукий.

— Я странник, и я хотел бы отдохнуть и поесть в королевском зале, — сказал Один.

— Не в королевском зале, — ответил горбатый привратник. Он преградил дверь перед Одином, но голос короля остановил его.

Один вошел в зал и увидел короля, который сидел за столом со своими приятелями, чьи злые и жестокие лица украшали черные бороды. И когда Один посмотрел на них, то понял, что мальчик, в котором он пытался воспитать благородство, стал королем разбойников.

— Коль уж ты вошел в зал, где мы пируем, то спой для нас, странник, — крикнул один из этой мрачной компании.

— Да, я спою для вас, — согласился Один. Он встал между двумя каменными колоннами и запел, упрекая короля за то, что тот вступил на порочный путь жизни, за все его жестокие деяния.

— Взять его, — приказал король, когда Один кончил петь.

Разбойники набросились на Одина, набросили на него цепи и приковали между двумя колоннами зала.

— Он пришел сюда погреться, — сказал Гейррёд, — и тепло мы ему дадим.

Он приказал слугам обложить странника вязанками дров. Они сделали это. Затем король своими руками поднес пылающий факел к дровам, и вокруг странника взметнулись языки пламени.

Они лизали его с головы до ног. Но пламя не коснулось плоти Одина, отца всех богов. Король и его друзья

стояли вокруг, наслаждаясь зрелищем, как огонь подбирается к живому человеку. Но языки пламени выгорели, и Один остался стоять, сурово глядя на людей, которые могли быть столь злы и жестоки.

Они пошли спать, оставив Одина прикованным к колоннам. Один мог разорвать цепи и обрушить колонны, но он хотел посмотреть, что еще может случиться в этом королевском замке. Слуги получили приказание не давать ему ни еды, ни питья, но к рассвету, когда поблизости никого не было, Агнар принес ему рог эля и дал попить.

На следующий вечер, когда король вернулся со своих разбойничьих походов и расселся за столами с друзьями, которые ели жадно, как волки, он приказал снова развести огонь вокруг Одина. И снова все стояли вокруг, радостно глядя, как пламя пляшет вокруг живого человека. Но, как и прежде, огонь не коснулся Одина, и он остался стоять, твердо и строго глядя на короля, отчего тот ненавидел его все больше и больше. И весь этот день Один провел в цепях, и слугам было запрещено приносить ему еду или питье. Никто не знал, что на рассвете он снова припал к рогу с элем.

И так прошли восемь ночей. И на девятую ночь, когда вокруг него снова разожгли огонь, Один повысил голос и запел.

Его песня становилась все громче и громче, и королю с его друзьями и слугами в королевском замке пришлось стоять на месте и молча слушать ее. Один пел о Гейррёде, как боги защитили его, дав ему силу и умения, но вместо того, чтобы употребить их на благородные дела, он стал вести себя как дикий зверь. Затем он запел, как месть богов обрушится на этого неблагодарного и позорного короля.

Пламя опало, и Гейррёд со своими друзьями увидели перед собой не одинокого странника, а того, в ком было больше царственности, чем у любого короля на земле. Цепи спали с его тела, и он двинулся к этой злобной компании. И тут Гейррёд кинулся на него с мечом в руках, чтобы убить его. Меч ударил его, но Один остался невредим.

Твоя жизнь кончилась,
И боги обрушили гнев на тебя;
Подойди ближе, если осмелишься,
И ты увидишь Одина.

Так спел Один, и, полные ужаса перед его прожигающим взглядом, Гейррёд и его компания съежились и подались назад. Они превратились в зверей, в волков, которые обречены бегать по лесам.

И Агнар вышел вперед, и Один провозгласил его королем. Весь народ был рад, когда Агнар взялся править ими, потому что они были подавлены жестким правлением Гейррёда. А царствование Агнара было не только добрым, но уверенным и победным.

ОДИН ДОБЫВАЕТ ДЛЯ ЛЮДЕЙ ВОЛШЕБНЫЙ МЕД

Сварили волшебный мед гномы, а унесли и спрятали его великаны. Но именно Один раздобыл его из того места, где таили великаны мед, и передал его сыновьям людей. Те, кто пили волшебный мед, становились очень мудрыми, при этом они начинали говорить таким прекрасным словом, что любой, кто их слушал, проникался к ним любовью.

...Гномы сварили волшебный мед из человеческой крови, с помощью жестокости и злодейства. Был такой Квасир-поэт. Он был не только мудр, но и обладал столь прекрасным языком, что все любили его и легко запоминали его речи. Гномы затащили Квасира в свои пещеры, где и убили.

— Теперь, — сказали они, — у нас есть кровь Квасира и его мудрость. Кроме нас, никто ею не владеет.

Они разлили его кровь в три больших кувшина и смешали ее с медом, из чего и сварили волшебный мед.

После убийства человека гномы стали наглеть на глазах. Вылезая из своих пещер, они разгуливали по всему Мидгарду, миру людей. Они заходили и в Йотунхейм и там разы-

грывали свои злобные шуточки с самыми безобидными из великанов.

Так они насели на одного великана, который был записным простаком. Звали его Гиллинг. Гномы уговорили Гиллинга вывезти их в море на лодке. Затем два самых хитрых гнома, Галар и Фьялар, направили лодку на скалу. Лодка разбилась. Гиллинг не умел плавать и утонул. Гномы же уцепились за останки лодки и благополучно добрались до берега.

Злобные шуточки доставляли гномам столько удовольствия, что они хотели повторять их снова и снова.

Галар и Фьялар придумали, какую они могут сделать новую подлость. Они привели компанию гномов в дом Гиллинга и, рыдая, сообщили его жене, что Гиллинг погиб. Жена великана начала плакать и сетовать. Наконец она в слезах выскочила из дома. А Галар и Фьялар залезли на подоконник, и, когда бедная вдова пробегала внизу, гномы сбросили ей на голову мельничный жернов, который убил ее. Гномам доставляли удовольствие те беды и разрушения, что они причиняли.

Они так обнаглели, что стали петь песни, в которых хвастались, как убили Квасира-поэта, великана Гиллинга и его жену. Они ошивались вокруг Йотунхейма, мучая всех, к кому подбирались, и лстя себе, что, мол, они великие и сильные. Тем не менее они пребывали тут уж слишком долго. В результате Суттунг, сын Гиллинга, выследил их и захватил в плен.

Суттунг был не так безобиден и простоват, как его отец. Он был хитрым и завистливым. Когда гномы оказались в его руках, возможности сбежать у них не было. Он высадил их посреди моря на скалу, подножие которого омывал прибой.

Стоя в воде, великан был выше этой скалы, и вода поднималась ему лишь до колен. Он стоял, наблюдая за гномами, которые приходили в ужас от погружавшейся в волны прилива спасительной тверди.

— О, сними нас с этой скалы, добрый Суттунг, — плача, взывали они к нему. — Сними нас, и мы дадим тебе

золото и драгоценности. Забери нас отсюда, и ты получишь ожерелье, такое же красивое, как Брисингамен.

Они рыдали, обращаясь к нему, но великан Суттунг лишь смеялся над ними. Ему не надо было ни золота, ни драгоценностей.

Тогда Фьялар и Галар закричали:

— Сними нас со скалы, и мы дадим тебе кувшины волшебного меда, который мы сварили.

— Волшебный мед? — спросил Суттунг. — Это то, чего ни у кого нет. Было бы неплохо получить его, потому что он поможет нам в битве с богами. Да, я хотел бы получить волшебный мед.

Он снял гномов со скалы, но придержал при себе Галара и Фьялара, пока остальные не спустились в пещеры и не принесли кувшины с волшебным медом. Суттунг взял мед и спрятал его в горной пещере рядом со своим жилищем.

Вот так и получилось, что волшебный мед, сваренный гномами с помощью жестокости и злодейства, попал в руки великанов. И теперь последует история, как Один, старейший из богов, который в то время бродил по миру в облике Вегтама-странника, изъял у Суттунга мед и передал его в мир людей.

У Суттунга была дочь Гуннлёд, своей добротой и красотой она напоминала Герд и Скади, девушек-великанш, которых любили обитатели Асгарда. Суттунг в поисках того, кто может охранять волшебный мед, наложил на Гуннлёд заклятие, превратив ее из красивой девушки в уродливую ведьму с длинными зубами и острыми ногтями, и запер в пещере, где хранились кувшины с волшебным медом.

Один слышал о гибели Квасира, которого почитал больше всех людей. Гномов, которые убили его, он замуровал в их пещерах, чтобы они никогда больше не могли выйти в мир людей. А затем отправился искать волшебный мед. Он хотел отдать его людям, чтобы, попробовав его, они обрели мудрость и их слова стали бы полны любви.

Историю, как Один извлек волшебный мед из каменной пещеры, где Суттунг спрятал его, как он снял заклятие, наложенное на Гуннлёд, дочь Суттунга, люди часто рассказывают, сидя вокруг очага.

Девять сильных рабов косили траву в поле, мимо которого шел странник в синем плаще и с посохом в руке. Один из рабов обратился к нему:

— Скажи в доме Бауги, который стоит вон там, наверну, что я не могу больше косить, пока они не пришлют мне точильный камень, чтобы острить косу.

— Вот тебе точильный камень, — сказал странник, вынимая брусок из-за пояса.

Раб, который обратился к нему, навел свою косу и принялся работать. Трава стала ложиться под его косой словно под ветром.

— Дай и нам брусок, дай и нам! — стали просить другие косцы.

Странник кинул им брусок и, оставив их пререкаться, пошел своим путем.

Странник подошел к дому Бауги, брата Суттунга. Он остановился отдохнуть в нем, и, когда пришло время ужина, ему дали поесть за большим столом. И пока он ел вместе с великанами, с поля пришел посланец.

— Бауги, — сказал он, — все твои девять рабов мертвы. Они перебили друг друга косами, передравшись из-за точильного бруска. И теперь у тебя больше нет рабов для косьбы.

— Что я буду делать, что я буду делать? — запричитал великан Бауги. — Мои поля останутся нескошенными, и у меня не будет сена кормить зимой своих коров и лошадей.

— Я могу поработать для тебя, — предложил странник.

— От одного человека толку не будет, — вздохнул великан. — Я должен иметь девять работников.

— Я сделаю работу за девятерых, — ответил странник. — Испытай меня, и посмотришь.

На следующий день Вегтам-странник вышел в поле Бауги. И за день сделал работу девяти человек.

— Останься у меня на это время года, — попросил Бауги, — и я тебе щедро заплачу.

Так Вегтам остался в доме великана и работал на его полях, и, когда вся работа была закончена, Бауги сказал ему:

— Говори, какое вознаграждение я тебе должен.

— Единственное, что я попрошу у тебя, — ответил Вегтам, — это глоток волшебного меда.

— Волшебного меда? — переспросил Бауги. — Я не знаю ни где он, ни как добраться до него.

— Он у твоего брата Суттунга. Иди к нему и попроси для меня глоток волшебного меда.

Бауги пошел к Суттунгу. Но когда тот услышал, для чего пришел брат, то яростно обрушился на него.

— Глоток волшебного меда?! — возопил он. — Никому я не дам и капли его. Не для того ли я заколдовал свою дочь Гуннлёд, чтобы она стерегла его?! И ты мне говоришь, что странник, который один сделал работу за девятых, просит в уплату глоток волшебного меда! Есть великаны еще глупее, чем Гиллинг! Простофили! Кто мог сделать для тебя такую работу и кто мог потребовать такое вознаграждение, как не один из наших врагов, из асов. Убирайся и никогда больше не приходи с разговорами о волшебном меде!

Бауги вернулся домой и рассказал страннику, что Суттунг не даст ни капли меда.

— Мы заключили с тобой договор, — сказал Вегтам-странник, — и ты должен мне ту оплату, которую я попросил. А теперь иди со мной и помоги мне ее получить.

Он заставил Бауги привести себя в то место, где был спрятан волшебный мед. Это была пещера в горном склоне. Перед ней лежала огромная груда камней.

— Мы не можем ни сдвинуть их, ни пробиться сквозь них, — произнес Бауги. — И я не могу помочь тебе получить заработанное.

Странник выдернул из-за пояса бур.

— Он пройдет через скалу, если приложить к нему силу. Силы у тебя хватает, великан. Начинай.

Взяв бур, Бауги со всей силой врезался в скалу, а странник стоял рядом, опираясь на посох, спокойный и величественный в своем синем плаще.

— Я проделал глубокую, очень глубокую дыру. Она прошла сквозь скалу, — сказал наконец Бауги.

Странник подошел к дыре и дунул в нее. В лица им полетела каменная пыль.

— Значит, вот она, та сила, которой ты хвастался, великан, — усмехнулся странник. — Ты и половину скалы не пробурил. Работай снова.

Бауги опять взялся за бур и стал все глубже и глубже вгрызаться в скалу. Он тоже дунул в дыру — и вот! Его дыхание прошло насквозь. Затем он посмотрел на странника, что тот станет делать; глаза его были преисполнены ярости, а бур он держал в руках словно нож.

— Посмотри на верхушку скалы, — сказал странник.

Когда Бауги задрал голову, странник превратился в змею и скользнул в дыру в скале. Бауги заметил это и ударил змею буром, надеясь убить, но змея успела уползти.

За толстой стеной было пустое пространство, освещенное светящимися кристаллами в камне. И там сидела безобразная ведьма с длинными зубами и острыми ногтями. Она раскачивалась из стороны в сторону, и из глаз ее лились слезы.

— О, моя молодость и красота, — напевно бормотала она, — о, горе, горе мне! Я заперта здесь, и эта пещера — все, что у меня есть.

Змея скользнула по полу.

— О, ты смертельно опасна, и ты можешь убить меня! — вскричала ведьма.

Змея подползла к ней, и ведьма услышала тихий голос:

— Гуннлёд, Гуннлёд!

Охранница оглянулась: за ней стоял величественный человек в темно-синем плаще — Один, старейший из богов.

— Ты пришел взять волшебный мед, сторожить который мой отец оставил меня! — закричала она. — Ты не получишь его! Скорее я вылью его на сухую землю пещеры.

— Гуннлёд, — сказал Один и подошел к ней.

Она посмотрела на него и почувствовала, как алая кровь юности возвращается на ее щеки. Она прижала руки с острыми ногтями к груди и почувствовала, как они впиваются в ее плоть.

— Спаси меня от этого уродства, — заплакала она.

— Я спасу тебя, — сказал Один. Он еще ближе подошел к ней, взял ее руки и сжал их. Он поцеловал ее в губы. Все следы уродства покинули девушку. У нее больше не было горба, она стала высокой и обрела свою стройность. Глаза стали большими и темно-синими, губы — алыми, а руки — мягкими и красивыми. Она превратилась в такую же красавицу, как Герд, на которой женился Фрейр.

Так они стояли, глядя друг на друга, а потом сели бок о бок и спокойно поговорили — Один, старейший из богов, и Гуннлёд, прекрасная великанша.

Она отдала ему три кувшина с волшебным медом и сказала, что выйдет из пещеры вместе с ним. Прошло три дня, но они по-прежнему находились взаперти. Наконец Один силой своей мудрости нашел скрытые тропы и проходы, что вели из пещеры, и вывел Гуннлёд на свет.

Он нес с собой кувшины с волшебным медом, который дает мудрость, а мудрость — такое прекрасное слово, что влечет за собой любовь. И Гуннлёд, которая испробовала лишь каплю этого волшебного меда, вышла в мир с песней о красоте и могуществе Одина и о своей любви к нему.

ОДИН РАССКАЗЫВАЕТ ВИДАРУ, СВОЕМУ МОЛЧАЛИВОМУ СЫНУ, ТАЙНУ СВОИХ ДЕЯНИЙ

Один представал в виде Вегтама-странника не только перед великанами и людьми, когда бродил по Йотунхейму и Мидгарду. Он встречался и говорил также и с богами — и

с теми, кто живет далеко от Асгарда, и с другими, которые приходили в Мидгард и Йотунхейм.

Среди тех, кто жил далеко от Асгарда, был Видар, молчаливый сын Одина. Он обитал далеко в глуши, среди высокой травы, которая росла вокруг него. Рядом с ним пасся конь под седлом, всегда готовый стремительно умчаться вдаль.

И Один, который теперь был Вегтамом-странником, пришел в это уединенное место и обратился к Видару, молчаливому богу.

— О Видар, — сказал он, — самый странный из всех моих сыновей; бог, который будет жить, когда все мы уйдем; бог, что принесет миру память об обитателях Асгарда, которые не будут знать о своей силе; о Видар, я хорошо знаю, почему конь, который пасется рядом с тобой, готов сорваться с места: ты можешь всегда вспрыгнуть на него и умчаться незамеченным — сын, который спешит отомстить своему отцу.

— Лишь тебе одному, о Видар молчаливый, я расскажу о тайнах моих деяний. Никто, кроме тебя, не будет знать, почему я, Один, старейший из богов, девять дней и ночей висел на дереве Иггдрасиль, приколотый своим собственным копьём. А висел я на нем, чтобы усвоить ту мудрость, которая даст мне силы во всех девяти мирах. И на девятую ночь руны мудрости появились перед моими глазами, и, соскользнув с дерева, я взял их себе.

— И я расскажу тебе, почему мои вороны прилетели к тебе, неся в клювах куски кожи, — чтобы ты смог сделать себе сандалии и ногой в этой сандалиии наступить на нижнюю челюсть самого свирепого волка и разорвать его. Все сапожники земли выделявали для тебя эту кожу, чтобы ты мог справиться с волками.

— Я посоветовал обитателям земли обрезать ногти на руках и ногах своих мертвецов, потому что из них великаны сделают для себя корабль Нагльфар, на котором поплывут на север в день Рагнарёка, Сумерек богов.

— И я скажу тебе больше, Видар. Я, живя среди людей, взял в жены дочь героя. Моему сыну придется жить как

смертному среди смертных. Его зовут Сиги. От него пойдут отпрыски — герои, которые заполнят Валгаллу, мой Зал в Асгарде, и вместе с другими героями они вступят в нашу битву с великанами и с Суртуром с огненным мечом.

Один долго оставался в этом спокойном месте, общаясь со своим молчаливым сыном Видаром, который вместе со своим братом вел жизнь отличную от жизни обитателей Асгарда и который, когда придет другой день и появится другой мир, принесет в него память об асах и ванах. Один долго говорил с ним, а затем пошел сквозь чашу, где в кустах и высокой траве пасся конь, готовый к внезапному путешествию. Он прошел к берегу моря, где асы и ваны уже собрались на пиршество, которое устраивал для них старый Эгир, великан, властелин моря.

ТОР И ЛОКИ В ГОРОДЕ ВЕЛИКАНОВ

Все, кроме нескольких обитателей Асгарда, пришли на пир, который устраивал старый Эгир, великан, властелин моря. Была там королева Фригг, жена Одина; Фрейр и Фрейя; Идунн, которая оберегала молодильные яблоки, и Браги, ее муж; Тир, великий боец на мечах, и Ньёрд, бог моря, Скади, что вышла замуж за Ньёрда и которая свирепо ненавидела Локи, и Сив, чьи золотые волосы однажды, проказничая, отрезал Локи. Там же были Тор и Локи. Обитатели Асгарда собрались в зале Эгира, поджидая Одина.

До появления Одина Локи веселил компанию насмешливыми рассказами о Торе. Локи давно уже распорол губы после того, как гном Брок сшил их нитями. И Тор забыл то зло, которое Локи причинил Сив. Локи был вместе с Тором во время его странствия через Йотунхейм и сейчас рассказывал забавные истории об их путешествии. Никто из асов и ванов еще не знал об этих приключениях.

...Решил Тор помериться силой с великанами. Он ничего не боялся, потому что с ним был Мьёлльнир, его молот.

Путь Тора и Локи лежал через Мидгард, землю людей. Двигались они в медной колеснице, запряженной двумя козлами. И как-то ночь застала их в пути, когда они были голодны и нуждались в укрытии. Увидев крестьянскую хижину, они направили к ней колесницу, распрягли козлов и оставили их стоять в низинке. Тор и Локи выглядели не как обитатели Асгарда, а как обыкновенные люди, путешествующие по стране. Они постучали в хижину и попросили еды и убежища.

Крышу они получить могут, сказали им крестьянин и его жена, но вот еды у них нет. То немного, что еще оставалось, они съели на ужин. Крестьянин показал им, как выглядит хижина, голая и бедная, и в ней нечего было предложить путникам. Хозяин сказал, что утром он спустится к реке и попробует наловить рыбы.

— Мы не можем ждать до утра, мы должны поесть сейчас, — возразил Тор, — и думаю, я могу обеспечить вам хороший стол.

Он вернулся к своим козлам, что паслись рядом с колесницей, и, пустив в ход свой молот, убил их. Затем он ободрал их, разделал и, очень аккуратно собрав все кости, завернул их в шкуры. Подняв шкуры с костями, он принес сверток в дом и оставил в углублении у крестьянского очага.

— Никто, — сказал он командным голосом, — не должен прикасаться к костям, которые я оставил здесь!

Затем он принес мясо. Скоро оно было приготовлено и, испуская пар, оказалось на столе. Крестьянин, его жена и сын расселись с Тором и Локи вокруг стола. Хозяйева не ели досыта много дней, и сейчас семья наелась вволю.

Крестьянского сына звали Тьялфи. Он был взрослым парнем. Когда мясо оказалось на столе, отец и мать стали гонять сына: то принести воды, то подбросить поленьев в огонь, то держать горящую ветку над столом, чтобы сидящие за ним могли видеть пищу. Когда тот смог наконец сесть за стол, осталось для него немного, потому что Тор и Локи обладали отменным аппетитом, а мать и отец пар-

ня ели, чтобы возместить дни воздержания. Так что Тьялфи осталось немного от обильного пиршества.

Когда с едой было покончено, все разлеглись по лавкам. Тор и Локи, которые проделали в этот день большой путь, крепко уснули. Тьялфи тоже лежал на лавке, но все его мысли были о еде. «Когда все уснут, — подумал Тьялфи, — я возьму одну из костей, которые лежали в шкурах рядом с ним, разгрызу ее и высосу».

Так что глубокой ночью парень встал со скамьи и взял козлиные шкуры, которые Тор так заботливо уложил у очага. Он сломал кость и высосал костный мозг. Локи проснулся и увидел, что тот делает, но, поскольку, как всегда, получал удовольствие от любых пакостей, не остановил парня.

Тьялфи сунул сломанную кость обратно в шкуры и убрал их под очаг. После чего пошел спать.

Едва только поднявшись утром, Тор первым делом вытащил шкуры, осторожно отнес их в яму, где оставил козлов, и опустил на землю. Каждую из них он стукнул молотом, и козлы вскочили живыми, с рогами, копытами и всем прочим.

Но один не был таким, как прежде. Он сильно хромал. Тор осмотрел ногу и увидел, что сломана кость. Полный гнева и ярости, он повернулся к крестьянину, его жене и сыну.

— Кость у этого козла была сломана под вашей крышей! — заорал он. — За это я разрушу ваш дом и оставлю вас мертвыми под его обломками!

Тьялфи заплакал. Выйдя вперед, он упал на колени перед Тором.

— Я не знал, какой вред причиню, — признался он. — Это я сломал кость.

Тор вскинул молот, чтобы вогнать Тьялфи в землю. Но не смог его опустить на плачущего юношу и снова поставил молот на землю.

— Ты будешь служить мне за то, что обезножил моего козла, — сказал он. — Идем со мной.

И парнишка Тьялфи ушел с Тором и Локи.

Тор взял в свои могучие руки дышло медной колесницы и притащил ее в одинокую горную долину, куда не заглядывали ни великаны, ни люди. Они оставили козлов в огромном пустом лесу пастись и отдыхать, пока снова не позвали их.

Тор, Локи и Тьялфи пошли через Мидгард к Йотунхейму. Поскольку Тор нес с собой Мьёлльнир, свой огромный молот, он чувствовал себя в безопасности в царстве великанов. И Локи, который полагался на свою хитрость, тоже ничего не боялся. А Тьялфи настолько доверял Тору, что не испытывал страха. Путешествие их было долгим, и в пути Тор и Локи учили Тьялфи быть быстрым и сильным.

Как-то они вышли к болоту. Весь день они пробирались через него, но оно все еще продолжало расстилаться перед ними. Дул сильный ветер, спускалась ночь, а они не видели вокруг никакого убежища. В сумерках они едва заметили какие-то очертания, напоминавшие гору, и пошли к ней, надеясь найти хоть какое-то укрытие в виде пещеры.

Не дойдя до горы, Локи, Тор и Тьялфи наткнулись на какой-то приземистый дом, но очень странной формы. Они обошли его. У высокого широкого прохода не было дверного проема. Когда путники вошли в него, то увидели, что внутри дом разделен на пять длинных и узких помещений.

— Странное место, — сказал Локи, — но лучшее укрытие, которое мы можем сейчас раздобыть. Мы с тобой, Тор, займем две самые длинные комнаты, а Тьялфи может разместиться в той, что поменьше.

Они разошлись по своим комнатам и легли спать. Но с соседней горы доносились звуки, напоминающие стонущий лес и гул водопада. Комнаты, в которых они спали, сотрясались от этих звуков. Ни Тор, ни Локи, ни юный Тьялфи толком так не выспались в эту ночь.

Утром, выйдя из этого дома с пятью комнатами, они посмотрели на гору. Но это была вовсе не гора, а великан. Когда они увидели его, он лежал на земле, но тут же приподнялся и сел.

— Маленькие люди, маленькие люди! — крикнул он им. — Не попадалась ли вам по пути моя перчатка? — Встав, он огляделся. — Хо, я вижу ее! — воскликнул радостно он.

Тор, Локи и Тьялфи застыли на месте, когда великан направился к ним. Нагнувшись, он поднял их дом с пятью помещениями, в которых они провели ночь, и натянул его на руку. На самом деле это была его перчатка!

Тор сжал свой молот, а Локи и Тьялфи спрятались за его спину. Но похоже, великан был добродушен.

— Куда вы путь держите, малыши? — спросил он.

— К Утгарду в Йотунхейме, — смело ответил Тор.

— А, вот куда, — протянул великан. — Значит, нам по дороге. Можете звать меня Скримир.

— Ты можешь устроить нам завтрак? — спросил Тор. Он говорил резко и сердито, потому что не хотел, чтобы великан подумал, что у них есть причина бояться его.

— Завтрак я вам могу дать, — сказал Скримир, — но сейчас не хочу время тратить на перекус. Как только у меня появится аппетит, мы присядем. А теперь идем. Придется вам тащить мою сумку. В ней провизия.

Он вручил сумку Тору. Тот взвалил ее на спину и посадил сверху Тьялфи. Великан шел огромными шагами, и Тор с Локи едва успевали за ним. Лишь к полудню он остановился позавтракать.

Они подошли к огромному дереву. Скримир сел под ним.

— Я посплю перед едой, но вы, малыши, можете открыть мою сумку и подкрепиться тем, что найдете в ней. — Сказав это, он вытянулся на земле, и через несколько минут Тор, Локи и Тьялфи слышали те звуки, которые не давали им спать всю ночь, — словно скрипел лес и ревел водопад. Это храпел Скримир.

Но Тор, Локи и Тьялфи были слишком голодны, чтобы обращать внимание на эти будоражающие звуки. Тор попытался открыть сумку, но убедился, что развязать узлы не так-то просто. Затем попытку сделал Локи. Несмотря на всю свою хитрость, и он не смог справиться с узлами. Тор забрал у него сумку, решив покончить с узлами грубой силой. Но даже мощь Тора не помогла. Он яростно отшвырнул сумку.

Храп Скримира становился все громче и громче. Тор, полный гнева, встал, схватил Мьёлльнир и занес его над головой спящего великана.

Удар молота пришелся тому по макушке. Но Скримир лишь потянулся во сне.

— Никак мне на голову упал сухой лист? — пробормотал он.

Повернувшись на другой бок, он продолжал спать. Тор снова взял молот. И как только Скримир захрапел, он снова вскинул его, целясь на этот раз в лоб великана. По нему и пришелся удар. Великан открыл глаза.

— Вроде желудь щелкнул меня по лбу? — сказал он. И снова заснул.

Но теперь Тор, основательно разозлившись, встал над его головой, держа в руках молот. Со всей силой он нанес ему сильнейший удар по лбу.

— Спать тут просто невозможно — вот и птичка клюнула меня в лоб, — буркнул Скримир, присаживаясь. — Вы, малыши, еще не позавтракали? Киньте мне сумку, и я дам вам перекусить.

Тьялфи притащил ему мешок. Скримир открыл его, достал провизию и поделился ею с Тором, Локи и Тьялфи. Тор ничего не взял у него, а Локи и Тьялфи принялись есть. Когда с едой было покончено, Скримир встал:

— Нам пора идти в Утгард.

По пути Скримир разговорился с Локи.

— Я всегда чувствую себя очень маленьким, когда прихожу в Утгард, — пожаловался он. — Понимаешь, я такой маленький и слабый, а те, кто живут там, большие и мо-

гучие. Но тебя и твоих друзей с удовольствием примут в Утгарде. Они сделают из вас домашних животных.

Затем он оставил их, и они самостоятельно двинулись в Утгард, город великанов. Те расхаживали по улицам, и Локи отметил, что они не были столь огромными, какими считал их Скримир.

Утгард был «Асгардом» великанов. Но его здания ни единой черточкой не напоминали красоту, присущую дворцам богов Гладсхейму и Брейдаблику или Фенсалиру. Здания вздымались огромные и бесформенные, как горы или айсберги. О, прекрасный Асгард, прикрытый куполом глубочайшего синего цвета! Асгард с клубами облаков, которые громоздятся над ним, как алмазные горы! Асгард с его радужным мостом и блистающими воротами! О, прекрасный Асгард, неужто придет день, когда эти великаны разрушат его?!

Тор и Локи вместе с Тьялфи пошли к королевскому дворцу. Они знали, что молот, который сжимал Тор, мог обезопасить их даже здесь. Они прошли между рядами охраны великанов и подошли к трону короля.

— Мы знаем вас, Тор и Локи, — сказал король великанов, — и знаем, что Тор пришел в Утгард, чтобы помериться силами с великанами. Завтра мы устроим турнир. Сегодня день соревнований для наших ребят. Если ваш юный слуга хочет помериться ловкостью с нашей молодежью, пусть он сегодня участвует в бегах.

На самом деле Тьялфи был лучшим бегуном в Мидгарде, и все время, что он провел с Тором и Локи, те тренировали его в быстроте. Так что Тьялфи не боялся соревноваться в беге с молодежью великанов.

Король вызвал одного из них, по имени Наги, и поставил против Тьялфи. Пара стартовала одновременно. Тьялфи отстал. Локи и Тор обеспокоенно наблюдали за спринтом: они думали, что им будет на руку, если в первом же соревновании они одержат верх над обитателями Утгарда.

Но они видели, что Наги оставляет Тьялфи позади; добежав до поворотного столба, юный великан обогнул его и вернулся к старту раньше, чем Тьялфи добрался до конца дистанции.

Тьялфи, который так и не смог понять, почему он потерпел поражение, спросил, может ли он еще раз пробежать с Наги эту дистанцию. Пара еще раз стартовала, но на этот раз Тору и Локи показалось, что Наги вообще не сдвинулся с места, — едва только бег начался, Тьялфи сразу же непоправимо отстал.

Они вернулись во дворец. Король великанов и его друзья сели вместе с Тором и Локи за пиршественный стол.

— Завтра, — сказал король, — мы проведем наше самое большое соревнование, и ас Тор покажет нам свою мощь. А вы когда-нибудь слышали в Асгарде о соревнованиях по еде? Мы могли бы устроить их прямо здесь, за этим ужином, если бы вы могли выставить того, кто может сравниться с Логи. Он съедает больше любого в Йотунхейме.

— А я, — ответил Локи, — могу съесть больше любых двоих в Йотунхейме. И готов выступить против Логи.

— Отлично! — обрадовался король великанов.

И все остальные великаны подхватили:

— Отлично! Это будет зрелище, на которое стоит посмотреть!

Они поставили тарелки с едой с разных сторон стола, и каждая была полна мяса. Локи ел с одного конца, а Логи с другого. Тарелки пустели одна за другой, и Тор, стоявший рядом с великанами, лишь изумлялся, видя, сколько может съесть Локи. Но и Логи с другой стороны очищал тарелку за тарелкой. Наконец у обоих осталось по равному количеству тарелок с каждой стороны.

— Он не победил меня! — вскричал Локи. — Я очистил столько же тарелок, сколько и ваш чемпион, о король великанов!

— Но ты не так уж хорошо очистил их, — сказал король.

— Локи съел все мясо, которое было перед ним, — заметил Тор.

— Но Логи грыз и кости вместе с мясом, — ответил король великанов. — Посмотри сам, так ли это.

Тор подошел к тарелкам. На тех, с которых ел Локи, оставались кости. У Логи ничего не осталось: он съел и кости, и мясо, оставив все тарелки пустыми.

— Мы проиграли, — вздохнул Тор.

— Завтра, Тор, — ответил Локи, — ты должен показать всю свою силу, иначе великаны перестанут бояться мощи обитателей Асгарда.

— Не бойся, — ответил Тор. — Никто в Йотунхейме не может одолеть меня.

На следующий день Тор и Локи явились в огромный зал Утгарда. Король великанов с толпой своих друзей уже был здесь. Тор вошел в зал, держа в руках Мьёлльнир, свой огромный молот.

— Наши молодые люди пивали из этого рога, — сказал король, — и они хотели бы знать, пьешь ли ты, ас Тор, из него по утрам. Но должен сказать, что, по их мнению, никто из асов не может опустошить этот рог одним глотком.

— Дайте его мне, — потребовал Тор. — У вас нет такого рога, которого я не мог бы опустошить одним глотком.

Ему поднесли огромный рог, полный до краев. Передав Мьёлльнир Локи и встав так, чтобы не упускать молот из виду, Тор поднес рог к губам. Он пил и пил и, лишь когда убедился, что в нем не осталось ни капли, опустил его на землю.

— Итак, — выдохнул он, — ваш великанский рог пуст.

Великаны, посмотрев на рог, расхохотались.

— Пуст, ас Тор? — воскликнул король великанов. — Глянь снова в рог. Ты еле отпил из него.

Тор посмотрел в него и увидел, что рог и наполовину не опустел. Полный гнева и ярости, он снова поднес его к губам. Он пил, пил и пил. Затем, убедившись, что опу-

стошил его до самого дна, он опустил его и направился к другой стороне зала.

— Тор думает, что выпил весь рог, — усмехнулся один из великанов, поднимая его. — Но гляньте, друзья, сколько в нем осталось.

Тор поспешил обратно и снова заглянул в рог. Тот оставался наполовину полным. Развернувшись, он увидел, что все великаны потешаются над ним.

— Ас Тор, ас Тор, — посетовал король великанов, — мы не знаем, каково тебе придется на следующем пиршестве с нами, но перепить великанов ты явно не в состоянии.

— Я могу поднять и уложить любого в вашем зале, — похвастался Тор.

Как только он сказал это, в зал вошла огромная кошка с шерстью металлического цвета. Выгнув спину и оцетившись, она остановилась перед Тором.

— Что ж, попробуй оторвать от земли эту кошку, — сказал король великанов.

Тор подошел к ней, решив поднять кошку и швырнуть ее в смеющихся великанов. Он обхватил ее руками, но не мог оторвать ее от земли. Все сильнее и сильнее напрягал Тор руки, чтобы поднять ее выше, еще выше. Выгнутая спина кошки коснулась крыши, но лапы так и не оторвались от земли. И, напрягая все свои силы, он слышал лишь хохот великанов вокруг себя.

Он повернулся с горящими от гнева глазами.

— Я больше не буду пытаться поднять кошку, — обозлился он. — Дайте мне того, с кем можно бороться, и, клянусь, вы увидите, как я одолею его.

— Здесь есть кое-кто, с кем ты можешь сойтись в борьбе, ас Тор, — ответил король.

Тор оглянулся и увидел старуху, которая ковыляла к нему. Она была подслеповатой и беззубой.

— Это Элли, моя старая няня, — представил ее король великанов. — И мы хотим, чтобы ты одолел ее.

— Тор не борется со старыми женщинами. Вместо этого я бы взялся сойтись с самым высоким из ваших великанов.

— Элли пришла к тебе, — возразил король великанов. — Именно она хочет сойтись с тобой.

Старуха доковыляла до Тора, ее глаза поблескивали из-под растрепанной копны седых волос. Тор стоял, не в силах пошевелиться, когда эта ведьма вцепилась ему в предплечья и стала переминаться вокруг него. Он попытался отшвырнуть ее, но почувствовал, что ее руки и ноги крепки, как стальные оковы.

Началась серьезная борьба между Тором и этой дряхлой старухой Элли. Снова и снова кружились они, сцепленные по залу, и Тор был не в силах ни оттолкнуть эту старуху, ни согнуть ее. Вместо этого он все больше и больше слабел в ее железной хватке. Она гнула его все ниже и ниже, и наконец он мог спасти себя от падения на землю, лишь опустившись на колено и вцепившись в плечи этой ведьме. Она попыталась кинуть его на землю, но это у нее не получилось. Тогда она отпрянула от него, дохромала до дверей и вышла из зала.

Поднявшись, Тор взял молот из рук Локи. Без слов выйдя из зала, он пошел по дороге, что вела к воротам города великанов. Он не обмолвился ни словом ни с Локи, ни с Тьялфи, которые шли вместе с ним все те следующие недели, что они пересекали Йотунхейм.

КАК ТОР И ЛОКИ ОДУРАЧИЛИ ВЕЛИКАНА ТРИМА

Локи рассказал и другую историю — о Торе и Триме, глупом великане, который считал, что обладает хитростью.

Локи и Тор были в его доме. Трим устроил пиршество для них, и Тор потерял бдительность.

Когда они уже были далеко от Йотунхейма, Тор обнаружил, что потерял Мьёллнир, молот, который был защитой Асгарда и помощью богам. Он не мог вспомнить, где и как оставил его. Локи вспомнил Трима, того глупого великана, в котором все же были какие-то зачатки хитро-

сти. Тор, потерявший молот, который клялся никогда не выпускать из виду, не знал, что делать, и отказывался возвращаться в Асгард.

Но Локи подумал: имеет смысл выяснить, не знает ли что-нибудь Трим. Он один пришел в Асгард и торопливо пересек радужный мост, не обменявшись ни единым словом с Хеймдаллем. Никому из обитателей Асгарда, с кем он встречался, Локи не осмеливался упомянуть о потере Тора. Он молчал, пока не добрался до дворца Фригг.

Фригг он сказал:

— Не можешь ли ты одолжить мне свое соколиное платье? Я слетаю к жилищу Трима и выясню, знает ли он, где Мьёлльнир, который потерял Тор.

— Если бы даже каждое перо было серебряным, я бы дала его тебе для такого дела, — сказала Фригг.

Локи накинул на себя соколиное оперение, полетел в Йотунхейм и приземлился рядом с домом Трима. Он нашел великана на склоне холма, где тот примерял своим собакам золотые и серебряные ошейники. Локи в облике сокола пристроился на скале, откуда соколиными глазами стал наблюдать за великаном.

Оттуда он услышал, как великан хвастливо произнес:

— Теперь у вас серебряные и золотые ошейники, мои собачки, но скоро у нас будет все золото Асгарда, чтобы наши собаки и их потомство имели золотые конуры, а лучшая из моих собак будет носить ожерелье Фригг. Потому что Мьёлльнир, защита Асгарда, теперь у Трима.

И тут Локи обратился к нему.

— Да, мы знаем, что Мьёлльнир теперь у тебя, о Трим, — сказал он, — но знаешь ли ты, что на тебя устремлены взоры всех бдящих богов?

— Ха, Локи-меняющий облик, — рассмеялся Трим, — и ты здесь! Но все твои бдящие боги не смогут найти Мьёлльнир. Я похоронил молот Тора на восемь миль под землей. Найди его, если сможешь. Он под пещерами гномов.

— То есть нам бессмысленно искать молот Тора? — спросил Локи. — Да, Трим?

— Бессмысленно, — мрачно подтвердил великан.

— Ну а какое вознаграждение ты хочешь получить, если вернешь молот Тора обитателям Асгарда? — осведомился Локи.

— Нет, хитрый Локи, я никогда и ни за что не верну его, — ответил Трим.

— Тебе бы лучше подумать, Трим, — сказал Локи. — Неужто в Асгарде нет ничего, что ты хотел бы иметь? Ни сокровищ, ни других вещей? Кольцо Одина или корабль Фрейра Скидбладнир?

— Нет, нет, — запротестовал Трим. — Есть только одна вещь, которую обитатели Асгарда могут предложить мне в обмен на Мьёлльнир, молот Тора.

— И что же это такое, Трим? — спросил Локи, подлетев к нему.

— То, что многие великаны рвутся получить, — Фрейя должна стать моей женой.

Локи в облике сокола долго смотрел на Трима. Он понимал, что великан не изменит своего требования.

— Я расскажу в Асгарде, чего ты хочешь, — сказал он наконец и улетел.

Локи знал, что обитатели Асгарда никогда не согласятся расстаться с Фрейей, чтобы она стала женой Трима, самого глупого из великанов.

Когда Локи вернулся, все обитатели Асгарда уже слышали о потере Мьёлльнира, молота, который всегда приходил на помощь богам. Пересекая радужный мост, Локи не остановился поговорить со стражником моста, хотя Хеймдалль поинтересовался, с какими новостями тот возвращается. Локи напрямик полетел в зал, где все боги собрались на Совет.

Он рассказал асам и ванам о требовании Трима. И действительно, никто не хотел, чтобы прекрасная Фрейя жила в Йотунхейме как жена самого глупого великана. Все участники Совета впали в уныние. Теперь боги никогда больше не смогут помогать смертным, потому что сейчас, когда Мьёлльнир находится в руках великанов, все их силы будут использованы лишь для защиты Асгарда.

Так что они в глубокой печали сидели на Совете. Но хитрый Локи сказал:

— Я придумал, как забрать молот у глупого Трима. Давайте притворимся, что отсылаем ему в Йотунхейм Фрейю как невесту. Но в платье Фрейи и под ее вуалью пойдет один из богов.

— Но кто из богов решится на столь зазорную вещь? — удивились участники Совета.

— Ох, да тот, кто потерял молот. Тор должен будет сделать все, чтобы вернуть его.

— Тор, Тор! Пусть фокус Локи поможет Тору вернуть молот от Трима, — заголосили асы и ваны.

Они поручили Локи подготовить Тора, чтобы тот появился в Йотунхейме как невеста Трима.

Оставив Совет богов, Локи направился туда, где он оставил Тора.

— Есть только одна возможность вернуть молот, Тор, — сказал он, — и боги на Совете решили, что ты должен воспользоваться ию.

— Что за возможность? — спросил Тор. — Но какой бы она ни была, расскажи мне о ней, и я сделаю все, как ты говоришь.

— Значит, так, — засмеявшись, сказал Локи, — я доставлю тебя в Йотунхейм как невесту Трима. Тебе придется облачиться в свадебное платье и вуаль, которые тебе даст Фрейя.

— Что? Я напялю на себя женские тряпки? — возмутился Тор.

— Да, Тор, и еще вуаль на голову с цветочным венком.

— Я... на мне будет цветочный венок?!

— И кольца на пальцах. И связка ключей на поясе, как у каждой хозяйки.

— Кончай свои шуточки, Локи, — мрачно возразил Тор, — или я силой вытрясу их из тебя.

— Это не шутки. Ты сделаешь это, чтобы вернуть Мьёлльнир, защиту Асгарда. Трим не хочет ничего, кроме Фрейри. Я обману его, доставив тебя в платье и под вуалью Фрейи. Когда ты окажешься в его зале и он попросит тебя соединить ваши руки, ты скажешь, что не сделаешь этого, пока он не даст тебе подержать Мьёлльнир. И когда твой могучий молот окажется при тебе, ты сможешь разнести весь его зал. А я буду с тобой как подружка невесты! О, милая и дорогая невеста Тор!

— Локи, — вознегодовал Тор, — ты все это придумал, чтобы поиздеваться надо мной. Я в свадебном платье! С подвенечной вуалью! Асгард никогда не перестанет смеяться надо мной!

— Ага, — улыбнулся Локи, — но в Асгарде не раздастся ни одного смешка, если ты сможешь вернуть молот, потерянный из-за твоей невнимательности.

— Это верно, — грустно кивнул Тор, — и ты думаешь, Локи, что это — единственный способ забрать Мьёлльнир у Трима?

— Единственный, о Тор, — подтвердил хитрый Локи.

Итак, Тор и Локи прибыли в Йотунхейм к жилищу Трима. Еще до их появления явился посланник сказать, что прибывают Фрейя с подружкой, что пора готовить свадебное пиршество к сбору гостей и что Мьёлльнир должен быть под руками, чтобы передать его обитателям Асгарда. Трим и мать великана стали торопливо готовиться.

Тор и Локи явились к дому великана в одеяниях невесты и ее подружки. Вуаль, спадавшая с головы Тора, скрывала его бороду и горевшие гневом глаза. На нем была расшитая красным накидка, и сбоку висела связка хозяйственных ключей. Локи тоже был под вуалью. Зал огромного дома Трима был очищен и убран, и на больших столах все было готово к пиршеству. Мать Трима переходила от одного гостя к другому, хвастаясь, что ее сыну досталась одна из самых красивых обительниц Асгарда

и его женой будет Фрейя, которую старались завоевать так много великанов.

Когда Тор и Локи появились на пороге, Трим кинулся приветствовать их. Он хотел приподнять вуаль невесты и поцеловать ее. Локи быстро положил руку на плечо великана.

— Потерпи, — шепнул он. — Не поднимай вуаль. Мы, обитатели Асгарда, сдержанны и застенчивы. Фрейя будет очень оскорблена, если ты поцелуешь ее до церемонии.

— Да, да, — сказала старая мать Трима. — Не поднимай ее вуаль, сынок. Эти обитатели Асгарда куда больше соблюдают тонкости, чем мы, великаны. — Затем старая женщина взяла Тора за руку и повела его к столу.

Размеры торса и широкие плечи невесты не удивили огромных великанов, которые явились на свадьбу. Они разглядывали Тора и Локи, но за их вуальями не могли ничего различить.

Тор сел за стол рядом с Тримом с одной стороны, а Локи — с другой. Началось празднество. Тор, не обращая внимания, что его поведение не соответствует облику изысканной невесты, сразу же съел семь лососей. Локи ткнул его в бок и наступил на ногу, но Тор не нуждался в Локи. После лососей он принялся за целого быка.

— Эти девушки из Асгарда, — говорили великаны один другому, — может, и утонченные, как говорила мать Трима, но аппетит у них изрядный.

— Неудивительно, что она так ест, бедняжка, — закивал Локи Триму. — Мы покинули Асгард восемь дней назад. И всю дорогу Фрейя ничего не ела, волнуясь, когда она, наконец, увидит Трима и войдет в ваш дом.

— Бедная она, бедная, — посочувствовал великан. — После такой дороги она еще мало ест.

Кивком Тор показал на кувшин с медом. Трим приказал слугам принести посуду невесте. Слуги принесли емкость для Тора. Как Локи ни толкал его, на глазах великанов он выпил три бочонка меда.

— Ох, — вздохнули великаны матери Трима, — нам повезло, что мы не обзавелись невестой из Асгарда.

И тут край вуали отошел в сторону, и на мгновение показались глаза Тора.

— Почему у Фрейи такие злые глаза? — удивился Трим.

— Бедняжка, бедняжка, — сказал Локи, — ничего удивительного, что у нее такие глаза. Она не спала восемь ночей, волнуясь, как она придет к тебе и в твой дом, Трим. Ну а теперь тебе пришлось взять за руку свою невесту. Но сначала вложи ей в руки молот Мьёлльнир, чтобы она поняла, какую большую цену великаны отдали за нее.

И Трим, самый глупый из великанов, встал и принес в пиршественный зал Мьёлльнир, защиту Асгарда. Тор с трудом сдержался, чтобы не вскочить и не вырвать его у великана. Но Локи смог удержать его. Трим поднял молот и вложил рукоять его в руки той, кто, как он думал, будет его женой. Пальцы Тора сомкнулись на рукояти. И в то же мгновение он вскочил и сорвал вуаль. Теперь все видели выражение его лица и горящие глаза. Он нанес лишь один удар по стене дома. Тот рухнул. Пока великаны орали под придавившей их крышей и стенами, Тор с Локи выбрались из руин. Таким образом утраченный Мьёлльнир, защита Асгарда, был вновь обретен.

ПИР У ЭГИРА: КАК ТОР ОДЕРЖАЛ ТРИУМФ

Время между полуднем и вечером подходило к концу, когда асы и ваны собрались на пир в доме старого Эгира послушать забавные истории, которые Локи рассказывал о Торе. Пришла ночь, но пиршество для обитателей Асгарда так и не было готово. Они подозвали двух слуг — Фимаф-фенгера и Элдера и приказали им подавать ужин. Но тот оказался скуден, и они отправились спать со словами:

— Должно быть, старый Эгир прикладывает все силы, чтобы завтра нас как следует попотчевать.

Наступило утро, а затем и полдень следующего дня, но обитатели Асгарда так и не замечали, чтобы шла подготовка к пиру. Фрейр поднялся и пошел искать старого Эгира,

великана, повелителя моря. Он нашел его сидящим со склоненной головой в одном из внутренних залов.

— Привет, Эгир, — сказал он. — Где пир, который ты обещал обитателям Асгарда?

Старый Эгир что-то пробормотал и потянул себя за бороду. Наконец он посмотрел своему гостю в лицо и объяснил, почему пиршество не готово. Мед для него еще не перебродил. И вообще вряд ли он успеет, потому что во дворце Эгира нет достаточно большого котла.

Когда асы и ваны услышали это, они испытали глубокое разочарование. Кто же за стенами Асгарда может устроить для них пир? Эгир был единственный из великанов, который по-дружески относился к ним, но даже он не может доставить им развлечение.

Но тут взял слово юный великан и сказал:

— У моего родственника, великана Гимира, есть котел для меда шириной в милю. Если бы мы могли принести его сюда, какой бы пир мы закатали!

— Один из нас может сходить за этим котлом, — сказал Фрейр.

— Но жилище Гимира за густыми лесами и высокими горами, — возразил юный великан, — а сам Гимир — грубый и ворчливый.

— Тем не менее один из нас должен пойти к нему, — произнес Фрейр.

— Я пойду к Гимиру, — вызвался Тор, вставая. — Я доберусь до него и силой или хитростью получу у него этот котел шириной в милю. — Он сидел смущенный теми насмешливыми рассказами, которые выкладывал о нем Локи, и был рад, что ему представилась возможность доказать асам и вanam свою сноровку и мужество. Он застегнул пояс, который удвоил его силу, натянул железные перчатки и сжал ими Мьёлльнир. Вскинув молот, он кивнул молодому великану, чтобы тот следовал за ним и был его проводником.

Асы и ваны аплодировали Тору, когда тот покидал дворец старого Эгира. Но Локи, гнусный Локи, кинул ему вслед насмешку:

— На этот раз не выпускай молот из рук, невеста Трима!

Тор в сопровождении молодого великана пробрался через глухие леса и перевалил через высокие горы. Когда он наконец пришел к жилищу Гимира, перед ним возникла пугающая своей внешностью стражница: огромная старуха, из плеч которойросло много голов. Она сидела на корточках, и пучок ее голов смотрел во все стороны. Как только Тор со своим молодым спутником подошли поближе, все головы хором завопили и завизжали. Тор схватил молот и уже был готов обрушиться на них, но тут в дверях жилища появилась женщина и сделала примирительный жест. Юный великан, спутник Тора, приветствовал ее как свою мать.

— Заходи, сынок, — пригласила она, — и можешь взять с собой своего друга.

Старая же карга — она была бабушкой Гимира — продолжала орать и вопить. Но Тор прошел мимо нее в жилище великана.

Когда женщина увидела, что с ее сыном пришел один из обитателей Асгарда, она испугалась за них обоих.

— Гимир придет в ярость, увидев под своей крышей одного из асов. Он захочет убить его.

— Вряд ли ему это удастся, — возразил Тор, перехватывая Мьёлльнир, молот, которого боялись все великаны.

— Спрячьтесь от него, — посоветовала женщина. — В гневе он может искалечить моего сына, если найдет тебя здесь.

— Я не собираюсь прятаться от великанов, — заупрямился Тор.

— Ну хоть на какое-то время! Спрячься, пока Гимир не поест, — взмолилась великанша. — Он вернется с охоты в очень плохом настроении. После того как он поест, с ним будет проще иметь дело. Не показывайтесь, пока он не кончит ужинать.

Тор скрепя сердце согласился. Он и молодой великан спрятались за колонной в зале. Едва они успели скрыться за ней, как послышался гулкий звук шагов великана по

двору и в дверях появился Гимир. Борода и усы его стояли торчком, как замерзший лес. Он тащил за собой дикого быка, которого догнал и поймал. Он был так горд своей добычей, что притащил ее прямо в дом.

— Я взял его живьем, — заорал он, — этого быка с такими могучими рогами! Зовут его Достажующий до неба. Никто из великанов, кроме меня, не смог бы поймать его.

Гимир привязал быка к столбу у дверей, и тут его взгляд обратился к колонне, за которой прятались Тор и молодой великан. От этого взгляда колонна пошла трещинами по всей длине. Гимир подошел ближе. Каменная колонна раскололась и рухнула вместе со стропилами, которые поддерживала, и все кастрюли и котлы, что были подвешены к ним, свалились со страшным лязгом и грохотом.

Тор вышел вперед и предстал перед разгневанным великаном.

— Это я здесь, приятель Гимир, — сказал он, держа руки на древке молота.

Гимир, который знал Тора и был знаком с мощью его молота, подался назад.

— Ты в моем доме, ас Тор. Я не ссорился с тобой. Подай ужин для аса Тора, твоего сына и для меня, — приказал он женщине.

На столе появилась обильная трапеза, и все сели разделять трех жареных бычков. Тор один съел едва ли не целого бычка. Гимир, который не уступал ему в обжорстве, съел других два, оставив своей жене и юному родственнику лишь небольшие куски, но ворчал при виде аппетита Тора.

— Ты опустошишь мои уголья, ас Тор, — забеспокоился он, — если долго пробудешь у меня.

— Не ворчи, Гимир, — поморщился Тор. — Завтра я пойду рыбачить и принесу тебе по весу все, что съел.

— Тогда, вместо охоты, я завтра тоже пойду с тобой рыбачить, ас Тор, — решил Гимир. — И не пугайся, если я возьму тебя в бурное море.

На следующее утро Гимир поднялся первым. С шестом и канатами в руках он пошел туда, где спал Тор.

— Время отрабатывать свою кормёжку, ас Тор, — стал будить он бога.

Тор вылез из постели, и, когда они оба вышли во двор, великан сказал:

— Ты должен найти себе наживку. Думаю, она должна быть достаточно большой. В том месте, куда я тебя возьму, мелкая рыба не водится. И если ты раньше никогда не видел морских чудовищ, то сейчас ты их увидишь. Я рад, ас Тор, что ты сам предложил порыбачить.

— Этой наживки будет достаточно? — спросил Тор, берясь за рога того быка, которого Гимир поймал и притащил домой. — Как ты думаешь, достаточно ли большой будет такая наживка?

— Да, если у тебя хватит сил удержать ее, — ответил великан.

Тор промолчал, но нанес быку удар кулаком по лбу. Огромный бык рухнул мертвым. Тор отвернул ему голову.

— Наживка у меня есть, и я готов отправляться с тобой, Гимир, — сказал он.

Гимир отвернулся, скрывая ярость, которая вспыхнула в нем при виде такой мощи Тора. Он, не произнеся ни слова, пошел к лодке.

— Сначала грести будешь ты, — предложил Гимир, — но, когда мы выйдем на волны, я возьму у тебя весла.

Тор молча сделал несколько гребков, которые тут же вынесли лодку на середину океана. Гимир был вне себя оттого, что ни в чем не может превосходить Тора. Скоро он почувствовал, как на крючок ему попало что-то огромное. Лодка качалась и прыгала, пока Тор не успокоил ее. И тут Гимир втащил в лодку самого большого кита, который только водился в этих водах.

— Хороший улов, — кивнул Тор, насаживая свою наживку.

— Можешь рассказать об этом асам, — посоветовал Гимир. — Я думаю, раз уж ты оказался здесь, я покажу тебе кое-что посерьезнее, чем ловля лосося.

— А теперь я попытаю счастья, — сказал Тор.

Он закинул канат, на конце которого была голова огромного быка с могучими рогами. Она пошла вниз и продолжала опускаться. Она прошла мимо вод, в которых плавали киты, но те побоялись заглатывать такие огромные рога. Голова пошла еще ниже, пока не оказалась рядом с чудовищной змеей, кольца которой обвивали всю землю. Когда наживка Тора опустилась в глубины океана, змея высунулась из колец, заглотнула наживку Тора и попыталась проглотить ее. Но помешали огромные рога. Чудовищная змея страшно удивилась. Океан разбушевался. Но рога оставались на месте. Она решила утащить в глубину лодку с теми, кто поймал ее на крючок. Тор перекинул ноги за борт и вытянул их, пока они не коснулись дна. Утвердившись на нем, Тор продолжал и продолжал тянуть канат. Змея разбушевалась еще больше, море пошло яростными штормами, и все корабли, которые были в море, стали налетать друг на друга, разбиваться и тонуть. Но змея стала распускать кольцо за кольцом, которыми она обвивала землю. Затем над водой появилась ее устрашающая голова. Она поднялась над лодкой, в которой сидели Гимир и Тор. Тор бросил канат, схватил Мьёлльнир, свой могучий молот, и вскинул его, чтобы обрушить на голову чудовищной змеи, чьи кольца обвивали мир. Но Гимир не захотел, чтобы это случилось. Дабы Тор не превзошел его в подвигах, он обрезал канат, и голова змеи скрылась под водой. Молот Тора оставался вскинутым. Он швырнул его, потому что молот всегда возвращался к нему в руки. Тот пошел вслед за головой змеи в глубины океана и нанес ей удар — но не смертельный, потому что его смягчила вода. Из океанских глубин вырвался рев боли, такой, что все в Йотунхейме содрогнулось.

— Вот об этом точно стоит поведать асам, — произнес Тор, — и они забудут все насмешки Локи.

Гимир молча развернул лодку и стал грести к берегу, таща кита на буксире. Он был так разгневан от мысли, что один из асов превзошел его в подвиге, что не мог даже говорить. За ужином он тоже продолжал молчать, но Тор говорил за двоих, громко хвастаясь своей победой над чудовищной змеей.

— Без сомнения, ты считаешь себя очень могучим, ас Тор, — наконец сказал Гимир. — А как ты думаешь, хватит ли у тебя сил разбить чашку, которая стоит перед тобой?

Тор взял чашку и со смехом швырнул ее в каменную колонну. Чашка упала на пол без трещинки и без щербинки. Но колонна дрогнула от удара.

Великан расхохотался:

— До чего вы слабосильные, народ Асгарда!

Тор снова схватил чашку и со всей силой опять запустил ее в колонну. И снова она невредимой упала на землю.

И тут он услышал тихий напев женщины, матери молодого великана, которая пряла у него за спиной:

Не в колонну опоры,
А в большую башку Гимира:
Когда ты в следующий раз кинешь кубок,
Пусть удар придется ему в голову.

Тор снова поднял чашу. На этот раз он запустил ее не в колонну, а в голову Гимира. Чаша попала великану прямо в лоб и кусками разлетелась по полу. А вот голова Гимира осталась без царапинки.

— Ха, чашку ты разбить можешь, а вот сможешь ли поднять мой котел шириной в милю? — вскричал великан.

— Покажи мне его, и я попробую его поднять! — рявкнул в ответ Тор.

Великан поднял половицы и показал Тору в погребе котел шириной в милю. Тор нагнулся, взялся за кромку котла и могучим усилием медленно вытащил его.

— Поднять ты смог, а вот сможешь ли нести его? — спросил великан.

— Попробую, — ответил Тор.

Подняв котел, он водрузил его себе на голову и вышел из дома прежде, чем великан смог остановить его. А оказавшись снаружи, пустился бегом. Не успев оглянуться, он уже был за горой. И тогда услышал вопли и крики и, обернувшись, увидел, что гигантская ведьма с пучком голов гонится за ним. Тор бегом поднялся на следующую гору и спустился в долину, продолжая тащить на голове огромный котел. По пятам за ним неслась старая карга. Он пробился сквозь густой лес и преодолел еще одну высокую гору, но Многоголовая продолжала гнаться за ним. Но, перепрыгивая через озеро, свалилась в него. Больше за Тором никто не гнался. Так что Тор торжественно вернулся к асам и ванам, неся на голове котел шириной в милю. И те из асов и ванов, которые больше всего смеялись над рассказами Локи о Торе, встав, приветствовали его появление. Мед успел перебродить, пиршество размахнулось, став самым большим и веселым из всех, которые короли великанов давали в честь обитателей Асгарда.

На пиру сидела странная молчаливая фигура. Это был великан, но никто не знал ни кто он, ни откуда пришел. Но когда пир подходил к концу, Один, старейший из богов, повернулся к незнакомцу и сказал:

— О Скримир, король великанов Утгарда, встань же и расскажи обо всем, что вы делали с Тором, когда он с Локи пришел в ваш город.

Незнакомец встал, и Тор с Локи увидели, что это король великанов, в залах которого им приходилось проходить испытания. Скримир повернулся к ним и сказал:

— О Тор и о Локи. Я открою вам, как вы оба были обмануты. Это был я, с кем вы встретились на болоте за день до того, как пришли в Утгард. Я назвался Скримиром и сделал все, что мог, дабы вы не вошли в наш город, потому что великаны всегда опасались соревнований в

силе с асом Тором. А теперь слушай меня, о Тор. Мешок с провизией, который я дал тебе тащить, был завязан колдовскими узлами. Никто не мог развязать их ни силой, ни хитростью. И пока вы трудились над ним, я воздвиг каменную гору между вами и мной. Удары молота, которые, как вы думали, приходились по мне, проложили в горе провалы и расщелины. Когда я убедился в силе ваших сокрушительных ударов, то ваше появление в городе стало все больше и больше пугать меня.

Я понимал, что вас необходимо обмануть колдовством. Первым я обманул вашего парнишку Тьялфи. Потому что соревновался с ним не молодой великан, а сама Мысль. И даже тебя, о Локи, я обманул. Потому что, когда ты старался одолеть величайшего обжору, которого я выставил против тебя, это был не великан, а Пламя, которое пожирает все.

Ты, Тор, был обманут во всех встречах. После того когда ты взял рог в руки, мы перепугались, видя, сколько ты можешь выпить. Но конец этого рога уходил в море, и Эгир, который присутствует здесь, подтвердит, что, когда ты пил из него, уровень моря понижался.

Кошка, которую ты пытался поднять, была Нидхёгг, дракон, который грызет корни Иггдрасиля, Деревя всех деревьев. Честно говоря, мы были испуганы, когда увидели, что ты можешь сдвинуть Нидхёгга с места. Когда ты заставил ее коснуться спиной крыши нашего дворца, мы сказали себе: «Тор — самый могучий из всех созданий, которых мы знаем».

И наконец ты сошелся в схватке с ведьмой Элли. Тебя изумила ее сила, и ты подумал, что опозоришься, если не справишься с ней. Но знаешь ли, Тор, что Элли, которую ты пытался одолеть, была сама Старость. И мы снова перепугались, увидев, что та, с которой никто не мог справиться, не в силах уложить тебя на землю.

Сказав это, Скримир покинул зал. И снова все асы и ваны, встав, восславили Тора, сильнейшего из всех, кто охранял Асгард.

КЛАД ГНОМА И ЕГО ПРОКЛЯТИЕ

Наконец пир у старого Эгира закончился, и все асы и ваны стали готовиться к возвращению в Асгард. Лишь двое пошли другим путем — Один, старейший из богов, и Локи-проказник.

Локи и Один отказались от всего, что составляло их божественную силу и мощь. Они вошли в мир людей и повели себя как простые люди. Вместе они прошли через Мидгард, встречаясь с самыми разными людьми — королями и фермерами, бродягами и оседлыми, воинами и домовладельцами, и даже с разбойниками. Как-то они вышли на берег широкой реки и, присев отдохнуть, услышали неподалеку звон металла.

И вдруг увидели, как на камень посередине реки вылезла выдра. Она замерла, внимательно глядя в воду, потом нырнула и вскоре вернулась с лососем в зубах, которого тут же съела. И тут Локи сделал бессмысленную и жестокую вещь: взял большой камень и швырнул его в выдру. Он попал ей в голову, и выдра свалилась мертвой.

— Локи, Локи, зачем ты совершил столь бессмысленный и жестокий поступок? — спросил Один.

Локи только засмеялся. Он доплыл до камня с мертвой выдрой и вернулся с этим речным животным.

— Зачем ты убил ее? — повторил Один.

— Да вот такая у меня натура, — объяснил Локи.

Он вытащил нож и начал потрошить выдру. Ободрав с нее шкуру, он сложил ее и сунул себе за пояс.

Вскоре Локи с Одином покинули берег реки и подошли к дому, рядом с которым стояли две кузницы. Это из них и доносился звон металла. Войдя в дом, путники спросили, не могут ли они здесь перекусить и отдохнуть.

Старик, который жарил рыбу, показал им на скамейку.

— Отдохните, — предложил он, — а когда рыба будет готова, я угощу вас отличным блюдом. Мой сын — прекрасный рыбак, и он приносит мне отменных лососей.

Один с Локи расположились на скамье, а старик вернулся к плите.

— Зовут меня Хрейдмар, — представился он, — и у меня два сына, которые работают в кузницах. У меня есть и третий сын. Это он ловит рыбу для нас. А кто же вы, о странники?

Локи и Один назвали Хрейдмару не те имена, под которыми их знали в Асгарде. Хрейдмар угостил их рыбой, и они поели.

— Какие приключения случались у вас в пути? — спросил Хрейдмар. — Те, кто заходят сюда, рассказывают мне о разных событиях.

— Я камнем убил выдру, — со смехом сказал Локи.

— Ты убил выдру! — вскричал Хрейдмар. — Где это случилось?

— Тебе совершенно не важно, где я убил ее, старик, — сказал Локи. — Тем не менее шкура у нее отличная. Я повесил ее себе на пояс.

Хрейдмар сорвал шкуру с пояса Локи. Как только он поднес ее к глазам, то вскричал:

— Фафнир, Регин, идите сюда и приведите своих рабов из кузницы.

— Почему ты так волнуешься, старик? — спросил Один.

— Вы убили моего сына Выдру! И я держу в руках шкуру моего сына!

При этих словах Хрейдмара в дом в сопровождении подручных вошли два молодых человека с кузнечными кувалдами в руках.

— Забейте вашими кувалдами этих людей до смерти, о Фафнир и Регин! — закричал их отец. — Выдра, который проводил время в реке и которого я заклинаниями превратил в речное животное, чтобы он ловил рыбу для нас, убит этими людьми.

— Успокойся, — сказал Один. — Да, мы не можем отрицать, что убили твоего сына, но это произошло случайно. Мы возместим тебе смерть сына.

— Чем вы сможете это возместить? — спросил Хрейдмар, пристально глядя на Одина.

И Один, старейший из богов, сказал слова, которые были не достойны ни его мудрости, ни силы. Он мог сказать: «Как возмещение за смерть твоего сына я принесу тебе глоток воды из источника Мимира». Но вместо того чтобы подумать о мудрости, всемогущий Один подумал о золоте.

— Назначь цену за смерть сына, и мы уплатим ее тебе золотом, — предложил он.

— Может, вы великие короли, которые странствуют по миру, — ответил Хрейдмар. — И если вы таковы, вам придется найти столько золота, чтобы оно покрыло каждый волосок на шкуре того, кого вы убили.

Во всех девяти мирах не было такого сокровища, которое могло бы удовлетворить требование Хрейдмара, но Один, который тогда думал только о золоте, вспомнил о некоем сокровище, охраняемом гномами. Вспомнив о нем, он прикинул, как его можно изъять, — и устыдился своих мыслей.

— Локи, ты знаешь о кладе Андвари? — спросил он.

— О нем я знаю, — резко ответил Локи, — и знаю, где он спрятан. И ты хочешь, Один, послать меня, чтобы я раздобыл клад Андвари?

Один обратился к Хрейдмару.

— Я останусь с тобой как заложник, — сказал он, — если ты позволишь ему пойти раздобыть сокровище, которое волосок за волоском покроем шкуру выдры.

— Я дам ему это сделать, — согласился старый Хрейдмар с хитрыми и проницательными глазами. — А теперь иди, — приказал он Локи.

И тот вышел из дома.

Андвари был гномом, который в давние времена завладел самым большим кладом во всех девяти мирах. Чтобы неотлучно оберегать его, он превратился в шуку и

плавал в воде перед пещерой, где было спрятано сокровище.

Все в Асгарде знали об этом гноме и сокровище, которое он охранял. И у всех было одно мнение: с этим кладом лучше не связываться, в нем присутствует какое-то зло. Но Один дал слово забрать его у гнома. Локи охотно взялся подобраться к пещере Андвари. Он подошел к озеру перед пещерой и стал искать глазами Андвари. Скоро он увидел щуку, неотрывно плавающую перед пещерой. Локи предстояло поймать ее и не выпускать, пока клад не будет добыт. Щуку явно обеспокоило его присутствие.

Внезапно Локи прыгнул в воду и быстро поплыл по течению. Но ни руками, ни леской с крючком Локи поймать щуку не мог. Как же ему справиться с ней? Только сетью, сплетенной с помощью магии. Локи задумался, где он может раздобыть такую волшебную сеть.

Ее имела Ран, жена старого Эгира, великана властителя морей. С помощью этой сети она вылавливала все обломки, что плавали в море. Вспомнив о сети Ран, Локи вернулся во дворец Эгира, чтобы обратиться к королеве с просьбой. Но Ран редко бывала в жилище мужа. Сейчас она была у прибрежных скал.

Он нашел Ран, холодную королеву, стоявшую в волнах прибоя. Сетью она вытаскивала из глубин те сокровища, которые скрывало море. Рядом с Ран уже лежала груда вещей, извлеченных из морских пучин, — кораллы и янтарь, слитки золота и серебра, но она продолжала жадно забрасывать сеть.

— Ты знаешь меня, жена Эгира, — обратился к ней Локи.

— Я знаю тебя, Локи, — ответила королева Ран.

— Одолжи мне твою сеть, — попросил Локи.

— Этого я не сделаю, — сказала королева Ран.

— Одолжи мне сеть, чтобы я мог поймать гнома Андвари. Он хвастается, что у него самое большое сокровище, которое ты никогда не сможешь извлечь из моря.

Холодная королева Моря перестала вытягивать сеть. Она внимательно посмотрела на Локи. Да, если он берется поймать Андвари, она может одолжить ему свою сеть. Она ненавидела гномов, потому что каждый из них говорил, что у них сокровищ больше, чем может достаться ей. Но особенно она ненавидела Андвари, гнома, у которого был самый большой клад во всех девяти мирах.

— Тут больше нечего искать, — решила она. — Если ты поклянешься, что завтра вернешь мне сеть, я одолжу ее тебе.

— Я клянусь тебе искрами Муспельхейма, что завтра я верну тебе сеть, о королева Эгира! — вскричал Локи.

И тогда Ран вручила ему волшебную сеть. И Локи вернулся туда, где гном в облике щуки сторожил свое несметное сокровище.

Темна была вода, в которой щукой плавал Андвари, но для него она была пронизана золотым светом его драгоценностей. Ради своего клада он порвал дружбу с другими гномами и отказался от своего мастерства ковать и выделывать красивые вещи. Ради своих сокровищ он пошел на то, чтобы стать глухим и немым как рыба.

Но теперь, когда он плавал перед пещерой, его беспокоила тень, упавшая откуда-то сверху. Тень падала с берега, и он скользнул туда и увидел висящую над ним сеть. Он нырнул в глубину. Но волшебная сеть развернулась, и он запутался в ее петлях.

Внезапно его выдернули из воды, и он остался лежать на берегу, хватая ртом воздух. Он мог бы скончаться, не прими обратно свой первоначальный облик.

Гном предстал перед Локи.

— Андвари, ты пойман, и захватил тебя один из асов, — сказал тот, кто пленил его.

— Локи, — выдохнул гном.

— Словом, ты пойман и никуда не денешься. И таково желание асов: чтобы ты отдал мне свой клад.

— Мой клад, мой клад! — завопил гном. — Я никогда с ним не расстанусь!

— Тогда я буду держать тебя, пока ты его не отдашь, — поставил условие Локи.

— Несправедливо, несправедливо! — запричитал гном. — И так действуешь только ты, Локи. Я приду к Одину и добьюсь, чтобы он тебя наказал за то, что ты хочешь похитить мое сокровище!

— Это Один послал меня, чтобы я принес ему твой клад, — усмехнулся Локи.

— Неужто все асы могут быть несправедливы? Ну да. В начале времен они уже обманули великана, который строил стену вокруг их города. Асы — обманщики.

Андвари был во власти Локи. И когда гном разъярился и отказался подчиняться ему, Локи не стал с ним церемониться. Тогда, дрожа от ярости и с лицом залитым слезами, Андвари привел Локи в свою пещеру и, отвалив камень у входа, показал ему груды золота и драгоценных камней, которые и составляли его клад.

Локи тут же стал собирать в волшебную сеть куски, слитки и изделия из золота с драгоценными камнями, среди которых были рубины, сапфиры и изумруды. Он видел, как Андвари что-то цапнул из кучи, но сделал вид, что не обратил на это внимания. Наконец все было собрано в сеть, и Локи встал, готовый вынести сокровища гнома.

— Тут не хватает еще одной вещи, — остановился Локи. — Кольца, которые ты, Андвари, похитил.

— Ничего я не похищал! — закричал гном с пеной у рта, трясясь от гнева и скрипя зубами. — Ничего я не брал из кучи!

Но Локи дернул его за руку, и на землю упало кольцо, которое Андвари спрятал под мышкой.

Кольцо было самой большой драгоценностью из всех сокровищ. Останься оно у него, Андвари мог бы считать, что по-прежнему владеет кладом, потому что кольцо могло производить золото. Оно было сделано из золота чистейшей выделки и покрыто рунами силы.

Локи взял это самое драгоценное кольцо и надел его на палец. И гном завопил проклятия в его адрес, тыкая в него пальцем:

На этом кольце
Руны силы;
Да лишит оно тебя удачи
И обрушит на тебя зло,
На тебя, Локи, и на всех,
Кто жаждет обладать
Моим любимым кольцом.

Пока Андвари изрыгал свои проклятия, Локи увидел, как в пещере возникла какая-то фигура и двинулась к нему. Когда она приблизилась, он узнал Гульвейг, великаншу, которая когда-то вместе с двумя другими пребывала в Асгарде.

Давным-давно, в далекие дни, когда боги только пришли на свой священный холм и еще не построили Асгард, среди асов появились три великанши. После того как эта троица побывала с ними, жизнь асов изменилась. Они стали ценить и собирать золото, с которым раньше просто забавлялись. Затем им пришла в голову мысль о войне. Один швырнул свое копье в посланцев, которые пришли от ванов, и в мир пришла война.

Эту троицу выгнали из Асгарда. С ванами был заключен мир. В Асгарде стали расти молодильные яблоки. Слишком серьезное отношение к золоту сошло на нет. Но асы никогда больше не были так счастливы, как до прихода великанши.

Гульвейг была одна из этой троицы, что разрушила раннее блаженство богов. И сейчас она оказалась в пещере, где Андвари хранил свои сокровища, и с улыбкой на лице приближалась к Локи.

— Итак, Локи, — сказала она, — ты снова меня увидел. И Один, который послал тебя в эту пещеру, тоже увидит меня. Подумать только, Локи! Я являюсь к нему твоим посланцем сказать, что ты принесешь клад Андвари!

С этими словами и с улыбкой на лице Гульвейг легкими шагами вышла из пещеры. Локи взвалил волшебную сеть с сокровищами за спину и тоже вышел.

Один, старейший из богов, стоял опираясь на свое копьё и смотрел на растянутую перед ним шкуру выдры. Кто-то неслышно вошел в его жилище. Подняв глаза, Один увидел, что это Гульвейг, та, что когда-то со своими двумя подругами нарушила счастье богов. Один вскинул копьё, чтобы поразить ее.

— Опusti свое копьё, Один, — сказала она. — Я слишком долго обитала в пещере гнома. Но твое слово освободило меня, а проклятие, произнесенное над кольцом Андвари, привело меня сюда. Опusti свое копьё и посмотри на меня, о старейший из богов. Ты выгнал меня из Асгарда, но твое же слово заставило меня вернуться. И если вы двое, ты, Один, и Локи, купили этим золотом себе свободу войти в Асгард, то, конечно, и я, Гульвейг, тоже могу свободно войти в Асгард.

Опустив копьё, Один глубоко вздохнул.

— Конечно, это так, Гульвейг, — согласился он. — Я не могу тебе запретить войти в Асгард. Я думал дать этому человеку в возмещение мед Квасира или воду из источника Мимира, а не золото.

Пока они говорили, Локи вошел в жилище Хрейдмара и опустил на пол волшебную сеть. Старый Хрейдмар, огромный Фафнир и худой, будто вечно голодный Регин подошли посмотреть на золото и драгоценные камни, которые сияли сквозь ячейки сети. Чтобы рассмотреть их, они начали отталкивать друг друга. И тогда Хрейдмар вскричал:

— Тут будут только эти два короля и я! Мы смерим и оценим золото с драгоценными камнями и посмотрим, достаточно ли будет их для возмещения. Уходите, уходите, дети мои.

Фафниру и Регину пришлось покинуть дом. Они неторопливо вышли в сопровождении Гульвейг, которая что-то нашептывала им.

Старый Хрейдмар дрожащими руками расстелил шкуру, которая когда-то была на его сыне. Он растянул уши, хвост и лапы, чтобы был виден каждый волосок. Он долго стоял на четвереньках, и его острый взгляд искал и проверял каждый волосок на шкуре. Продолжая стоять на коленях, он сказал:

— А теперь начинайте, о короли, и покройте золотом или драгоценными камнями каждый волосок на шкуре, которая когда-то была на моем сыне.

Локи стал брать золото — слитки, бруски и браслеты, он брал драгоценные камни — рубины, изумруды и сапфиры — и начал покрывать ими каждый волосок выдры. Один стоял опираясь на копье и глядя, как идут в уплату золото и камни. Скоро середина шкуры вся была покрыта драгоценностями. Затем он стал обкладывать золотом и камнями лапы и хвост. Скоро шкура выдры стала так блестеть, что никто не усомнился бы — она может осветить весь мир. Но Локи продолжал искать и находил место за местом, куда еще можно было бы положить камень или золото.

Наконец он встал. Все золото, все драгоценные камни были изъяты из сети. И каждый волосок на шкуре выдры был покрыт или драгоценными камнями, или золотом.

Но старый Хрейдмар продолжал стоять на четвереньках, внимательно разглядывая шкуру. Он искал и искал хоть один волосок, который оставался непокрытым. Наконец он привстал, открыл рот, но не произнес ни слова. Он тронул Одина за колени и, когда тот нагнулся, показал ему волосок на губе выдры, который остался непокрытым.

— Что ты тут скаредничаешь?! — закричал Локи, подсакивая к старику.

— Ваш выкуп еще не выплачен: смотри, вот он, непокрытый волосок. И вы не можете уйти, пока все до одного волоска не будут покрыты золотом или камнями.

— Замолчи, старик, — грубо сказал Локи. — Ты получил весь клад гнома.

— Но вы не можете уйти, пока каждый волосок не будет покрыт, — упрямо настаивал Хрейдмар.

— Ни золота, ни камней больше нет, — ответил Локи.

— Значит, вы не можете уйти! — закричал Хрейдмар, вскакивая.

Это было так. Ни Один, ни Локи не могли покинуть это жилище, пока не будет полностью выплачен выкуп, на который они согласились. И куда же теперь асам отправляться за золотом?

И тут Один увидел блеск кольца на пальце Локи, того самого, которое он силой отобрал у Андвари.

— Твой перстень, — сказал он. — Положи его на тот волосок.

Локи стянул кольцо с рунами силы и положил его на волосок на губе выдры. Тогда Хрейдмар захлопал в ладоши и закричал. Огромный Фафнир и тощий Регин вошли в дом, а за ними показалась Гульвейг. Они обступили шкуру брата, которая блестела и переливалась золотом и драгоценностями, но смотрели не столько на это сияющее великолепие, сколько друг на друга, и взгляды, которые Фафнир и Регин бросали на отца и друг на друга, были полны смертельной угрозы.

Через Билфрост, радужный мост, шли все асы и ваны, которые пировали в доме старого Эгира, — Фрейр и Фрейя, Фригг, Идунн и Сив; Тир со своим мечом и Тор в своей колеснице, запряженной козлами. За ними шел Локи, а позади всех шел Один, отец богов. Шел он медленно, понуриив голову, потому что знал: теперь последует та, которую никто не ждал, — Гульвейг, которая когда-то была изгнана из Асгарда, но теперь боги не могли предотвратить ее возвращения.

Часть третья

СЕРДЦЕ ВЕДЬМЫ

ПРЕДЧУВСТВИЕ В АСГАРДЕ

То, что случилось потом, было стыдом богов, и смертные с трудом могли говорить об этом. Ведьма Гульвейг вошла в Асгард, и Хеймдалль не мог воспрепятствовать ее появлению. Войдя, она воссела среди асов и ванов. Она прошла через Асгард с улыбкой на лице, и там, где она появлялась, ее улыбка вызывала тяжелые и мрачные предчувствия.

Те, что особенно глубоко и остро чувствовали надвигающиеся несчастья, были Браги-поэт и его жена, нежная и простодушая Идунн, которая выращивала яблоки, отгонявшие старость от обитателей Асгарда. И как-то в один день, охваченная страхом и предчувствиями, которые расползались по всему Асгарду, Идунн спустилась с Иггдрасиля, Древа мира, и не осталось никого, кто мог бы собирать яблоки, которые сохраняли молодость асам и ванам.

Мрачное смятение овладело всеми обитателями Асгарда. Красота и сила начали покидать их. Тор ощутил, что ему трудно вздымать Мьёлльнир, свой огромный молот, а кожа под ожерельем Фрейи потеряла свою сияющую белизну. Но ведьма Гульвейг продолжала расхаживать по Асгарду, хотя все ненавидели ее.

Один и Фрейр отправились на поиски Идунн. Она была бы найдена и без промедления доставлена обратно, если бы у Фрейра был с собой тот волшебный меч, что он отдал

за Герд. В своих поисках ему пришлось столкнуться с тем, кто сторожил озеро, где скрылась Идунн. Того, с кем он вступил в схватку, звали Бели. В конце концов он одолел его оружием из оленьих рогов. Но не тогда, а позже Фрейр стал сетовать об утрате своего меча, тогда, когда всадники Муспела выступили против Асгарда и ваны, которые должны были победить, все же взяли верх, пусть даже Фрейр и потерял свой меч.

Один и Фрейр нашли Идунн и привели ее обратно. Но все равно Асгард был полон тревожных предчувствий. И к тому же стало известно, что ведьме Гульвейг удалось изменить мысли богов.

Наконец Один понял, что должен подвергнуть Гульвейг суду. И приговорил ее к смерти. Но только Гунгнир, копье Одина, мог покончить с Гульвейг, которая не принадлежала к смертным.

Один метнул копье. Оно пронзило Гульвейг. Но ведьма продолжала стоять, улыбаясь богам. Второй раз Один метнул копье. И второй раз Гунгнир поразил ведьму. Она покрылась мертвенной бледностью, но не упала. И наконец, пораженная копьем в третий раз, она издала вопль, от которого содрогнулся весь Асгард, и мертвой рухнула на землю.

— Я убил ее в том зале, где убийства запрещены, — сказал Один. — Возьмите труп Гульвейг и похороните ее за крепостным валом, чтобы здесь не осталось и следа от ведьмы, которая принесла в Асгард столько тревог и волнений.

Они вынесли за крепостные валы тело ведьмы Гульвейг, разложили огромный костер, на который положили ее, и воззвали к Хресвельгу, пожирателю трупов:

Хресвельг — орел-великан,
Что сидит на краю неба
И взмахами крыльев
Рождает бури...

...Когда все это происходило, Локи был далеко. Теперь он часто уходил из Асгарда в поисках сокровищ, которые

были отняты у гнома Андвари. Именно Гулльвейг вбила ему в голову мысли об этом сокровище. И когда он вернулся и услышал рассказы о том, что произошло, Локи воспламенился яростью. Потому что Локи был единственным, кто изменился от нашептываний ведьмы Гулльвейг. Он преисполнился ненавистью к богам и отправился к месту, где сожгли Гулльвейг. Ее тело превратилось в пепел, но сердце огонь так и не пожрал. Локи, полный ярости, схватил сердце ведьмы и съел его. И черный мрак сошел на Асгард в тот день, когда Локи проглотил сердце, которое не поддавалось пламени!

ЛОКИ-ПРЕДАТЕЛЬ

Локи украл у Фригг платье из соколиных перьев и птицей вылетел из Асгарда. Полетел он в Йотунхейм. Гнев и ярость жили в соколе Локи, когда он пересекал царство великанов. Он видел горы и пропасти этой мрачной земли, и душа его пылала огнем. Он видел водопады и дымящиеся вулканы, и душа его преисполнялась радостью. Все выше и выше он поднимался, и, когда перед ним открылся Юг, он увидел пылающую землю Муспельхейма. Но Локи продолжал подниматься все выше и выше. Острым соколиным зрением он увидел пламенеющий меч Суртура. Придет день, когда весь жар Муспельхейма и весь сумрак Йотунхейма будут брошены против Асгарда и Мидгарда. И Локи не испытывал разочарования, когда представлял себе руины, которые останутся от красоты Асгарда и просторов Мидгарда.

Он завис над одним из жилищ Йотунхейма. Почему он прилетел сюда? Потому что ему довелось видеть двух женщин из этого дома, а его ярость против асов и ванов была так велика, что уродливость и злоба этих двух женщин лишь порадовали его.

Он завис перед открытой дверью дома великанов и посмотрел на тех, кто обитал в нем. Среди них был Гейр-

рёд, самый свирепый великан. А рядом с ним на корточках сидели две его злобные и уродливые дочери Гьяльп и Грейп.

Они были большие и дородные, грязные и растрепанные, с лошадиными зубами, а волосы у них были как конские гривы. Гьяльп была уродливее сестры, если их вообще можно сравнивать, — у нее были косые глаза и нос в ярд длиной.

О чем они говорили, сидя здесь и почесывая друг друга? Об Асгарде и его обитателях, которых ненавидели. Тор был из тех, кого они ненавидели больше всего, и они обсуждали, что бы они могли сделать с ним.

— Я бы заковал Тора в цепи и забил до смерти моей железной дубинкой, — произнес Гейррёд.

— Я бы ободрала ему мясо с костей, — вставила Грейп.

— А я бы перемолола в порошок все его кости, — добавила Гьяльп. — Отец, неужели ты не можешь поймать Тора и живым доставить его к нам?

— Нет, пока при нем его молот Мьёлльнир, перчатки, которыми он сжимает молот, и пояс, который удваивает его силу.

— Ох, если бы только мы смогли поймать его без молота, перчаток и пояса! — вскричали Гьяльп и Грейп.

В этот момент они увидели сокола, сидящего на дверях. Сейчас им так хотелось поймать кого-нибудь и замучить, что решили поймать его. Они сами не могли достать птицу, поэтому позвали малыша Глаппа, который прыгал на коньке крыши, и сказали ему, чтобы он попробовал поймать сокола.

Прикрываясь листвой, Глапп перебрался на иву, которая росла у дверей. Теперь сокол был совсем близко. Глапп схватил его за крылья и спрыгнул с ивы, крича и вопя, потому что сокол сопротивлялся — бил его крыльями, рвал когтями и клювом.

Гейррёд, Грейп и Гьяльп выскочили из дома и забрали сокола. Взяв его в руки и осмотрев, великан понял, что это не птица. Глаза выдавали, что он из Альфхейма или Ас-

гарда. Великан засунул сокола в ящик, чтобы тот, помучившись, заговорил.

Дикарь был так рад, что в его власти оказался один из обитателей Асгарда, что несколько дней он с дочерьми мог только хохотать и хмыкать. И все это время они держали Локи в ящике, чтобы тот как следует проголодался.

Когда они открыли ящик, Локи заговорил с ними. Он заверил их, что, если его отпустят, он сможет причинить любую неприятность обитателям Асгарда, которая понравится им.

— А ты сможешь доставить к нам Тора? — спросила Грейп.

— Доставить Тора без его молота, перчаток и пояса? — дополнила Гьяльп.

— Если вы отпустите меня, я приведу его к вам, — ответил Локи. — Тора легко обмануть, и я приведу его к вам без молота, пояса и перчаток.

— Мы отпустим тебя, Локи, — согласился великан, — если ты поклянешься мраком Йотунхейма, что, как пообещал, доставишь к нам Тора.

Локи поклялся мраком Йотунхейма, что он это сделает.

— Да, и пламенем Муспельхейма, — добавил он.

Великан и его дочери выпустили сокола, и тот улетел обратно в Асгард.

Он вернул Фригг ее платье из соколиных перьев. Все ругали Локи за то, что он украл его, но, когда он рассказал, как его голодным держали в доме Гейррёда, те, кто осуждали Локи, решили, что он достаточно наказан за свое воровство. Он разговаривал с обитателями Асгарда так же, как и прежде, но злоба и ненависть, утвердившиеся в нем после того, как он съел сердце Гульвейг, продолжали жечь его.

Он вспомнил с Тором приключения, которые они вместе испытали в Йотунхейме. Теперь уж Тор покатывался

со смеха, когда вспоминал, как в виде невесты явился к великану Триму.

Локи удалось убедить его совершить еще одно путешествие в Йотунхейм.

— Я расскажу тебе о том, что я увидел в жилище Гейррёда, — сказал он. — Я увидел там волосы Сив, твоей жены.

— Волосы Сив, моей жены? — изумился Тор.

— Да, те волосы, что я однажды срезал с головы Сив, — подтвердил Локи. — Гейррёд нашел их, когда я потерял волосы Сив. Они освещают ими свой дом. Да, им больше не нужны факелы.

— Я хотел бы увидеть это, — сказал Тор.

— Тогда нанесем Гейррёду визит, — ответил Локи. — Но в его дом ты должен войти без своего молота Мьёлльнира, а также без перчаток и пояса.

— Где же я оставлю Мьёлльнир, свои перчатки и пояс?

— Оставь их в Валаскьялфе, в доме Одина, — предложил хитрый Локи. — Оставь их там и приходи в дом Гейррёда. Не сомневаюсь, тебя там хорошо встретят.

— Ладно, оставлю все в Валаскьялфе и пойду с тобой в дом к Гейррёду, — согласился Тор.

Свой молот, перчатки и пояс он оставил в Валаскьялфе, и они с Локи направились в Йотунхейм. Когда их путешествие близилось к концу, они вместе с юным великаном, которого встретили на берегу, подошли к широкой реке и двинулись вброд через нее.

Внезапно вода в реке стала подниматься. Локи и юного великана унесло бы, но Тор успел схватить обоих. Река поднималась все выше и выше, течение бурлило все сильнее. Тору приходилось вдавливать ноги в дно, а не то их всех унесло бы потоком. Тор сопротивлялся ему, таща за собой Локи и их юного спутника. На берегу рос ясень, и, пока эти двое цеплялись за него, он ухватился за дерево обеими руками. Река продолжала стремительно вздыматься, но Тор успел выкинуть Локи и молодого великана на берег, а потом и сам вскарабкался на него.

И теперь, посмотрев вверх по реке, он увидел зрелище, которое наполнило его яростью. Великанша подгоняла поток в реке. Поэтому река поднималась и бурлила. Тор схватил речной булыжник и швырнул в нее. От удара она свалилась в воду, но, выбравшись, с воплем умчалась. Это была Гьяльп, уродливая и злобная дочь Гейррёда.

Молодой великан, которого Тор вытащил, ничем не мог ему помочь, но он предложил навестить его мать Грид, которая жила в пещере на склоне холма. Локи отказался и разозлился, услышав, что Тор хочет зайти. Но Тор, видя, что молодой великан расположен к нему, решил посетить жилище Грид.

— Иди, но скорее приходи вон туда, к Гейррёду. Я буду ждать тебя там, — сказал Локи.

Он смотрел, как Тор поднимается по склону холма к пещере Грид. Он ждал, пока не увидел Тора, возвращающегося по склону холма и идущего к жилищу Гейррёда. Он видел, как Тор вошел в дом, где, как он думал, его ждала смерть.

Грид, старая великанша, сидела на полу пещеры, растирая между двумя камнями зерна кукурузы.

— Кто там? — спросила она у своего сына, когда тот вошел вместе с Тором. — Один из асов! Кому из великанов ты хочешь сейчас причинить вред, ас Тор?

— Никому, старая Грид, — ответил Тор. — Посмотри на меня! Разве ты не видишь, что я без Мьёлльнира, своего молота, без пояса и без железных перчаток?

— Но куда ты направляешься в Йотунхейме?

— В дом моего старого друга Гейррёда.

— Гейррёд твой друг! Ты с ума сошел, ас Тор. Сын мой, не рехнулся ли он, когда, как ты говоришь, вытаскивал тебя из воды?

— Расскажи ему о Гейррёде, матушка, — попросил молодой великан.

— Не ходи в тот дом, ас Тор. Не ходи туда.

— Я дал слово и буду трусом, если не сдержу его лишь потому, что старуха, сидящая за ступой, сказала, что я попаду в ловушку.

— Я дам тебе кое-что в помощь, ас Тор. Тебе повезло, что я владею магическими предметами. Возьми этот посох. Он обладает такой мощью, что заменит тебе Мьёлльнир.

— Я возьму его, потому что ты предлагаешь его по доброте сердечной, старушка, хотя посох изъеден червями.

— И возьми еще эти нитяные перчатки. Они заменят твои железные рукавицы.

— Я возьму и их, эти поношенные перчатки, потому что и их ты предлагаешь по доброте.

— И еще эту веревочку. Она отлично заменит тебе пояс.

— Веревочка потрепана, но я возьму и ее.

— Я в самом деле, ас Тор, владею магическими вещами.

Тор подпоясался потрепанной веревочкой, и едва он это сделал, как понял, что Грид, старая великанша, в самом деле владеет магическими предметами. Ибо он немедленно почувствовал, как возросла его мощь, словно он затянул свой собственный боевой пояс. Затем он натянул перчатки и взял врученный ему посох.

Покинув пещеру Грид, он направился к жилищу Гейррёда. Локи там не было. И Тор начал соображать, что, может быть, старая Грид была права и его ждет западня.

В зале никого не было. Он вышел из него и направился в большое каменное помещение, но и там никого не увидел. В центре же стояло каменное кресло, и, подойдя, Тор уселся на него.

Едва он это сделал, как кресло взлетело. Тор разбился бы о каменную крышу, не вскинь он посох. Его мощь была так велика и веревочка, затянутая на поясе, придала ему такую силу, что кресло полетело вниз и треснуло, ударившись о каменный пол.

Из-под осколков раздался страшный вопль. Тор поднял кресло и увидел под ним два помятых уродливых тела. До-

чери великана Гьяльп и Грейп спрятались под креслом, чтобы стать свидетельницами его смерти. Но вместо того чтобы размазать его по каменному потолку, кресло раздавило их о каменный пол.

Стиснув зубы, Тор вышел из этой комнаты. В зале полыхал огромный костер, и рядом с пламенем стоял Гейррёд, длиннорукий великан.

Он держал в огне щипцы. Когда Тор подошел поближе, тот выхватил щипцы, в которых был зажат раскаленный кусок металла. Он швырнул его прямо в лоб Тору. Тот вскинул руки в перчатках, которые дала ему старая Грид, поймал этот пылающий металл и тут же швырнул его обратно в Гейррёда и, попав ему прямо в лоб, прожег его насквозь. Гейррёд рухнул в огонь, в расплавленный металл.

Тор вернулся в пещеру Грид, чтобы вернуть ей веревочку, перчатки и посох, и, обернувшись, увидел, что жилище великана охвачено таким пламенем, словно на этом месте полыхает Муспельхейм.

ЛОКИ ПРОТИВ АСОВ

Асы принимали гостей ванаов: во дворце Фрейи встретились и дружно пировали обитатели Асгарда. Тут были Один и Тир, Видар и Вали, Ньёрд, Фрейр, Хеймдалль и Браги. Здесь же были и их женщины — Фригг, Фрейя, Идунн, Герд, Скади, Сив и Нанна. На пиру пока не было Тора и Локи, потому что они вместе покинули Асгард и еще не вернулись.

Вся посуда во дворце Фрейи была из сияющего золота; бросая отблески, она сама перемещалась около стола, обслуживая пирующих. Среди всех присутствующих царили мир и дружба. До тех пор, пока в пиршественный зал не вошел Локи.

Фрейр, приветствовав Локи улыбкой, показал ему место рядом с Браги. Локи не только не захотел занимать его, но и заорал:

— Я не буду сидеть рядом с Браги! Только не с ним, самым большим трусом из всех обитателей Асгарда!

От этого оскорбления Браги вскочил, но его жена, мягкая и любящая Идунн, умерила его гнев. Фрейя повернулась к Локи и укорила его за то, что он позволяет себе оскорбления во время пира.

— Фрейя, — сказал Локи, — почему ты не была такой мягкой при Одуре? Не лучше ли было бы вести себя, как подобает жене с мужем, а не нарушать правила женского поведения ради ожерелья, которое ты выманила у великанши?

От язвительности слов Локи и его поведения всех охватило изумление. Тир и Ньёрд вскочили со своих мест. Но тут раздался голос Одина, и все застыли, слушая слова отца всех богов.

— Займи место рядом с Видаром, моим молчаливым сыном, о Локи, — приказал Один, — и прикуси свой язык, с которого так и сочится яд.

— Все асы и ваны прислушались бы к твоим словам, о Один, если бы ты всегда был мудр и справедлив, — ответил Локи. — Но можем ли мы забыть, как ты навлек войну на мир, когда метнул копьё в посланцев от ванов? И не ты ли разрешил мне в награду обмануть того, кто строил стену вокруг Асгарда? Когда ты говоришь, Один, все асы и ваны слушают тебя! Но не ты ли, думая не о мудрости, а о золоте, которое надо было выплатить в виде выкупа, вызволил из пещеры ведьму Гульвейг, где она обитала с сокровищем гнома? Не всегда ты мудр и не всегда бываешь справедлив, о Один, и мы за этим столом не должны слушать тебя!

И тут Скади, жена Ньёрда, со всей яростью, которую диктовала ее кровь великанов, обрушилась на Локи.

— Почему мы не можем встать и выгнать из зала этого каркающего ворона?! — воскликнула она.

— Скади, — бросил ей Локи, — помни, что выкуп за смерть твоего отца еще не уплачен. Вместо этого ты с радостью ухватила себе мужа. Помнишь, кто убил твоего

отца-великана? Я, Локи. И никакого выкупа я тебе не выплатил, хотя ты очутилась среди нас в Асгарде.

Затем Локи перевел взгляд на Фрейра, и все поняли, что он готов оскорбить и его едкими, злыми словами. Но тут поднялся Тир, отважный рубака, и сказал:

— Ты не имеешь права сказать хоть слово против Фрейра, о Локи; он единственный среди нас всегда одерживал верх и освобождал пленников.

— Кончай болтать, Тир, — сказал Локи. — Ты порой не знаешь, в какой руке держать меч. И в те дни, которые нас ждут, вспомни эти мои слова. — И обратился к Фрейру: — Фрейр, поскольку этот пир устроил ты, они думают, что я не посмею сказать правду о тебе. Но меня этим не купишь. Разве не ты послал Скирнира в жилище Гимира, чтобы одурачить доверчивую дочь Гимира? Разве не ты напугал ее, что возьмешь в жены, и тем самым подкупил ее отца? Да, Фрейр. Ты это сделал, потому что у тебя был волшебный меч, который ты должен был пускать в ход только в битве. И ты еще пожалеешь об этом...

Как только он это сказал, все ваны вскочили и угрожающе повернулись к Локи.

— Сидите на своих местах, вы, ваны! — заорал он. — Если асам придется встретить удар войны, которую Йотунхейм и Муспельхейм начнут против Асгарда, то вам выбирать — быть первыми или последними на долине Вигарда. Но мы уже проиграли битву за Асгард, потому что оружие, вложенное в руки Фрейра, он обменял на Герд. Ха! Суртур будет торжествовать, потому что Фрейр оказался под властью чар.

В ужасе все смотрели на того, кто позволял себе пропитанные ненавистью речи о торжестве Суртура. Они были готовы разорвать Локи, но тут прозвучал голос Одина. И еще кое-кто появился в дверях пиршественного зала. Это был Тор. С молотом на плече, с железными перчатками на руках, обтянутый поясом силы, он стоял, гневно глядя на Локи.

— А, ты тут, Локи-предатель! — рявкнул он. — Ты собирався оставить меня умирать в доме Гейррёда, но сейчас ты сам встретишь смерть от удара моего молота.

Съежившись под яростным взглядом Тора, Локи выскочил из зала. Он пробежал под стенами Асгарда и пересек Билфрост, радужный мост. На ходу он проклял его, мечтая увидеть тот день, когда армии Муспельхейма обрушат его, рванувшись к Асгарду.

К востоку от Мидгарда было место, которое хранило больше зла, чем весь Йотунхейм. Оно называлось Ярнвид, Железный лес. В нем обитали ведьмы, которые считались самыми гнусными из всех. У них была королева, старая уродливая карга, мать многих сыновей, которые приняли облик волков. Двух из ее сыновей звали Сколл и Хати, — именно они преследовали Сол и Мани, солнце и луну. Третий ее сын Манагарм, тоже волк, питался кровью людей и, когда пытался проглотить луну, залил кровью землю и небо.

Локи явился в Ярнвид, Железный лес. Там он женился на одной из ведьм, Ангрбоде, и у них были дети, которые обладали ужасным обликом. Отпрыски Локи стали самыми ужасными из всех врагов, которые выступили против асов и ванов, когда пришло время Сумерек богов.

ВАЛЬКИРИЯ

Еще до того времени, когда всадники Муспельхейма вместе с великанами и силами зла подземного мира начали битву, Один, всеобщий отец, начал готовить войско защитников Асгарда. Оно состояло не из асов и не из ванов; оно состояло из смертных людей, героев, отобранных среди павших на полях сражений в Мидгарде.

Отбирая героев, которые могли бы обеспечить победу, Один собрал девушек-воительниц, готовых выйти на поле боя. Они были красивы и бесстрашны; кроме того, они

были умны, потому что Один показал им руны мудрости. Их называли Избранницы смерти.

Тех, которым предстояло выйти на кровавые поля, называли в Асгарде эйнхерии. Для них Один приготовил большой зал, Валгаллу, Зал погибших — так он назывался. В нем было пятьсот сорок дверей, и через каждую из них могли пройти восемьсот отважных бойцов. Каждый день они надевали свои доспехи, снимали со стен оружие и пробовали силы друг с другом. Тот, кто получал раны, быстро заживлял их, и все в мире и доброй дружбе садились за пиршественный стол, который готовил для них Один. Он и сам сидел рядом с отважными бойцами, пил вино, но мяса не ел.

В качестве мяса герои ели вепря Сэхримнира; каждый день вепря резали и готовили к столу, но каждое утро он снова был жив и здоров. Из напитков они предпочитали мед из молока козы Хейдрун, которая общипывала листья с дерева Иггдрасиль. И среди героев были валькирии, мудрые и бесстрашные девушки-воительницы, которые наполняли рога пирующих крепким медовым напитком.

Самой юной из всех девушек-воительниц была Брунгильда. Тем не менее именно ей всезнающий Один показал больше рун мудрости, чем кому-либо из ее сестер. И когда Брунгильде пришло время спускаться в Мидгард, он дал ей накидку из лебединых перьев, такую же, которую раньше вручил трем ее сестрам — Алвит, Олрун и Хладгун.

В развевающемся лебедином оперении юная дева-воительница вылетела из Асгарда. Нет, ее еще не ждало поле битвы. Ее привлекла вода, и, пока она ждала указаний Отца, валькирия приблизилась к озеру с золотыми песчаными берегами. Девушка решила искупаться в нем.

Рядом с этим озером жил молодой герой по имени Агнар. И однажды, когда Агнар лежал у озера, он увидел, как по нему плывет лебедь с пышным оперением. Но стоило ему скрыться в камышах, как лебединое оперение соскользнуло, и Агнар увидел, как лебедь превратился в девушку.

У нее были такие блестящие волосы, ее движения были такими уверенными, точными и мягкими, что Асгард понял: она — одна из девушек-воительниц Одина, одна из тех, кто побеждают или гибнут. Агнар был очень бесстрашен и дерзок, и он задумался, как бы захватить эту девушку-воительницу, хотя мог навлечь на себя гнев Одина.

Он спрятал лебединое одеяние, которое она оставила в камышах. Когда Брунгильда вышла из воды, она уже не могла улететь. Агнар все вернул ей, но ей пришлось пообещать, что она будет его девушкой-воительницей.

И пока они разговаривали, юная валькирия увидела в нем одного из героев, который может помочь Асгарду. Агнар был очень отважен и благороден. Брунгильда решила стать его девушкой-воительницей и много рассказала ему о рунах мудрости, которые были ей известны; она объяснила ему, что последняя надежда Одина покоится на отваге земных героев; вместе с восставшими из мертвых он может вступить в сражение, защищая Асгард.

Брунгильда всегда была с отрядом Агнара; она носилась над полем боя, и ее светлые волосы и блестящие боевые доспехи отражали копья, мечи и щиты бойцов.

Седобородый король Гйальгуннар начал войну против юного Агнара. Один поддерживал седобородого короля и обещал ему победу. Брунгильда знала волю Одина. Но она обеспечила победу Агнару, а не Гйальгуннару.

В тот момент, когда она пошла против воли Одина, Брунгильда была обречена. Никогда больше она не могла появиться в Асгарде. Теперь она стала смертной женщиной, и нарны начали сматывать нить ее судьбы.

Один, всеобщий отец, был грустен: никогда больше самая умная из его девушек-воительниц не появится в Асгарде, никогда больше она не пройдет на пиру между героями в Валгалле. Он оседлал Слейпнира и направился к Брунгильде. И когда он предстал перед ней, то не она, а Один склонил перед ней голову.

Потому что она знала, что мир людей заплатил непомерно большую цену за ту мощь, которую Асгард проявил в по-

следней битве. Самые отважные, самые благородные были взяты из Мидгарда, чтобы пополнить ряды бойцов Одина. Сердце Брунгильды преисполнилось гневом против правителей Асгарда, и она больше не хотела быть одним из них.

Один посмотрел на свою девушку-воительницу, которая в упор, не моргая, глядела на него, и спросил:

— Есть что-то, чего бы ты хотела получить от меня в твоей смертной жизни, Брунгильда?

— Мне ничего не нужно в моей смертной жизни, — ответила Брунгильда, — а только чтобы мужчина, не знающий страха, самый отважный герой в мире назвал меня женой.

Отец всех богов в раздумье склонил голову.

— Будет так, как ты попросила, — сказал он. — Только он, который не знает страха, должен сам подойти к тебе.

На вершине горы Хиндфелл у Одина был дворец. Десять гномов построили его из черного камня. И когда он был возведен, его окружила стена из пляшущего огня.

Один сорвал шип с Сонного дерева и уколол им девушку-воительницу. Затем, не снимая шлема с головы валькирии и ее нагрудных доспехов, он взял Брунгильду на руки и пронес сквозь стену огня. Он положил ее на ложе в замке. Тут она и должна была лежать в забытии, а бесстрашному герою предстояло промчаться сквозь пламя и пробудить ее к жизни, как смертную женщину.

Он попрощался с ней и на Слейпнире поскакал обратно в Асгард. Он не мог знать, какая судьба ожидает ее как смертную женщину. Но оставленное им пламя продолжало вздыматься вокруг дворца, возведенного гномами. И веками это пламя будет стоять вокруг спящей Брунгильды, которая когда-то была валькирией.

ДЕТИ ЛОКИ

Дети Локи и ведьмы Ангрбоды не походили на человеческих детей: они были бесформенны, как вода, воздух или огонь; но каждому из них была дарована способность при-

нимать ту форму, которая больше всего отвечала его корыстным устремлениям.

И теперь обитатели Асгарда знали, что в мире народились силы зла и что, появившись в Асгарде, они могут принимать любую форму и обличье. Так что они послали в Ярнвид, Железный лес, посланца с требованием, чтобы Локи представил богам детей, что родились от него и ведьмы Ангрбоды. Таким образом, Локи снова явился в Асгард со своими отрысками, которые приняли свой облик перед богами. Первый из них, чьей жадой было разрушение, обернулся страшным волком. Его звали Фенрир. Второй, который стремился неторопливо уничтожить все, предстал змеей по имени Йормунганд. Третий, который также жаждал уничтожить вообще все живое, принял такой облик, что боги, увидев его, пришли в ужас. Потому что третий ребенок Локи обрел образ женщины, одна половина которой была живой, а другая — трупом. Страх прошел по Асгарду, когда это существо явилось и назвало свое имя — Хель.

Хель была отправлена как можно дальше от взглядов богов. Один загнал Хель в самый глубокий провал пропасти, что тянулась под миром. Он отпустил ее в Нифльхейм, где она обрела власть над девятью его частями. И здесь, в месте, ниже которого ничего не было, Хель стала править. Ее дворец назывался Элвиднир; он был обнесен высокими стенами с решетчатыми воротами; порогом этого дома была пропасть, столон — голод, тревога — постелью, а портьеры вызывали жгучую боль.

Тор позаботился и о Йормунганд. Он забросил змею в океан, который опоясывал мир. Но, оказавшись в его глубинах, змея стала процветать. Она росла и росла, пока не опоясала своими кольцами весь мир. И люди знали, что это змея Мидгарда.

Никто из асов не был по зубам Фенриру-волку. В страхе он промчался через Асгард, и его смогли загнать лишь во внешний двор и стали там держать, а в пищу давать все, что тот сможет съесть.

Но асы уклонялись от кормления Фенрира. Лишь Тир, отважный рубака, изъявил желание приносить кормежку в логово волка. Каждый день он притаскивал ему огромное количество еды и кормил с кончика своего меча. Волк непрерывно рос, пока не обрел чудовищные размеры, которые наводили ужас на всех обитателей Асгарда.

Наконец боги, собравшись на Совет, обсудили ситуацию и решили, что Фенрира необходимо связать. Предназначенная для него цепь называлась Лединг. Боги сковали ее в своей кузнице, и она была тяжелее, чем молот Тора.

Боги не могли силой накинуть ее на Фенрира, и поэтому они послали за Скирниром, слугой Фрейра, чтобы тот уговорил волка подойти к нему. Скирнир вошел в его логово и остановился рядом с Фенриром; по сравнению с его чудовищными размерами он выглядел сущим гномом.

— Насколько ты силен, о могучий? — спросил Скирнир. — Легко ли ты можешь разорвать эту цепь? Боги хотят проверить твою силу.

Фенрир презрительно посмотрел на путы, которые держал Скирнир. С тем же презрением он позволил Скирниру накинуть их на себя. Затем, сделав усилие, которое отнюдь не исчерпало все его силы, он напрягся и разорвал цепь надвое.

Боги были разочарованы. Но они добавили металла, разожгли жаркий огонь и самыми тяжелыми молотами отковали другие путы. Они назывались Дроми и были вдвое крепче Лединга. Храбрец Скирнир принес их в логово волка, и тот с тем же презрением позволил опутать себя цепям.

Он встряхнулся, но цепи остались на месте. Глаза его вспыхнули яростью. Зарывав и оскалив зубы, он напрягся. Дроми разлетелся на части, а Фенрир остался стоять, злобно глядя на Скирнира.

Боги поняли, что им не удалось выковать цепь для Фенрира, и ими стал овладевать страх. Они снова собрали Со-

вет и вспомнили те удивительные вещи, которые гномы делали для них, — копье Гунгнир, лодка Скидбладнир, молот Мьёлльнир. Может, гномам удастся сделать путы, которые свяжут Фенрира? Если они сделают это, боги щедро наградят их.

С посланием от Асгарда Скирнир спустился в Свартхейм. Глава гномов раздулся от гордости, поняв, что ему надо лишь сделать поводок, который свяжет Фенрира.

— Мы, гномы, можем сделать поводок для волка, — сказал он. — На него пойдут шесть вещей.

— Каких именно? — спросил Скирнир.

— Корни камня, дыхание рыбы, борода женщины, звук кошащих лап, медвежьи жилы и слюна птицы.

— Я никогда не слышал, как ступает кошка, и никогда не видел ни корни камня, ни бороду женщины. Но пусть в ход все, что вы хотите, о подручные богов.

Вождь гномов смешал все эти шесть вещей воедино, и гномы в своей кузнице принялись дни и ночи работать над ними. Они сковали путы, которые получили имя Глейпнир, гладкие и мягкие, как шелковый шнурок. Скирнир принес их в Асгард и вручил богам.

Настал день, когда боги сказали: они должны еще раз попытаться набросить путы на Фенрира. И если удастся связать волка, его оставят обездвиженным как можно дальше от Асгарда.

Боги часто бывали на острове Лингви, они любили гулять там; и вот снова договорились посетить его и отвезти туда волка. Фенрир недовольно рыкнул, услышав это предложение, но все же отправился на остров и носился по нему, наводя на всех ужас. Один из асов как бы случайно развернул поводок и показал его Фенриру.

— Он крепче, чем ты можешь себе представить, о могучий, — сказали они. — Неужто ты не позволишь накинуть его на тебя, чтобы мы могли посмотреть, как ты разорвешь его?

Фенрир со злобным презрением посмотрел на них.

— Какая слава ждет меня, — спросил он, — если я порву эту веревочку?

Асы продемонстрировали ему, что никто из них не в силах порвать этот тонкий шнурок.

— Только ты в состоянии сделать это, о могучий, — ответили они.

— Да, веревочка тонкая, но, наверно, на ней лежит заклятие, — рыкнул догадливый Фенрир.

— Мы не собираемся пугать тебя, Фенрир, но видно, что ты не можешь порвать ее, — сказали боги.

Это было страшное оскорбление для волка, потому что он жил в убеждении, что вызывает страх у богов.

— Я не хочу, чтобы вы меня спутывали, — прорычал он, — но если один из асов положит руку мне в пасть, как залог того, что я получу свободу, то я согласен принять на себя эти путы.

Боги задумчиво посмотрели друг на друга. Все они хотят наконец связать Фенрира — но кто готов ради этого потерять руку? Один за другим асы подавались назад. Но только не Тир, отважный боец. Он подошел к Фенриру и положил левую руку между его страшными челюстями.

— Не левую, — зарычал Фенрир, — а ту, которой ты держишь меч, о Тир!

И тот положил руку, в которой привык держать меч, ему в пасть.

Затем на волка наложили цепь Глейпнир. Полными злобы глазами он смотрел, как боги спутывали его, и, когда все было кончено, он напрягся, как раньше. В своем усилии он раздулся до чудовищных размеров, но путы даже не треснули. Тогда он яростно щелкнул зубами, и рука Тира, та рука, в которой он держал меч, была отгрызена.

Фенрир остался связанным. К путам была прикована могучая цепь, ее пропустили сквозь дыру, которую пробурили в огромной скале. Волк прилагал чудовищные усилия, чтобы порвать путы, но и они, и скала, и поводок выдержали. Боги, видя, что теперь он безопасен, чтобы отомстить за руку Тира, взяли меч Тира и по рукоятку за-

гнали его волку под нижнюю челюсть. Тот издал жуткий вопль. Из его пасти могучим потоком хлынула пена. Из нее образовалась река, которую называют Вон — река злобы и ярости. И река эта текла, пока не наступил Рагнарёк, Сумерки богов.

РОК БАЛЬДУРА

В Асгарде было два места, где асы и ваны наполнялись силой и и радостью: одним был сад, где росли молодильные яблоки, которые собирала Идунн, а другим — Земля мира, где во дворце Брейдаблик жил Бальдур, которого все любили.

На Земле мира никогда не совершалось никаких преступлений, не проливалась кровь, не произносилось ни одного ложного слова. Когда в Асгарде думали об этом месте, все были едины во мнении: не будь Земли мира, осчастливленной присутствием Бальдура, среди асов и ванов царили бы мрачность и напряженность при мысли об опасных и зловещих поступках, которые были направлены против них.

Бальдур был прекрасен. Настолько, что все белые цветы земли назывались его именем. Бальдур был олицетворением счастья. Он сам был настолько счастлив, что все птицы на земле выпевали его имя. Бальдур был и настолько мудр и справедлив, что вынесенное им решение никогда не оспаривалось. Никакой грязи, никакой подлости и близко не было рядом с тем местом, где он обитал.

Его Брейдабликом зовут,
Тот дом, где Бальдур-прекрасный
Построил себе беседку,
И на этой земле, что я знаю,
Не бывает никаких пороков.

На своей Земле Бальдур исцелял всех. Он лечил и физические, и душевные раны.

Теперь, когда Фенрир был прикован к скале на далеком острове, асы и ваны поняли, что значит всеобщее довольство. Они проводили прекрасные дни на Земле мира, слушая музыку птичьих голосов.

Но даже Землю Бальдура не обошли тяжкие веяния предчувствия неминуемого несчастья. Как-то маленькая Хносс, дитя Фрейи и пропавшего Одура, пришла сюда в такой печали, что никто не мог утешить ее. Лишь Нанна, мягкая и добрая жена Бальдура, взяв ребенка на колени, успокоила ее. И тогда Хносс рассказала свой сон, от которого проснулась в страхе.

Ей приснилась Хель — наполовину женщина, наполовину труп. В ее сне Хель вошла в Асгард со словами: «Властитель асов, она должна жить со мной в моих владениях под землей». Этот сон навеял на Хносс такой страх, что она впала в глубокое отчаяние.

Когда Хносс рассказала свой сон, наступило всеобщее молчание. Нанна задумчиво посмотрела на Одина, всеобщего отца. А Один, глядя на Фригг, увидел, как страх стеснил ей грудь.

Он оставил Землю мира и пошел в свою сторожевую башню к трону Хлидскьялф, куда к нему прилетали Хагин и Мунин. Каждый день эти два ворона облетали весь мир и, возвращаясь к Одину, рассказывали обо всем, что происходило. И теперь они рассказали ему о событиях, которые могли заставить его предположить, что Хель в самом деле обратила внимание на Асгард и что у нее хватит сил утащить кого-то в свою мрачную обитель.

Подлетев к Одину, вороны устроились у него на плечах и рассказали о вещах, о которых шла речь у Иггдрасиля, Дерева мира. Рассказала о них Рататоск, белка. А услышала она их от выводка змей, которые вместе с Нидхёггом, огромным драконом, грызли корни Иггдрасиля. Она рассказала, что в обиталище Хель постелена постель и стоит пустое кресло для какого-то важного гостя. И, слушая это, Один подумал, что лучше бы Фенрир носился по Асгарду, чем Хель похитила бы одного из них, чтобы усадить его в кресло и уложить в постель.

Он оседлал Слейпнира, своего восьминогого жеребца, и направился к пропасти, в которой обитали мертвые. Он ехал три дня в молчании и темноте. Однажды один из гончих псов Хельхейма, Гарм, сорвался с привязи и кинулся по следам Слейпнира. День и ночь Гарм преследовал его, и Один чувствовал запах крови, капающий с его огромных клыков.

Наконец Один прибыл на поле, где, закутанные в саваны, лежали мертвые. Он спрыгнул с коня. И воззвал к Волве, мертвой пророчице: «Встань и говори со мной», прочитал руну, сила которой могла нарушить сон мертвых.

Среди тех, кто лежали, окутанные саванами, раздался стон. Тогда Один крикнул:

— Вставай, Волва-пророчица!

В гуще саванов началось шевеление, и среди мертвых поднялись чьи-то голова и плечи.

— Кто взывает к Волве-пророчице? Дожди мочили мою плоть, а ветра терзали мои кости. Ничей голос живущего не имеет права будить меня ото сна среди мертвых.

— Вегтам-странник обращается к тебе. Для кого приготовлена постель и стоит пустое кресло в обиталище Хель?

— Для Бальдура, сына Одина, раскинута постель и стоит пустое кресло. А теперь дай мне вернуться в сон среди мертвых.

Но Один увидел и то, что крылось за пророчеством.

— Кто это, — вскричал он, — стоит с поднятой головой и не сетует по Бальдуру? Отвечай, пророчица!

— Ты видишь далеко, но в твоем взгляде нет ясности. Ты Один. Я же вижу все ясно, но не могу заглядывать слишком далеко. А теперь дай мне вернуться в сон среди мертвых.

— Волва-пророчица! — снова вскричал Один.

Но голос из бескрайнего поля саванов сказал:

— Ты больше не сможешь разбудить меня, пока пламя Муспельхейма не вспыхнет над моей головой.

Над полем мертвых воцарилось молчание. Один развернул Слейпнира и четыре дня сквозь мрак и тишину потратил на дорогу в Асгард.

Фригг испытывала тот же страх за сына, что и Один. Когда она смотрела на Бальдура, между ней и сыном вставала тень Хель. Но она слышала пение птиц на Земле мира и понимала, что ничто в мире не может причинить вред Бальдуру.

И чтобы увериться в этом, она обошла все вещи и предметы, которые могли бы причинить ему вред, и с каждого из них взяла клятву, что Бальдура, которого все любили, не коснется беда. Она заставила дать такой обет огонь и воду, железо и все металлы, землю, камни и большие деревья, птиц, животных и ползучих гадов, яды и болезни. Все с большой охотой поклялись, что никакие их действия не причинят вред Бальдуру.

И когда Фригг вернулась и рассказала, чего она достигла, сумрак над Асгардом рассеялся. Бальдур был спасен. Хель может сколько угодно готовить место в своем мрачном обиталище, но ничто — ни огонь, ни железо и все металлы, ни земля, камни и большие деревья, ни птицы, животные и ползучие гады, ни яды и болезни — не поможет ей добраться до Бальдура.

— Хель не дотянется до тебя своими руками, — в один голос сказали Бальдуру асы и ваны.

К ним вернулась надежда, и они устроили игры в честь Бальдура. Поставив его в середине Земли мира, они стали бросать в него предметы, которые поклялись, что не причинят вреда Бальдуру. До него не мог долететь ни боевой топор, ни камень из пращи, ни горящая ветвь; даже потоп не мог дотянуться до любимца Асгарда. Асы и ваны весело смеялись, видя, как все беспомощно падает на землю. Тем временем за ними вытянулась вереница гномов и дружелюбных великанов, которые тоже хотели принять участие в этих играх.

Но к веренице присоединился и Локи-пакостник, который сначала издали наблюдал за играми. Он смотрел, как в Бальдура летели камни и оружие, как, улыбаясь, тот невредимым стоял в низвергающемся на него потоке камней, металла и бревен. Локи удивляло это зрелище, но он

знал, что никто из тех, кто знал его, не даст ему ответа на вопрос, что все это значит.

Тогда Локи изменил свой облик, превратившись в старуху, затесался среди тех, кто веселился вокруг Бальдура, и завязал разговор с гномами и великанами.

— Иди к Фригг и спрашивай, — все отвечали ему. — Иди к Фригг.

И Локи пошел к Фенсалиру, дворцу Фригг. Там он представился как Гроа, старая волшебница, которая извлекла из головы Тора осколки мельничного жернова, что великан запустил в Тора. Фригг знала Гроа и поблагодарила волшебницу за ее помощь.

— Известными мне заклинаниями я извлекла из головы Тора много осколков, — сказала ложная волшебница. — Тор был мне так благодарен, что вернул мне мужа, которого доставил с конца земли. Я испытала такую радость, увидев мужа, что забыла последние заклинания. И в голове Тора остались кое-какие каменные осколки. — Локи повторил историю, которая произошла на самом деле. — А теперь я вспомнила и остальные заклинания и могу извлечь и те осколки, что еще остались. Но не скажешь ли мне, королева, в чем смысл тех странных игр, которыми развлекаются асы и ваны?

— Скажу, — согласилась Фригг, тепло глядя на принявшего вид старухи Локи. — Они швыряют тяжелые и опасные предметы в Бальдура, моего любимого сына. И весь Асгард ликует, видя, что ни металл, ни камень, ни дерево не способны причинить ему вред.

— Но почему же они не способны повредить ему? — спросила ложная волшебница.

— Потому что со всех опасных и угрожающих вещей я взяла клятву, что они не тронут Бальдура, — объяснила Фригг.

— Со всех, госпожа? Неужели в мире не осталось предметов, которые не дали клятву, что поберегут Бальдура?

— Да, действительно, осталась одна вещь, которая не дала такой клятвы. Но она такая маленькая и слабая, что я даже не подумала о ней.

— Что же это такое, госпожа?

— Дубовые ягоды, у которых нет ни корней, ни твердости. Они растут в восточной стороне Валгаллы. Я прошла мимо, не взяв с них никакой клятвы.

— Конечно, ты была права, не обратив на них внимания. Что могут сделать Бальдуру они, у которых нет даже корней?

Сказав это, ложная волшебница заковыляла прочь.

Но хромала она недолго. Сменив походку, она помчалась на восточный склон Валгаллы. Там рос огромный дуб, рядом с которым раскинулся куст с дубовыми ягодами. Локи обломал его ветки и с ними в руках явился туда, где асы и ваны продолжали свои игры в честь Бальдура.

Когда Локи подошел поближе, он услышал, как все смеются. Великаны и гномы, асы и ваны — все старались попасть в цель. Великаны швыряли слишком далеко, у гномов это не получалось, а предметы, запущенные асами и ванами, улетали далеко в сторону от цели. Среди этого веселья и шуток было странно видеть человека, который, не испытывая никакой радости, стоял в стороне. Тем более что это был один из асов — Хёдур, слепой брат Бальдура.

— Почему ты не участвуешь в игре? — изменив голос, спросил его Локи.

— У меня нет ничего, чтобы бросить в Бальдура, — сказал Хедур.

— Возьми вот это и бросай, — предложил Локи. — Это ветка омелы.

— Я не вижу, куда бросать ее, — напомнил Хёдур.

— Я направлю твою руку, — сказал Локи.

Он вложил ветку омелы в руку Хёдура и нацелил ее для броска. Ветвь полетела напрямиком в Бальдура. Она попала ему в грудь и пронзила ее. Застонав, Бальдур рухнул на землю.

Асы и ваны, гномы и друзья-великаны застыли в ужасе и удивлении. Они ничего не понимали. Локи ускользнул. А слепой Хёдур, рука которого запустила ветвь омелы, стоял молча и неподвижно, не зная, что его бросок лишил Бальдура жизни.

Над Землей мира поднялся всеобщий стон, который издали асы и ваны. Бальдур был мертв, и они начали оплакивать его. И когда они скорбели над любимцем Асгарда, среди них появился Один.

— Хель победила. Она забрала нашего Бальдура, — сказал Один Фригг, когда они склонились над телом их возлюбленного сына.

— Я бы не стала так говорить.

Когда асы и ваны пришли в себя, к ним обратилась мать Бальдура.

— Кто из вас хочет завоевать мою любовь и уважение? — спросила она. — Им будет тот, кто доберется до темных владений Хель и спросит у хозяйки, возьмет ли она выкуп за Бальдура. Она забрала его, она может и вернуть Бальдура. Кто из вас двинется в путь? Конь Одина готов для этого путешествия.

Вперед вышел Гермод-проворный, брат Бальдура. Он оседлал Слейпнира и направил его к темным владениям Хель.

Гермод скакал девять дней и ночей. Его путь лежал через горные долины, одна глубже и темнее другой. Он вышел к реке, которая называлась Гйоль, и к мосту через нее, который весь сверкал золотом. Дева-великанша, которая охраняла мост, обратилась к нему.

— На твоем лице цвет жизни, — сказала Модгуд, эта дева. — Почему ты спускаешься вниз, в царство мертвых Хель?

— Я Гермод, — ответил всадник, — и я отправляюсь увидеться с Хель и узнать, возьмет ли она выкуп за Бальдура.

— Любой, кто приближается к жилищу Хель, испытывает страх, — предупредила Модгуд, бледная девушка. — Оно окружено высокой стеной, которую вряд ли может перепрыгнуть даже твой конь. Порог ее — пропасть, ложе там — тревога, стол — голод, а портьеры в комнате — это жгучая боль.

— Может, Хель возьмет выкуп за Бальдура?

— Если весь мир, все в нем продолжит жалеть Бальдура, Хель придется взять выкуп и отпустить его, — сказала Модгуд, бледная девушка, которая охраняла блистающий мост.

— Весь мир оплакивает Бальдура. Я явлюсь к ней и заставлю взять выкуп.

— Ты не сможешь пройти, пока не убедишься, что весь мир, все вещи в нем оплакивают Бальдура. Возвращайся в мир и убедись в этом. Если ты вернешься к этому блистающему мосту и скажешь мне, что все и вся продолжают сетовать по Бальдуру, я пропущу тебя, и Хель придется выслушать тебя.

— Я вернусь, и тебе, Модгуд, бледной девушке, придется пропустить меня.

— Вот тогда я пропущу тебя, — сказала Модгуд.

Обрадованный Гермод развернул Слейпнира и помчался обратно сквозь глубокие провалы, один мрачнее другого. Добравшись до верхнего мира, он увидел, что весь мир продолжает оплакивать Бальдура. Приободрившись, Гермод поскакал дальше. В середине мира он встретил ванов и рассказал им приятные новости.

Затем Гермод и ваны прочесали мир в поисках, все ли продолжают проливать слезы по Бальдуру. И как-то Гермод встретил ворону, сидящую на сухом дереве. Когда он подошел ближе, то увидел, что ворона отнюдь не опечалена. Вспорхнув, она улетела, Гермод последовал за ей, дабы убедиться, что она все же оплакивает Бальдура.

Он потерял ее из виду рядом с какой-то пещерой. Перед пещерой сидела какая-то старая карга с почерневшими зубами, которая и не думала сетовать по Бальдуру.

— Если ты ворона, которая залетела сюда, тебе стоит оплакать Бальдура, — сказал Гермод.

— Я Токт и не собираюсь жалеть Бальдура.

— Все льют слезы по Бальдуру, — сказал Гермод.

— У меня нет слез по нему, — ответила эта ведьма.

Она побрела в пещеру, а когда Гермод последовал за ней, оттуда вылетела ворона. Он догадался, что это была Токт, злая ведьма, которая изменила свой облик. Он поспешил за ней, и ворона летела по миру, каркая:

— Пусть Хель держит, что ей досталось! Пусть Хель держит, что ей досталось!

И Гермод понял, что он не может отправляться в жилище Хель, что есть одно существо в мире, которое не сетует по Бальдуру. И со склоненной к гриве Слейпнира головой, Гермод двинулся в Асгард.

И теперь асы и ваны, понимая, что выкуп за Бальдура не будет принят, стали готовить его тело к похоронам. Сначала они накрыли его богатым покрывалом, и каждый положил рядом с ним самое дорогое из того, что у него было, и каждый поцеловал Бальдура в лоб. Но Нанна, его преданная жена, упала ему на грудь: у нее разорвалось сердце, и она умерла от скорби. Асы и ваны не могли удержаться от новых рыданий. Подняв тело Нанны, они положили его бок о бок с Бальдуrom.

Их обоих уложили на Рингборне, большом корабле Бальдура, который предстояло столкнуть на воду и поджечь.

Но тут стало ясно, что никто из асов и ванов не в состоянии спустить огромный корабль Бальдура. Послали за великаншей Хиррокен. Она прибыла на огромном волке со змеями вместо поводьев. Подойдя к кораблю, она одним толчком сдвинула его с места. И когда тот заскользил по каткам, все стали посылать в него огненные стрелы.

Объятый пламенем, корабль, качаясь, поплыл по воде. А среди языков огня можно было увидеть, как как-то, склонившись над телом Бальдура, что-то шептал ему на ухо. Это был Один, отец всех богов. Через некоторое время Один покинул судно, которое уже занялось бурным пламенем. Асы и ваны молча наблюдали за ним, и по щекам их катились слезы, а весь мир оплакивал погибшего: «Бальдур-прекрасный мертв!»

Что же Один, склонившись, шептал на ухо Бальдуру, когда вокруг него бушевало пламя? Он шептал о небе над Асгардом, которого не может достичь пламя Суртура, и о жизни, в которую снова вернется красота, когда мир людей и мир богов снова и снова пройдут через огонь.

НАКАЗАНИЕ ЛОКИ

Ворона полетела на север, каркая в полете: «Пусть Хель держит, что ей досталось! Пусть Хель держит, что ей досталось!» Ворона была изменившейся ведьмой Токт, а на самом деле это был Локи, принимавший разные облики.

Долетев до Севера, Локи оказался на пустошах Йотунхейма. И вороной стал жить там, спасаясь от гнева богов. Он убедил великанов, что им пора строить корабль Нагфлар, на который пойдут ногти мертвецов и который в день Рагнарёка поплывет в Асгард и поведет его великан Гимир. И, слушая его, великаны начали строить Нагфлар. Но люди и боги хотели, чтобы тот как можно дольше оставался непостроенным.

А Локи, устав от пустошей Йотунхейма, полетел на раскаленный Юг. Там он ящерицей устроился жить среди скал Муспельхейма и привел в восторг огненных великанов, рассказав им, что Фрейр потерял свой меч, а Тир — правую руку.

Тем не менее был в Асгарде человек, который плакал по Локи, — Сигюн, его жена. Хотя он бросил ее и не скрывал ненависти к ней, Сигюн продолжала лить слезы по своему злобному мужу.

Вскоре Локи бросил Муспельхейм так же, как оставил Йотунхейм, и отправился жить в мир людей. Но теперь он понимал, что оказался в том месте, где его может настичь гнев богов, и составил план, как быть в постоянной готовности к бегству. Он пришел к реке, где давным-давно убил выдру, которая была сыном заклинателя, и на том камне, где выдра в день своей гибели ела лосося, Локи построил

себе дом. Он сделал в нем четыре двери, чтобы смотреть в любую сторону.

Часто в облике лосося он плавал в реке. Но даже к рыбам, которые резвились рядом с ним, Локи испытывал ненависть. Он рвал и запутывал сети, которыми люди хотели вытащить его из воды.

Гнев, который боги питали к Локи, не утихал. Ведь это он в виде старой карги Токт стал поводом не брать Хель выкуп за Бальдура. Это он вложил в руку Хёдура ветвь, которая лишила Бальдура жизни. И теперь, когда Бальдура больше не было на Земле мира, Асгард выглядел опустевшим. И мрачные мысли овладели умами асов и ванов: они думали о грядущих зловещих событиях. Один в своем Зале Валгаллы размышлял о привлечении героев, которые смогут помочь защищать Асгард.

Боги обыскиали весь мир и наконец нашли место, где Локи поставил свое жилище.

Локи плел сеть для ловли рыбы, когда увидел, как боги приближаются к нему со всех четырех сторон. Он кинул сеть в огонь, где она вспыхнула, и, обернувшись лососем, прыгнул в реку. Когда боги вошли в его дом, они нашли лишь догорающий огонь.

Среди богов был и тот, который мог восстановить утраченное, если оно оставляло зримые следы. На пепле остались отпечатки сгоревшей сети, и он сделал точно такую же.

Боги вышли к реке и забросили сеть в воду. Локи перепугался, видя, что такая же сеть, что плел он для ловли рыбы, теперь ловит его. Он лег на дно реки, затаившись между двумя камнями, и сеть прошла над ним.

Но боги почувствовали, что сеть коснулась чего-то на дне. Они привязали к ее кромке груз и снова потянули сеть по реке. Локи понял, что на этот раз ему не укрыться, и, покинув убежище, поплыл в сторону моря. Боги увидели его, когда он перепрыгивал через водопад, и последовали за ним, таща сеть. Тор шел сзади, готовый схватить Локи, если тот повернет назад и минует сеть.

Локи вынырнул у устья реки, и надо же — над морскими волнами парил большой орел, готовый спикировать за рыбой. Локи повернул обратно в реку и, собрав всю свою ловкость, перепрыгнул сеть, которую тащили боги. Но Тор был настороже и мощными руками схватил лосося и, как Локи ни вырывался, крепко держал его. Никогда еще он не видел, чтобы рыба так билась. Локи удалось почти высвободиться, в руках Тора оставался лишь хвост, но тот швырнул Локи о камни, разбив чары хитреца и заставив принять его настоящий облик.

Теперь Локи был в руках тех, чей гнев против него был неукротим. Боги привели злостного пакостника в грот, привязали его к трем остроконечным скалам канатами из волчьих сухожилий, превратив их в железные оковы, и оставили его там, связанного и беспомощного. Но Скади, в которой кипела яростная кровь великанов, не могла смириться, что ему не придется испытать страданий. Она нашла змею со смертельным ядом и подвесила ее над головой Локи. Капли яда падали на Локи, и с каждой каплей он испытывал страдания. пытке Локи не было конца.

Но Сигюн со своим жалостливым сердцем пришла ему на помощь. Она скрылась из Асгарда, смирилась с темнотой и холодом грота, чтобы хоть частично избавить от страданий того, кто был ее мужем. Встав над Локи, Сигюн сложила из ладоней чашу, куда и капал змеиный яд, немного избавляя Локи от страданий. То и дело Сигюн отворачивалась, чтобы выплеснуть наполнившуюся чашу своих ладоней, и тогда капли яда продолжали падать на Локи, заставляя его кричать от мучений и извиваться в своих оковах. И тогда люди чувствовали, как сотрясается земля. Локи оставался прикованным до Рагнарёка, Сумерек богов.

Часть четвертая

МЕЧ ВЁЛЬСУНГА И СУМЕРКИ БОГОВ

МОЛОДОСТЬ СИГУРДА

В Мидгарде, в Северном королевстве, правил король, чье имя было Алв. Он был мудр и добр. В его доме жил приемный сын, которого звали Сигурд. Сигурд был бесстрашен и могуч настолько, что однажды поймал в лесу медведя и притащил его в королевский дворец. Его мать звали Хьёрдис.

Однажды, еще до рождения Сигурда, Алв и его отец, который правил до него, отправились в путешествие за море и попали в другую страну. Углубившись в нее, они услышали шум и лязг большой битвы. Когда они вышли в поле боя, то не обнаружили ни одного живого воина, только груды трупов окружали их. Один из погибших особенно бросался в глаза: он был седобород, стар, у него была благородная внешность. Его оружие указывало, что он был королем, возглавлявшим отряд воинов.

Путники проехали через лес в поисках выживших. В лесной долине они наткнулись на двух женщин. Одна была высокой, с синими спокойными глазами и рыжими волосами. На ней была одежда служанки. На другой было богатое одеяние королевы, но чувствовалось, что она занимает низкое положение, и вела она себя застенчиво и робко.

Когда Алв с отцом подъехали поближе, та, что была в наряде королевы, сказала:

— Помогите нам, благородные лорды, защитите нас, и мы покажем вам место, где скрыто сокровище. Состоялась

большая битва между людьми короля Лигни и короля Зигмунда, и победу одержали воины Лигни. Они покинули поле боя. Но король Зигмунд убит, а мы, которые принадлежали к его двору, спрятали его сокровища и можем отдать их вам.

— Тот доблестный воин, седовласый и седобородый, который остался там лежать, — это и есть король Зигмунд?

— Да, господин, — ответила женщина, — а я его королева.

— Мы слышали о короле Зигмунде, — кивнул отец Алва. — Его судьба и судьба его народа, вёльсунгов, широко известна в мире.

Алв не сказал ни слова никому из женщин, но не отводил глаз от той, что была в наряде служанки. Она стояла на коленях, заворачивая в звериную шкуру два куса сломанного меча.

— Вы, конечно, защитите нас, благородные лорды, — сказала та, на которой было королевское платье.

— Да, супруга короля Зигмунда, мы защитим вас и вашу служанку, — обязался отец Алва, старый король.

Женщины отвели воинов в дикое место на берегу моря и показали им, где среди скал спрятаны сокровища короля Зигмунда: золотые кубки, массивные браслеты и ожерелья в драгоценных камнях. Принц Алв и его отец погрузили сокровища на корабль, взяли на борт двух женщин и отошли от берега.

Все это было до того, как родился Сигурд, приемный сын короля Алва.

Мать Алва была мудра, и от ее взгляда ничего не ускользало. Она обратила внимание, что из двух женщин, которых ее сын и муж доставили в королевство, та, что была в платье служанки, была очень красива и смотрела прямо в глаза, а та, на которой было одеяние королевы, робка и застенчива. Как-то вечером, когда все женщины двора сидели вокруг нее и пряли шерсть при свете факелов, королева-мать спросила ту, что была в королевском наряде:

— Ты легко встаешь по утрам. Откуда ты знаешь, что вот-вот наступит рассвет?

Та ответила:

— Когда я была молодой, то привыкла вставать по утрам доить коров, и с тех пор я и просыпаюсь в этот час.

«Странная страна, — подумала королева-мать, — в которой девушки королевской крови поднимаются доить коров».

Затем она обратилась к той, на которой было платье служанки:

— А как ты узнаешь, когда рассветает?

— Мой отец, — сказала она, — дал мне золотое кольцо, которое я ношу, и каждый раз, как приходит время вставать, я чувствую, как оно холодеет у меня на пальце.

«Действительно, очень странная страна, — снова удивилась про себя королева-мать, — в которой служанки носят золотые кольца».

Когда все дворовые девушки ушли, она обратилась к этим двум женщинам, оказавшимся в ее стране. И той, что носила платье служанки, она сказала:

— Это ты — королева.

И тогда та, что была в королевском облачении, признала:

— Вы правы, государыня. Она королева, а я больше не могу притворяться не той, кто я есть.

Тут заговорила и другая женщина:

— Я действительно королева, как ты и сказала, я вдова убитого короля Зигмунда. Поскольку меня искали, я поменялась платьем с моей служанкой, чтобы сбить с толку тех, кого, наверно, пошлют захватить меня. Знайте, что меня зовут Хьёрдис, я была дочерью короля. Многие приходили к моему отцу просить моей руки, но из тех, что являлись, я много слышала лишь о двух: один был король Лигни, а другой — король Зигмунд из народа вельсунгов. Король, мой отец, сказал, что мне предстоит выбирать из них двоих. Король Зигмунд был стар, но он был самым знаменитым воином в мире, и я выбрала его, а не короля

Лигни. Мы поженились. Но король Лигни не расстался с желанием заполучить меня, и спустя какое-то время он выступил против королевства Зигмунда с огромной армией. Мы спрятали наши сокровища на берегу моря, и я со служанкой наблюдала за битвой с опушки леса. С помощью Грама, его удивительного меча, и могучей воинской силы Зигмунд был способен разогнать те огромные войска, что напали на него. Но внезапно он получил смертельное ранение. Битва была проиграна. Люди короля Лигни стали рыскать по лесу в поисках меня и сокровищ короля Зигмунда. Я побежала к моему господину, лежащему на поле боя, и, когда я приблизилась, он приподнялся и сказал, что смерть очень близка к нему, и рассказал: когда казалось, что люди короля Лигни готовы пуститься в бегство, на поле боя появился незнакомец. Копьем, которое он держал в руках, он ударил по мечу Зигмунда, и Грам, этот волшебный меч, разломился надвое. Вот тогда король Зигмунд и получил смертельную рану.

«Я должен умереть, — сказал он, — потому что копье, сломавшее мой меч, было Гунгниром, копьем Одина. Только оно могло сломать тот меч, который Один дал моему отцу. И сейчас я ухожу в Валгаллу, Зал героев Одина».

«Я плачу, — ответила я, — потому что у меня нет сына, который мог бы сказать, что принадлежит к великому народу вэльсунгов».

«Из-за этого плакать не надо, — стал утешать Зигмунд. — У тебя родится сын, наш с тобой сын, и ты назовешь его Сигурд. А теперь возьми куски моего чудесного меча и передай их моему сыну, когда он войдет в возраст воина».

Затем Зигмунд обессиленно растянулся на земле и его тело содрогнулось в агонии. Валькирия Одина унесла дух короля с поля битвы. Я же собрала куски меча и вместе со своей служанкой спряталась в глубокой ложине в лесу. Там твой муж с сыном нашли нас и доставили в ваше королевство, где нас так любезно приняли, о королева.

Такую историю Хьёрдис, вдова короля Зигмунда, рассказала матери принца Алва.

Скоро у нее родился ребенок, который был сыном короля Зигмунда. Она назвала его Сигурдом. После рождения Сигурда старый король умер, и на его трон взошел принц Алв. Он женился на Хьёрдис, красавице с рыжими волосами и прямым взглядом, и Сигурд как приемный сын рос в его доме.

Еще до того, как Сигурд, сын Зигмунда, вошел в возраст воина, он обрел известность за свою силу, ловкость и бесстрашие.

— Велик народ вёльсунгов, из которого он вышел, — говорили люди, — но мощь Сигурда превосходит любого, кто был до него.

Сигурд построил себе хижину в лесу, чтобы охотиться на диких животных и жить рядом с тем, кто учил его многим искусствам и ремеслам. Это был Регин, ковавший мечи, умный и хитрый человек. О Регине говорили, что он колдун и что он живет в этом мире дольше, чем многие поколения. Никто, даже включая дедов и отцов, не помнил, когда Регин пришел в эту страну. Он учил Сигурда искусству работы с металлом, а в другие дни знакомил его с преданиями. Но, даже будучи его учителем, он как-то странно смотрел на Сигурда, не как человек смотрит на своего спутника, а как рысь — на другое животное.

Как-то Регин сказал юному Сигурду:

— Люди говорят, у короля Алва хранятся сокровища твоего отца, а он к тебе относится, словно ты рожден в семье раба.

Сигурд понял, что Регин говорит это, чтобы разозлить его, а затем использовать в своих целях.

— Король Алв мудр и добр, и, если мне понадобятся богатства, он даст их мне.

— И все же ты живешь как мальчик на побегушках, а не как королевский сын.

— Стоит мне захотеть, и я в любой день получу верхового коня, — похвастался Сигурд.

— Это ты так говоришь, — сказал Регин и, отвернувшись от Сигурда, продолжил раздувать огонь в своей кузнице.

Сигурд, все же разозлившись, откинул кусок железа, с которым работал, и побежал на пастбище у большой реки. Там пасся конский табун: серые, черные, чалые и каштановые — лучшие из лошадей короля Алва. Когда он подошел ближе к лошадям, щипавшим траву, то увидел рядом незнакомца — пожилого, но крепкого человека в странном синем плаще, который, опершись на посох, смотрел на лошадей. Сигурду, несмотря на юность, доводилось видеть королей в залах дворца, но в этом человеке была такая величавость, которой не обладал ни один король.

— Ты хочешь выбрать для себя коня? — спросил незнакомец.

— Да, отец, — согласился Сигурд.

— Первым делом загони табун в реку, — велел незнакомец.

Сигурд так и сделал. Некоторые кони поплыли по течению, другие с трудом выкарабкались обратно на пастбище. Но один конь переплыл реку и, вскинув голову, заржал в знак победы. Сигурд отметил его: молодой и гордый, с густой развевающейся гривой. Перебравшись через реку, он поймал его, оседлал и перевел обратно через реку.

— Ты сделал правильный выбор, — похвалил незнакомец. — Грани, который сейчас под тобой, — потомок Слейпнира, коня Одина.

— А я из потомков Одина! — вскричал Сигурд. Глаза его были широко открыты и сияли при свете солнца, — потому что моим отцом был Зигмунд, а его отцом — вёльсунг, чьим отцом был Рерир, сын Сиги, который и был сыном Одина.

Незнакомец внимательно посмотрел на юношу. Зрячим у него был только один глаз, но им, подумал Сигурд, можно смотреть сквозь камень.

— Все, кого ты назвал, — сказал незнакомец, — были отозваны Одином в Вальгаллу, Зал героев Одина. Их отбирали валькирии Одина для битвы за Асгард.

— Слишком много отважных и благородных взято Одином для битвы за Асгард, — возмутился Сигурд.

Незнакомец понурил голову.

— Что тут можно сделать? — сказал он, и Сигурду показалось, что он говорит не с ним. — Что ты можешь сделать? Листья вянут и опадают с Иггдрасиля, и день Рагнарёка подступает. — Незнакомец поднял голову и обратился к Сигурду: — Близится время, когда ты получишь куски меча твоего отца.

Этот человек в странном синем плаще ушел вверх по холму, и Сигурд смотрел ему вслед, пока тот не исчез из вида. Он было тронул вслед незнакомцу Грани, своего благородного коня, но затем развернул его и помчался вдоль реки галопом, легким как ветер.

МЕЧ ГРАМ И ДРАКОН ФАФНИР

Верхом на Грани, своим благородном коне, Сигурд подъехал к дворцу и предстал перед королем Алвом и Хьёрдис, своей матерью. Гарцуя, он выкрикнул имя вэльсунгов, и, глядя на него, король Алв почувствовал, что этот юноша стоит любого мужчины, а Хьёрдис, его мать, при виде голубого пламени его глаз подумала, что путь сына в мире будет подобен полету орла.

Наконец Сигурд спешился, погладил и приласкал Грани, сказав ему, что он может возвращаться пастись к табуну. Конь любовно дохнул на Сигурда и умчался.

Сигурд пошел к своей хижине в лесу, где он работал рядом с хитрым кузнецом Регином. Когда он вошел в кузницу, в ней никого не было. Но на наковальне, еще окутанном дымом из горна, лежало новое изделие Регина. Сигурд посмотрел на него и почувствовал, как в нем растет ненависть к этой вещи.

Регин сковал щит, огромный железный щит. На щите было выбито и окрашено красным и коричневым цветом изображение дракона, выползающего из пещеры. Сигурд подумал, что это образ самого ненавидимого существа в мире, и, когда поднимавшийся дымок из горна трепетал

около него, казалось, что созданный из пламени дракон оживает.

Пока Сигурд смотрел на это отвратительное создание, в кузницу вошел Регин. У него была сутулая спина, на покрасневшие глаза падали волосы, и весь он был похож на зверя, готового выскочить из засады.

— Ты никак смотришь на Фафнира-дракона, сын вёльсунгов, — сказал он Сигурду. — Авось именно ты и убьешь его.

— Я не собираюсь сражаться с таким животным. Оно слишком отвратительно для меня, — сказал Сигурд.

— С хорошим мечом ты можешь справиться с ним и обрести себе больше славы, чем даже твой отец, — прошептал Регин.

— Я получу славу так же, как мой отец, — в битве с людьми и отвоевывая королевство, — ответил Сигурд.

— Ты не настоящий вёльсунг, иначе ты бы с радостью отправился навстречу опасностям и страхам, — сказал Регин. — Ты должен был слышать о Фафнире-драконе, образ которого я здесь выковал. Если ты поднимешься на вершину холма, перед тобой откроются пустынные земли, где охотится Фафнир. Знай, что когда-то здесь были изобильные земли, где люди жили в мире и процветании, но явившийся Фафнир устроил себе лежку в соседней пещере, и его дыхание, когда он шел к реке и от нее, иссушило землю и оголило ее. Люди дали ей название пустошь Гнита. И теперь, если ты хочешь стать настоящим вёльсунгом, ты должен убить дракона, вернуть этой земле красоту, вернуть туда людей и присоединить ее к владениям короля Алва.

— Я не собираюсь сражаться с драконом, — сказал Сигурд. — Я должен пойти войной на короля Лигни и отомстить ему за убийство Зигмунда, моего отца.

— Что такое убийство Лигни и завоевание его королевства по сравнению с уничтожением Фафнира-дракона?! — вскричал Регин. — Я скажу тебе о нем то, что еще никто не знает. Он охраняет такой клад — золото и драгоценно-

сти, — которого еще никто в мире не видел. И, убив его, все эти сокровища ты можешь забрать себе.

— Я не нуждаюсь в богатствах, — отрезал Сигурд.

— Ничто не может сравниться с теми сокровищами, которые охраняет Фафнир. Это тот клад, которым в ранние дни мира владел гном Андвари. Богам он послужил выкупом. И если ты отвоёвешь это сокровище, ты сам станешь одним из богов.

— Откуда ты все это знаешь, Регин? — спросил Сигурд.

— Знаю. И придет день, когда я расскажу тебе, откуда я все это знаю.

— И придет день, когда я выслушаю тебя. Но больше не говори со мной об этом драконе. Я хочу, чтобы ты сковал мне меч, который должен стать самым лучшим и могучим в мире. Ты можешь это сделать, Регин, потому что люди считают твоё искусство ковать мечи наилучшим.

Регин посмотрел на Сигурда своими маленькими хитрыми глазками и подумал, что пора приняться за работу. Он взял самый тяжелый кусок железа, положил его в горн и пустил в ход секретные приемы и тайные инструменты, которые использовал, когда от него требовалась мастерская работа.

Весь день Сигурд работал рядом с Регином, усердно раздувая пламя и принося воду для охлаждения клинка. И во время работы он думал только о короле Лигни — как он пойдет на него войной и отомстит за отца, который был убит еще до его рождения.

Весь день он думал только о войне и о клинке. Но ночью его мысли переключились с войны и меча, который они продолжали ковать, на Фафнира-дракона. Он видел жар его дыхания, который выжиг землю, он видел пещеру, где было его убежище, он видел, как чудовище выползает из пещеры, и его чешуя блестит, как кольца кольчуги, и его тело бесконечно, как колонна людей на марше.

На следующий день он продолжил работать с Регином, отковывая огромный меч. И когда тот обрел идеальную форму, пронизательность Регина дала ему понять, что это

будет в самом деле великое оружие. Затем Регин отточил меч, а Сигурд отполировал. И наконец юноша поднял меч, держа его за металлическую рукоять.

Он взял щит с изображением Фафнира и положил его на наковальню. Вскинув меч обеими руками, он обрушил его на щит.

Удар меча отколол часть щита, но клинок в руках Сигурда сломался. В гневе Сигурд повернулся к Регину и закричал:

— Ты сделал для меня какой-то ножичек! Снова принимайся за работу! Ты должен сковать мне настоящий меч вёльсунгов!

Выйдя, он подозвал Грани, своего коня, оседлал его и как ветер помчался на берег реки.

Регин кинул в горн еще куски металла и стал ковать новый меч, бормоча во время работы те руны, которыми Фафнир охранял клад. Этой ночью Сигурду снились бесмертные сокровища, которых он не жаждал, груды золота и сверкающих драгоценных камней.

На следующий день он пришел на помощь Регину, и они работали над мечом, который должен был стать куда крепче, чем первый. Три дня они трудились над ним, и наконец Регин вложил в руки Сигурда отточенный и отполированный меч, который был куда крепче и великолепнее, чем тот, что они сковали раньше. И снова Сигурд взял щит с изображением дракона и положил его на наковальню. Затем он вскинул оружие и со всей силой обрушил удар. Меч прошел через щит, но, ударившись о наковальню, затрясся в его руках.

Он в гневе оставил кузнеца и подозвал Грани. Оседлав его, он снова помчался как ветер.

Позже он пришел в беседку матери и остановился рядом с Хьёрдис.

— Я должен иметь самый лучший меч, — сказал он, — выкованный из металла, найденного в земле. Пришло время, мать, когда ты должна отдать мне куски Грама, меча Зигмунда и вёльсунгов.

Хьёрдис смерила его взглядом и увидела, что ее сын стал могучим юношей, который может пользоваться мечом Зигмунда и вёльсунгов. Она позвала его с собой в королевский дворец. Из огромного каменного сундука, что стоял в ее покоях, она вынула звериную шкуру и завернутый в нее сломанный меч. Куски его она протянула сыну.

— Вот половинки Грама, — сказала она, — того могучего меча, который в давние дни Один оставил в стволе дерева Брансток у дома вёльсунгов. И я хочу увидеть обновленный Грам в твоих руках, сын мой.

Затем она обняла его, как никогда не обнимала раньше, и, стоя с рассыпавшимися рыжими волосами, рассказала о славе Грама и о деяниях его отца, в чьих руках блистал этот меч.

Сигурд, отправившись в кузницу, разбудил Регина и заставил его взглянуть на блестящие половинки меча Зигмунда. Он приказал ему сковать из них меч по его руке.

Регин несколько дней трудился в кузнице, и Сигурд не отходил от него. Наконец клинок был выкован, и, когда Сигурд взял его в руку, вдоль лезвия пробежало пламя.

Снова он положил щит с драконом на наковальню. И снова, сцепив пальцы на металлической рукоятке, он высоко вскинул меч. Он нанес удар, и меч, пройдя через щит, расколол наковальню. И тогда Сигурд понял, что держит в руках меч вёльсунгов. Выйдя, он подозвал Грани и, как ветер, помчался к берегу реки. По воде плыли куски шерсти. Сигурд рубанул по ним мечом, и нежная шерсть разделилась надвое.

Той же ночью он, засыпая, положил себе под голову Грам, меч вёльсунгов, но его сны по-прежнему были полны образов, которые никогда не приходили к нему днем, — сияние клада, к которому он не стремился, и блеск чешуи дракона, который был безмерно отвратительным.

КРОВЬ ДРАКОНА

Сигурд отправился воевать. Вместе с воинами, которых король Алв дал ему, он вторгся в страну, где правил убийца его отца. Война эта длилась недолго, сражения не были тяжелыми и были все выиграны. Король Лигни стал стар и с трудом управлял своими людьми. Сигурд убил его, забрал его сокровища и присоединил завоеванные земли к владениям короля Алва.

Но он не был удовлетворен одержанной победой. Он мечтал об ожесточенных боях и подвигах, которые увенчают его славой. Что представляла собой его война по сравнению с войнами, которые в свое время вели Зигмунд, его отец, и вёльсунг, его дед? Сигурд был недоволен. Он повел своих людей на холмы, с вершин которых были видны охотничьи угодья дракона. И, поднявшись на них, приказал своим людям возвращаться к дворцу короля Алва с уже завоеванной добычей.

Воины ушли, а Сигурд остался, рассматривая пустошь Гнита, где было убежище дракона. Вся она была выжжена и опустошена его огненным дыханием. Он увидел пещеру, в которой скрывался Фафнир, и следы, которые он оставлял, входя в нее и выходя. Каждый день дракон оставлял свое укрытие в скалах и пересекал пустошь по пути к реке, воды которой он пил.

Весь день Сигурд наблюдал с холмов, не появится ли дракон. Вечером он увидел, как чудовище выползло из пещеры и двинулось через пустошь, напоминая корабль с множеством весел.

Сигурд вернулся к Регину в его кузницу.

— Расскажи мне все, что ты знаешь о Фафнире-драконе, — обратился он к этому хитрому человеку.

Регин начал рассказывать, но его речь была странной: в ней было полно древних выражений и рун. Когда он закончил ее, Сигурд сказал:

— Все, что ты сказал мне, повтори снова, но языком понятным современному человеку.

— Я говорил о кладе, — сказал Регин. — Гном Андвари охранял его с первых дней мира. Один из асов заставил Андвари отдать ему все это золото и груды драгоценных камней, и асы передали клад Хрейдмару, который был моим отцом. Асы передали клад Хрейдмару за убийство его сына Выдры, моего брата. То был величайший клад, который когда-либо видели в мире. Но Хрейдмар недолго радовался ему. Чтобы овладеть сокровищами, сын убил отца. Этим сыном был Фафнир, другой мой брат. Затем Фафнир, чтобы никто не мог покуситься на сокровища, превратился в дракона, такого страшного, что никто не осмеливался даже подойти к нему. И я, Регин, тоже был поражен алчностью и желанием обладать кладом. В другое существо я не стал оборачиваться, но благодаря чарам, которые узнал от отца, я продлил свою жизнь дольше, чем многие поколения людей, надеясь, что увижу гибель Фафнира и огромное сокровище попадет мне в руки. И теперь, Сигурд, сын вэльсунгов, ты знаешь, что делать с Фафниром-драконом и великим сокровищем, которое он охраняет.

— Это сокровище меня меньше всего интересует, — ответил Сигурд. — Меня беспокоит лишь то, что он превратил в пустоши прекрасные земли короля и что для людей он — порождение зла. И я хочу завоевать славу, убив Фафнира-дракона.

— С Грамом, своим мечом, ты сможешь уничтожить Фафнира! — вскричал Регин, сотрясаясь всем телом от жажды обладания сокровищами. — Ты сможешь убить его своим мечом. А теперь послушай меня, и я расскажу тебе, как ты сможешь нанести ему смертельный удар сквозь кольца кольчуги. Выслушай, потому что я все продумал. Дракон ходит к реке по одному и тому же пути, поэтому он довольно широк. Выкопай яму на середине его и спрячься в ней, и, когда Фафнир подойдет, Грамом, своим могучим мечом, нанеси ему удар меж кольцами чешуи. Лишь Грам сможет пробить ее. Тогда Фафнир скончается, и сокровище останется без охраны.

— Говоришь ты достаточно мудро, Регин, — ответил Сигурд. — Мы выкопаем яму, и я убью Фафнира. Все как ты сказал.

Затем Сигурд ускакал на Грани и предстал перед королем Алвом и Хьёрдис, своей матерью. После этого он отправился с Регином на пустошь Гнита, где охотился Фафнир, и вместе с ним выкопал яму, которая поможет убить Фафнира.

Когда его конь громко заржал, чуя приближение дракона, Сигурд был готов послать Грани к пещере в холмах, но Регин удержал его.

— Я боюсь и ничем не могу тебе помочь, сын вэльсунгов, — сказал он. — Я ухожу и буду ждать, когда ты прикончишь Фафнира.

Он ушел, а Сигурд залез в яму, которую они выкопали, и стал практиковаться в ударе мечом снизу вверх. Он лежал лицом вверх, сжимая в руках меч, и стал обдумывать все неприятные вещи, которые могут с ним случиться: например, что хлынувшие кровь и яд дракона могут затопить его и проесть его до костей. Когда эта мысль пришла ему в голову, Сигурд торопливо выбрался из ямы, выкопал рядом другую и проложил между ними ход, который поможет ему спастись от потока отравленной крови дракона.

Когда он снова улегся в яму, Сигурд услышал тяжелые шаги дракона и его странное мрачное похрюкивание. Дракон приближался. И вот его туша нависла над ямой. Дракон наклонил голову и посмотрел на Сигурда.

Именно в этот момент Сигурд и должен был нанести удар Грамом. И он не упустил его. Сигурд с силой ударил чудовище под плечо, целясь в сердце. Меч прошел сквозь твердую блестящую чешую, которая была кольчугой дракона. Сигурд выдернул меч и быстро перебрался в другую яму, успев спастись от хлынувшего из раны потока отравленной крови Фафнира.

Выскочив из второй ямы, он увидел, как огромное туловище Фафнира извивается и бьет хвостом. Подойдя, он

нанес ему удар мечом по шее. Дракон взвился, словно собираясь рухнуть на Сигурда всей своей необъятной тушей, разорвать его смертельными когтями и отравить ядовитой кровью. Но Сигурд отскочил. Фафнир издал предсмертный вопль. Разбросав камни, вывороченные когтями, он распростерся на земле, свесив голову в яму, заполненную его ядовитой кровью.

И тут на поле боя появился Регин, который, услышав последний хрип Фафнира, понял, что тот убит. Увидев же, что Сигурд жив и не пострадал, он издал яростный вопль. Он же предполагал, что Сигурд захлебнется отравленной кровью Фафнира и утонет в этой же яме.

Но он подавил свою злобу и стал выказывать радость, чувствуя Сигурда.

— Теперь ты совершил подвиг! — вскричал он. — Отныне и навеки тебя будут называть Сигурд — убийца Фафнира. Никто из твоих предков не совершал таких подвигов, о принц вёльсунгов!

Он восхвалял его, радуясь, что Сигурд остался в живых, но на уме у него было кое-что другое.

— Фафнир мертв, — сказал Сигурд, — но победа над ним далась нелегко. Теперь мне имеет смысл показаться королю Алву и моей матери. Мне досталась хорошая добыча в виде золота из клада Фафнира.

— Подожди, — остановил его хитрый Регин. — Подожди. Ты еще должен кое-что сделать для меня. Разрежь своим мечом дракона и достань мне сердце Фафнира. Затем пожарь его, чтобы я мог его съесть и обрести еще больше мудрости. Сделай это для меня, который подсказал тебе, как убить Фафнира.

Сигурд сделал это. Он вырвал сердце дракона и стал его жарить. Регин отошел, оставив Сигурда. Тот стоял около огня, поворачивая ветку с нанизанным на нее сердцем, а в лесу стояла мертвая тишина.

Он протянул руку, чтобы вынуть из огня тлеющую ветку с сердцем дракона. И в это время на руку ему капнула капля из сердца Фафнира. Она прожгла его. Он поднес

руку ко рту, чтобы уменьшить боль, и его язык коснулся горячей крови дракона.

Сигурд отошел, чтобы собрать дров для костра. На поляне, куда он вышел, на ветке сидели четыре птицы. Они говорили между собой на птичьем языке, но Сигурд вдруг стал понимать их.

— Каким он оказался простаком, — причитала первая птица, — что попался в эту ловушку! Он даже не подумал, что рядом с ним враг, а ведь тот, кто сопровождал ему, только что ушел, чтобы найти копьё и убить его.

— Он хочет прикончить его ради того золота, что хранится в пещере дракона, — ответствовала вторая птица.

А третья предрекла:

— Если он сам съест сердце дракона, то обретет всю мудрость.

Но четвертая птица напомнила:

— Он попробовал каплю крови дракона и понимает, о чем мы говорим.

Эти четыре птицы не улетели и не прекратили болтать. Вместо этого они начали рассказывать о чудесном жилище, известном им.

— Глубоко в лесу, — чирикали птицы, — стоит дворец, который называется Дом пламени. Его десять стен называются Уни, Ири, Бари, Ори, Вар, Вегдрасиль, Дори, Ури, Деллингер, Атвардер, и каждая стена построена каким-то одним гномом, их именами и названы стены. А сам дворец окружен кольцом огня, через который никто не может пройти. Во дворце же спит девушка, самая умная, отважная и самая красивая в мире.

Сигурд стоял как зачарованный, слушая чириканье птиц.

Но внезапно они сменили тему своей болтовни, и голоса у них стали резкими и пронзительными.

— Смотрите, смотрите! — завопила одна. — Он приближается к юноше.

— Он идет к нему с копьём! — закричала другая.

— И юноша будет убит, пока он стоит на месте, — вскричала третья.

Сигурд повернулся и увидел, как Регин, мрачный и молчаливый, несется на него с копьём в руках. Останься он хоть на секунду дольше на том месте, где слушал птиц, копьё пронзило бы его. Но, поворачиваясь, он выхватил меч, и Грам вошел Регину в грудь.

— Я умираю! — вскричал он. — Умираю... так и не прикоснувшись к сокровищу, которое охранял Фафнир. О, на нем лежит проклятие: и Хрейдмар, и Фафнир, и я — все мы погибли из-за него. И теперь проклятие ляжет на моего убийцу.

И Регин испустил последний вздох. Взяв его тело, Сигурд бросил труп Регина в ту яму, что была рядом с мертвым Фафниром. Затем, чтобы съесть сердце Фафнира и обрести всю мудрость мира, он направился туда, где оставил его жариться. Он подумал, что, съев сердце, он отправится в пещеру дракона, вынесет из нее сокровище и принесет военную добычу королю Алву и своей матери. Затем он пройдет через лес, найдет Дом пламени, где спит самая мудрая, смелая и самая красивая девушка в мире.

Но Сигурду не довелось съесть сердце дракона. Когда он подошел к костру, на котором оставил его жариться, то увидел, что оно полностью сгорело.

ИСТОРИЯ СИГМУНДА И СИГНИ

Чтобы позвать Грани, своего благородного коня, Сигурд поднялся на холмик в пустоши Гнита и громко крикнул. Тот услышал его и галопом, с развевающейся гривой и горящими глазами примчался к Сигурду из пещеры, где Регин оставил коня.

Оседлав Грани, Сигурд направился в пещеру Фафнира. Оказавшись на том месте, где дракон любил лежать, он увидел перед собой железную дверь. Грамом, своим могучим мечом, он пробил железо и сильными руками рванул дверь на себя. Перед ним предстало сокровище, которое

охранял дракон, — груды золота и кучи сверкающих драгоценных камней.

Но, рассматривая этот клад, Сигурд почувствовал, что на нем лежит какая-то тень зла. В давние дни, когда клад хранился глубоко на дне реки, его стерегли русалки. Но гном Андвари заставил русалок отдать сокровище ему. Локи же забрал его у Андвари и освободил ведьму Гульвейг, злая сила которой сказывалась даже на богах. Из-за этого клада Фафнир убил Хрейдмара, своего отца, а Регин подговаривал уничтожить Фафнира, своего брата.

Сигурд знал не все эти истории. Но тень их зла легла ему на душу, когда он стоял над сверкающими грудками. Он может вынести их отсюда — но не сейчас. Он помнил рассказы птиц, и лесная зелень значила для него больше, чем горы сокровищ. Он может вернуться сюда с сундуками, нагрузить их и отнести во дворец короля Алва. Но первым делом он возьмет те вещи, которые может носить сам.

Он нашел шлем из золота и надел его на голову. Затем увидел большой браслет и надел его на руку. На браслете лежало маленькое, на мизинец, колечко с вырезанными на нем рунами. Сигурд надел его на палец. Это было кольцо, на которое гном Андвари наложил проклятие, когда Локи забрал у него клад.

Сигурд знал, что никто не осмелится пересечь Пустошь и войти в логово Фафнира, так что он, не опасаясь, оставил сокровища без присмотра. Оседлав Грани, своего гордого коня, он поскакал через лес. Ему предстояло найти Дом пламени, где спит самая мудрая, самая отважная и самая красивая девушка в мире. В золотом шлеме, сияющем на его золотых волосах, Сигурд пустился на поиски.

Пересекая лес, он думал о Зигмунде, своем отце, за смерть которого он отомстил, и об отце Зигмунда, вёльсунге, и о тех мрачных деяниях, которые вёльсунги пережили и совершили.

Отцом вёльсунга был Рерир, который был сыном Сиги, отпрыска Одина. Вёльсунг, едва только возмужал, построил свой дворец вокруг огромного дерева. Ветви этого дерева тянулись до крыши, как стропила поддерживая ее, а огромный ствол был центром замка. Дерево называлось Брансток, и дворец вёльсунга получил название дворец Брансток.

У вёльсунга было много детей — одиннадцать сыновей и одна дочь. Все сыновья были сильными и отважными бойцами, и вёльсунг из дворца Брансток был их вождем.

Именно из-за Сигни, дочери этого рода, началась распря и разразилась смертельная битва, которая забрала жизнь вёльсунга и его сыновей. Сигни была умной и красивой девушкой, и слава о ней разошлась по всем землям. И как-то в один день вёльсунг получил послание от одного короля, в котором тот просил руки Сигни. И вёльсунг, который знал этого короля по рассказам о его сражениях, ответил, что его с удовольствием примут во дворце Брансток.

Так король Сиггейр прибыл со своими людьми. Но когда вёльсунги увидели его лицо, оно им не понравилось. И Сигни съезжилась, сказав:

— У этого короля злое сердце и лживые слова.

Вёльсунг и одиннадцать его сыновей собрались на совет. При Сиггейре были большие силы, и, если они откажутся отдать ему Сигни, он может перебить их всех и захватить королевство. Кроме того, они обязались выдать за него Сигни, послав ему любезное приглашение. Они долго совещались. И десять из братьев Сигни сказали:

— Пусть Сигни выходит за этого короля. Он не такой злой, как ей кажется.

Десять братьев сказали это. Но один возразил, сказав:

— Мы не отдадим нашу сестру за этого злобного короля. Лучше пусть все мы падем в бою и дворец Брансток будет полыхать над нашими головами.

И сказал это Зигмунд, младший из вёльсунгов.

Но отец Сигни решил:

— Мы не знаем, злобен ли король Сиггейр. Кроме того, мы дали ему слово. Пусть же эту ночь он пирует с нами во дворце Брансток, и пусть Сигни, покинув нас, уйдет с ним как его жена.

Все посмотрели на нее и увидели, что лицо у нее бледное и напряженное.

— Пусть все будет, как вы сказали, мой отец и мои братья, — произнесла она. — Я выйду замуж за короля Сиггейра и уеду с ним за море. — Это она сказала вслух. Но Зигмунд слышал, как она тихо добавила: — Он враг вёльсунгов.

Был устроен пир, и король Сиггейр со своими людьми пришли во дворец Брансток. Были зажжены огни и раскинуты столы, а гостей обносили большими рогами с медом. В середине пиршества в зал вошел незнакомец. Он был выше любого из присутствующих, а его осанка предрасполагала всех относиться к нему с почтением. Ему предложили рог с медом, и он выпил его. Из-под своего синего плаща он извлек меч, от сияния которого в зале стало еще светлее.

Он подошел к дереву, вокруг которого был построен дворец, к Бранстоку, и воткнул в него меч. Все притихли. Затем услышали голос незнакомца, который был подобен трубному зову:

— Этот меч для той руки, которая сможет извлечь его из Бранстока.

И незнакомец покинул дворец.

Все уставились на меч и обратили внимание на ширину блестящей рукоятки. То один, то другой собирались взяться за нее, но голос вёльсунга заставил их отступить.

— Полагается, — сказал он, — чтобы наш гость и зять король Сиггейр первым попытался извлечь меч, оставленный незнакомцем.

Король Сиггейр подошел к дереву и взялся за широкую рукоять. Он напрягся изо всех сил, чтобы вытащить меч, но его старания прошли даром, и его лицо потемнело от гнева.

Остальные гости тоже попытались вытащить меч, но и у них тоже ничего не получилось: меч даже не шевельнулся. Затем попробовали вёльсунги. Один за другим десять братьев безуспешно старались вытащить меч, наконец пришла очередь одиннадцатого, самого молодого, Зигмунда. И стояло Зигмунду сжать широкую рукоять, как — смотрите, смотрите! — меч подчинился его руке, и зал осветился его волшебной яркостью.

Это в самом деле был удивительный меч, скованный из лучшего металла и самыми искусными кузнецами. Все завидовали Зигмунду, что он получил для себя такое волшебное оружие. Король Сиггейр не спускал с него жадных глаз.

— Я дам тебе за него столько золота, сколько он сам весит, мой добрый братец, — сказал он.

Но Зигмунд гордо ответил ему:

— Если бы меч подчинился твоей руке, ты бы и владел им. Но меч не твой. Он лежит в руке вёльсунга.

Сигни, глядя на короля Сиггейра, увидела, что лицо его перекосилось от злобы. Она поняла, что в сердце его поселилась ненависть ко всем вёльсунгам.

Но в конце пиршества она вышла замуж за короля Сиггейра и на следующий день покинула дворец Брансток и отправилась к берегу, где стоял большой разукрашенный корабль. И когда отец и братья расставались с ней, король Сиггейр пригласил их в гости в свою страну — как друзья навешают друзей, а родственники — родственников. Король Сиггейр стоял на берегу и не поднимался на борт, пока все вёльсунги не дали ему слово, что они навещат его и Сигни.

— И когда вы появитесь, — сказал он Зигмунду, — захвати с собой этот могучий меч, который достался тебе.

Обо всем этом думал Сигурд, сын Зигмунда, пока ехал по опушке леса.

Для вёльсунга и его сыновей пришло время выполнить обещание, данное королю Сиггейру. Они подготовили свое судно и отплыли от земли, на которой стоял Брансток. При-

став к берегу королевства Сиггейра, они собирались явиться в королевский дворец при свете дня.

Но перед рассветом к кораблю вёльсунгов подошел какой-то человек. Плащ и капюшон скрывали фигуру и лицо, но наблюдательный Зигмунд узнал, кто это.

— Сигни! — воскликнул он.

Сестра рассказала отцу и братьям о предательстве, которое замышляется против них.

— К вашему прибытию король Сиггейр собрал большую армию, — сообщила она им. — Он ненавидит всех вёльсунгов и собирается напасть на вас, моего отца и братьев, со своей армией и перебить вас. И тогда он заберет себе Грам, волшебный меч Зигмунда. И я говорю вам, вёльсунги, спускайте ваш корабль на воду и уходите от земли, где вас ждет такое предательство.

Но вёльсунг, ее отец, не послушал Сигни.

— Вёльсунги не сдаются и не бегут с земли, к которой они привели свой корабль, — сказал он. — Каждый из нас дал слово, что навестим короля Сиггейра, и сделал это. Если же он оказался презренным негодяем и нападет на нас, мы остаемся непобедимыми вёльсунгами. Мы сойдемся с ним и его армией и уничтожим его, а тебя мы заберем с нами обратно во дворец Брансток. День занимается, и нам надо идти в замок.

Сигни хотела рассказать о большой армии, которую собрал король Сиггейр, но она знала, что вёльсунги никогда не отступят перед опасностью. И больше она не проронила ни слова. Склонив голову, она вернулась во дворец короля Сиггейра.

Сиггейр узнал, что Сигни успела предупредить своего отца и братьев. Он созвал своих людей и продуманно поставил их на тех путях, откуда могли появиться вёльсунги. А одного послал на корабль с приветственным посланием.

Едва вёльсунги сошли с корабля, как на них и на всех, кто с ними прибыл, напала армия короля Сиггейра. На берегу развернулась яростная битва, и многие из отчаян-

ных бойцов короля Сиггейра пали перед бесстрашием тех, кто окружал вёльсунгов. Но наконец сам вёльсунг погиб, а его одиннадцать сыновей взяты в плен. И Грам, волшебный меч, был вырван из рук Зигмунда.

Их привели в зал короля Сиггейра и поставили перед ним, одиннадцать принцев-вёльсунгов. Сиггейр расхохотался, видя их перед собой.

— Теперь мы не в Бранстоке, где вы бесчестили меня мрачными взглядами и ехидными словами, — сказал он, — и перед вами будет поставлена более трудная задача, чем вытащить меч из ствола дерева. И прежде чем зайдет солнце, я увижу вас разрубленными на куски.

Сигни, которая стояла тут же с бледным лицом и широко раскрытыми глазами, сказала:

— Я не прошу продлить жизнь моим братьям, потому что хорошо знаю — мои мольбы ничего не дадут. Но разве ты не следовал пословице, Сиггейр: «Да будет доброта в глазах, пока они могут видеть»?

Выслушав ее слова, Сиггейр лишь злобно расхохотался.

— Увы, моя королева, — сказал он, — мои глаза будут добры, пока я буду смотреть на их мучения. Они умрут не все вместе и не сразу. Я позволю им посмотреть, как они умирают друг за другом.

И Сиггейр отдал новый приказ своим гнусным слугам. Братьев следовало доставить в чашу леса, приковать к огромным брусам и оставить там. Всех одиннадцать братьев-вёльсунгов.

На следующий день один из тех, кто все это видел, но хранил преданность Сигни, пришел к ней, и Сигни спросила:

— Какая судьба постигла моих братьев?

— Огромный волк подошел к закованным, напал на одного из них и сожрал его.

Услышав это, Сигни не проронила ни слезинки, но броня, в которую она заковала свое сердце, стала еще тверже.

— Иди снова туда, — приказала она, — и смотри, что произойдет.

Соглядатай вернулся во второй раз и поведал:

— И второй из твоих братьев был сожран волком.

И на этот раз Сигни не проронила ни слезинки, но ее сердце отвердело еще больше.

Каждый день наблюдатель приходил и рассказывал, что происходило с ее братьями. И наконец, в живых остался только один из них, Зигмунд, самый молодой.

— Я придумала, что надо сделать, — сказала Сигни. — Отнеси горшок с медом туда, где он прикован, и вымажи медом лицо Зигмунда.

Посланец сделал так, как ему приказала Сигни.

И снова огромный волк пришел по лесной тропе на место своего пиршества. Обнюхав прикованного Зигмунда с головы до ног, он почувствовал запах меда и, высунув язык, стал облизывать его лицо. А тот вцепился своими крепкими зубами в язык волка. Волк стал сопротивляться и бороться изо всех сил, но Зигмунд не выпускал волчьего языка. В борьбе со зверем сломался брус, к которому он был прикован. И тут Зигмунд схватил волка и разорвал ему пасть.

Наблюдатель видел все это и рассказал Сигни. Она возликовала:

— Один из вёльсунгов остался жив, и его месть падет на короля Сиггейра и его дом.

Человек Сигни продолжал бродить по лесным тропам и заметил, где Зигмунд втайне построил для себя хижину. Он часто носил подарки от Сигни к Зигмунду. Тот вел жизнь охотника и изгнанника, но не покидал леса. А король Сиггейр не знал, что один из вёльсунгов остался жив и находится рядом с ним.

ИСТОРИЯ ЗИГМУНДА И СИНФИОТЛИ

По пути через лес Сигурд вспоминал, что Хьёрдис, его мать, рассказывала ему о Зигмунде, его отце, о его жизни и смерти. Зигмунд прожил долгую жизнь охотника и из-

гнанника, но никогда надолго не удалялся из леса, который входил во владения короля Сиггейра. Он часто получал вещи от Сигни. Они оба, последние из вёльсунгов, знали, что Сиггейр и его дом должны понести кару за предательство, жертвой которой стали его отец и братья.

Зигмунд знал, что сестра пошлет на помощь ему одного из своих сыновей, которых она пыталась воспитать так, чтобы те стали воинами, достойными крови вёльсунгов. И как-то утром к его хижине подошел мальчишка лет десяти. Это был один из сыновей Сигни.

Зигмунд бегло взглянул на него и обронил лишь несколько слов. Собираясь на охоту, он снял со стены свое копье и сказал:

— Вот сумка с мукой, мальчик. Замеси тесто, сделай хлеб, и, когда я вернусь, мы поедем.

По возвращении он увидел, что хлеб не готов, а мальчишка стоит, глядя на мешок с мукой вытаращенными глазами.

— Ты не испек хлеб? — спросил Зигмунд.

— Не-а, — сказал мальчик. — Я боялся подойти к мешку. Там что-то шевелится.

— У тебя сердце как у мышки, поэтому ты и боялся. Возвращайся к своей матери и скажи ей, что воин вёльсунгов из тебя не получится.

После этих слов Зигмунда мальчишка в слезах ушел.

Год спустя пришел другой сын Сигни. Как и прежде, Зигмунд лишь бегло взглянул на него и лишь сказал:

— Вот мешок с мукой. Замеси тесто и к тому времени, как я вернусь, приготовь хлеб.

Но когда Зигмунд вернулся, хлеба не было. А мальчишка держался в стороне от мешка с мукой.

— Ты не испек хлеб? — спросил Зигмунд.

— Не-а, — сказал мальчик. — В мешке что-то шевелится, и я был испуган.

— У тебя сердце мыши. Возвращайся к своей матери и скажи ей, что воина вёльсунгов из тебя не получится.

И этот мальчишка, как и его брат, ушел в слезах.

В то время других сыновей у Сигни не было. Наконец у нее родился еще один ребенок, на которого возлагались последние надежды. И его, когда он подрос, Сигни послала к Зигмунду.

— Что тебе сказала мать? — спросил Зигмунд, когда мальчишка появился в его хижине.

— Ничего. Она пришила перчатки мне к рукам и сказала, чтобы я их стянул.

— И ты это сделал?

— Ага. Стянул вместе с кожей.

— Плакал?

— Вёльсунги из-за таких вещей не плачут.

Зигмунд долго смотрел на парнишку. Он был высокий, красивый, длиннорукий, и в глазах его не было и тени страха.

— Так что мне для тебя сделать? — спросил он.

— Вот мешок с мукой, — сказал Зигмунд. — Замеси тесто и к моему возвращению приготовь хлеб.

Когда Зигмунд вернулся, хлеб уже поджаривался на углях.

— Что ты сделал с мукой? — спросил он.

— Замесил из нее тесто. В ней что-то было — думаю, змея, — но я растер ее вместе с мукой, и теперь она тоже поджаривается на углях.

Зигмунд засмеялся и обнял мальчика.

— Этот хлеб есть ты не будешь, — сказал он. — Ты замесил ядовитую змею.

Имя мальчика было Синфиотли. Зигмунд стал готовить его как охотника и изгнанника. Они показывались то тут, то там, неся возмездие людям короля Сиггейра. Мальчик был силен и отважен и никогда не сказал ни слова лжи.

Однажды, когда Зигмунд и Синфиотли охотились, они набрали на странный дом в чаще леса. Когда они вошли в него, то увидели там двоих крепко спящих мужчин. На руках у них были золотые браслеты, и Зигмунд понял, что они — сыновья короля.

Рядом со спящими они увидели волчьи шкуры, которые лежали так, словно их временно сняли. И тут Зигмунд по-

нял, что эти двое были оборотнями — теми, кто, принимая облик волков, рыскает по лесам.

Зигмунд и Синфиотли накинули эти шкуры на себя и превратились в волков. В таком облике они побежали через лес, то и дело снова превращаясь в людей. Волками они нападали на людей короля Сиггейра, уничтожив многих из них.

И как-то Зигмунд сказал Синфиотли:

— Ты еще молод, и я не хочу, чтобы ты становился жесток. Если ты встретишь компанию из семи человек, вступи с ними в бой. Но если их будет больше семи, издай волчий вой и зови меня на помощь.

Синфиотли пообещал, что он так и сделает.

Как-то, когда Зигмунд один пробирался через лес в облике волка, он услышал шум схватки и остановился послушать, не донесется ли призыв Синфиотли. Его не было, но Зигмунд направился через лес в направлении боя. По пути он миновал тела одиннадцати убитых человек. Когда он добрался до Синфиотли, тот волком лежал в густых зарослях и тяжело дышал после схватки, которую ему пришлось вынести.

— Против тебя дрались одиннадцать человек. Почему ты не позвал меня?

— Чего ради я должен был звать тебя? Я не так слаб и смог справиться с одиннадцатью противниками.

Этот ответ разгневал Зигмунда. Он посмотрел на лежащего Синфиотли, и свирепая волчья натура, что была присуща этой шкуре, взяла верх над ним. Прыгнув на Синфиотли, он вцепился зубами ему в горло.

Синфиотли лежал, задыхаясь. Он чувствовал, что смерть близка. И Зигмунд, поняв, что его челюсти обладают смертельной хваткой, испустил вой в знак раскаяния.

Когда он облизывал лицо своего товарища, то увидел, как рядом сцепились две ласки. В разгар драки одна схватила другую за горло и прокусила его, умертвив соперницу. Зигмунд обратил внимание, чем кончилась эта схватка. Победившая ласка, убежав, вскоре вернулась с листьями

какого-то растения, которые приложила к ране своей подруги. Растение затянуло рану, и поверженная ласка вскочила живой и здоровой, как прежде.

Зигмунд пошел на поиски того растения, которое на его глазах притащила ласка. В поисках его он увидел ворону с листом в клюве. Когда он подошел к ней, ворона бросила лист, и — о, счастье! — он оказался таким же, который принесла ласка. Схватив его, Зигмунд приложил лист к ране прокушенного его зубами горла Синфиотли, та затянулась, и Синфиотли снова стал здоров. Вернувшись в свою лесную хижину, они на другой день сожгли волчьи шкуры и в молитвах пообещали богам, что никогда больше не будут превращаться в волков и следовать их природе. Зигмунд и Синфиотли больше никогда не меняли своего облика.

ИСТОРИЯ О МЕСТИ ВЁЛЬСУНГОВ И СМЕРТИ СИНФИОТЛИ

Наконец Синфиотли полностью возмужал, и пришло время отомстить королю Сиггейру за убийство вёльсунга и горестную судьбу, которая постигла десять его сыновей. Зигмунд и Синфиотли надели шлемы, взяли мечи и направились к дворцу короля Сиггейра. Они спрятались за бочками с элем, которые стояли у входа во дворец, и стали ждать, когда его покинет вооруженная стража, чтобы они могли напасть на короля Сиггейра и его свиту.

Младшие дети Сиггейра играли во дворце, и у одного из них за бочки с элем укатился мячик. Ребенок в поисках мячика увидел двоих людей в шлемах и с мечами в руках, которые, пригнувшись, сидели за бочками.

Сын позвал слугу, который все рассказал королю. Тот поднялся, собрал вокруг себя вооруженную стражу и послал схватить тех, кто скрывались за бочками. Зигмунд и Синфиотли выскочили из укрытия и вступили в бой с людьми короля Сиггейра, но были взяты в плен.

Их не могли убить тут же, на месте, потому что считалось противозаконным убивать пленников после захода солнца. Но тем не менее король Сиггейр не хотел оставлять их на земле. Он приказал поместить их в яму и насыпать над ней холм, чтобы пленники были погребены заживо.

Приговор был приведен в исполнение. В яму была опущена огромная плита, разделившая ее надвое, так что Зигмунд и Синфиотли могли слышать, как сопротивляется товарищ, но не могли помочь друг другу. Все было сделано, как приказал король.

Но пока рабы заваливали яму землей, среди них появился человек в плаще с опущенным капюшоном, и в ту половину, где лежал Синфиотли, он бросил какой-то предмет, завернутый в солому. И когда земля и дерн, наваленные на яму, скрыли от них небо, Синфиотли крикнул Зигмунду:

— Я не умру, потому что королева бросила мне мясо, завернутое в солому.

И немного погодя он снова крикнул Зигмунду:

— Вместе с мясом, которое она мне кинула, королева положила и меч. Могучий и сильный. Я даже думаю, что это Грам, о котором ты мне рассказывал.

— Если это Грам, — сказал Зигмунд, — то он может прорезать каменную плиту. Попробуй вогнать лезвие в камень.

Синфиотли воткнул клинок в камень, и он прошел насквозь. Затем, каждый со своей стороны, они взялись за лезвие меча и перепилили огромную плиту. Затем им вдвоем уже было нетрудно избавиться от груды наваленной сверху земли и дерна, и оба увидели небо.

Перед ними стоял дворец короля Сиггейра. Они обложили его сухим деревом и подожгли. Когда дворец объяло пламя, король Сиггейр выскочил и заорал:

— Кто поджег дворец короля?

И Зигмунд сказал:

— Я, Зигмунд, сын вёльсунга, чтобы ты ответил за свое предательство.

Увидев Зигмунда с Грамом, огромным мечом в руках, Сиггейр вбежал обратно во дворец. Увидев в огне Сигни с бледным лицом и суровым взглядом, Зигмунд крикнул ей:

— Иди сюда, иди сюда! Это Зигмунд зовет тебя! Выйди из пылающего дома Сиггейра, и мы вместе вернемся во дворец Брансток.

Но Сигни сказала:

— Уже все кончено. Мсть свершилась, и меня больше ничего не держит в жизни. Кровь вёльсунга живет в тебе, брат мой, и это мое единственное счастье. Без радости я вышла замуж за короля Сиггейра, без радости жила с ним, но умираю с ним, полная радости.

Пламя полностью охватило дворец, и все, кто был в нем, погибли. Так свершилась мсть вёльсунгов.

Сигурд, пробираясь через лес, думал о том, что сделал его отец Зигмунд вместе с Синфиотли, своим юным родственником, и о тех событиях, что потом случились с ними.

Зигмунд и Синфиотли оставили владения короля Сиггейра и вернулись в земли, где стоял замок Брансток. Зигмунд стал великим королем, а Синфиотли — начальником его стражи.

Зигмунд женился на женщине по имени Боргхильд, а Синфиотли полюбил женщину, которую любил брат Боргхильд. Два молодых человека сошлись в схватке, и Синфиотли в честном бою убил брата Боргхильд.

Синфиотли вернулся домой. Чтобы добиться мира между ним и королевой, Зигмунд дал Боргхильд много золота как возмещение за потерю ее брата. Королева взяла его и сказала:

— Что ж, мой брат стоит этого количества золота; и пусть о его убийстве больше не будет разговоров.

И она пригласила Синфиотли в замок Брансток. Но хотя она тепло отнеслась к нему, сердце ее было полно жажды мщения.

Тем же вечером во дворце Брансток состоялся пир, и королева Боргхильд стала обходить гостей с рогом, полным меда. Подойдя к Синфиотли, она протянула ему рог.

— Возьми его из моих рук, о друг Зигмунда, — сказала она.

Но Синфиотли увидел, что таилось в ее глазах, и сказал:

— Я не буду пить из этого рога. В нем яд.

И затем, чтобы прекратить насмешки, которыми королева осыпала Синфиотли, Зигмунд, который стоял рядом, взял рог у Боргхильд. Ни яд, ни любая отравка не могли причинить ему вреда. Он поднес рог к губам и опустошил его одним глотком.

— Должны ли другие пить за тебя? — спросила Синфиотли королева.

Позже она снова подошла к нему, держа в руках рог с медом. Она предложила его Синфиотли, но он посмотрел ей в глаза и увидел, какой они полны ненависти.

— В напитке яд, — сказал он, — и я не буду пить его.

И снова рог взял Зигмунд и опустошил его одним глотком. И снова королева поиздевалась над Синфиотли.

И в третий раз она подошла к нему. Прежде чем предложить рог, она сказала:

— Это тот, кто боится пить как мужчина. Какое в нем сердце вельсунгов!

Синфиотли видел в ее глазах ту же ненависть, но даже ее насмешки не могли заставить его взять рог из рук королевы. Зигмунд, как и раньше, стоял рядом. Но сейчас он устал перенимать рог и сказал Синфиотли:

— Вылей напиток на бороду.

Синфиотли подумал, что он припадет к напитку губами, которые были обрамлены бородой, и между ним и королевой больше не будет недоразумений. Но Зигмунд имел в виду не это. Он думал, что Синфиотли лишь сделает вид, что пьет, а мед прольется на пол. Синфиотли, не поняв замысла друга, взял рог у королевы, поднес его к губам и выпил. И яд, который был в напитке, тут же дошел ему до сердца, и он рухнул мертвым во дворце Брансток.

О, как удручен был Зигмунд смертью своего племянника и друга! Он никому не позволил прикоснуться к его телу. Он сам поднял Синфиотли на руки и вынес его из дворца. Пройдя через лес, он вышел с ним на берег моря. И на берегу он увидел, как человек вытаскивает лодку. Подойдя к нему, Зигмунд увидел, что этот человек стар и необыкновенно высок.

— Я перейму у тебя твою ношу, — сказал он.

Зигмунд положил тело Синфиотли в лодку, думая занять место рядом с ним. Но как только тело Синфиотли оказалось в лодке, она тут же отплыла от берега, хотя у нее не было ни паруса, ни весел. Зигмунд, взглянув на старика, который стоял у кормила, понял, что он не из смертных, а Один, отец всех живущих, тот, который дал ему меч Грам.

Зигмунд вернулся в свой дворец.

Через некоторое время его королева умерла, и он женился на Хьёрдис, которая стала матерью Сигурда. И теперь Сигурд-вэльсунг, сын Зигмунда и Хьёрдис, ехал через лес с Грамом на боку и золотым шлемом из сокровищ дракона на голове.

БРУНГИЛЬДА В ДОМЕ ПЛАМЕНИ

Лесные дороги привели его на горный склон. И он поднялся на вершину Хиндфелла. Деревья тут отступили, предоставив место небу и ветрам. На Хиндфелле и стоял Дом пламени. Сигурд увидел черные высокие стены и окружающее их кольцо огня. Подъехав ближе, он услышал рев пламени. Сидя на Грани, он долго смотрел на черные стены и огонь вокруг них.

Он послал Грани в огонь. Другой конь испугался бы, но Грани не дрогнул под Сигурдом. Они оказались рядом со стеной огня, и Сигурд, который не знал страха, прорвался сквозь нее.

Так он очутился во дворе замка. Тут не было ничьих следов — никого из живых, ни собаки, ни лошади. Сигурд

спешился и успокоил Грани. Войдя в замок, он набрел на комнату, в которой висела портьера с вышитым на нем огромным деревом с тремя корнями, и тянулась она от одной стены до другой. На ложе в центре помещения лежал кто-то в глубоком сне. На голове лежащего был шлем, а грудь прикрывал броневой нагрудник. Сигурд снял со спящего шлем. На ложе хлынул поток женских волос — густых и блестящих. Это и была та девушка, о которой щебетали птицы.

Мечом Сигурд обрезал застёжки нагрудника и долго смотрел на девушку. Лицо ее было прекрасным, но суровым — как у человека, которого пытаются подчинить, а он не покоряется. У нее были сильные и красивые кисти рук и предплечья, гордый рисунок рта, а над закрытыми глазами — четкий рисунок безукоризненных бровей.

Девушка открыла глаза и в упор посмотрела на Сигурда.

— Кто ты, который разбудил меня? — сказала она.

— Я Сигурд, сын Зигмунда из рода вёльсунгов, — ответил он.

— И ты ради меня преодолел стену огня?

— Я это сделал.

Она встала на колени и протянула руки к источнику света.

— Приветствую тебя, о День! — вскричала она. — Приветствую и лучи сынов Дня. О Ночь и дочь Ночи, да будут благословенны глаза, которыми вы смотрите на нас. Приветствую вас, асы и ваны! Приветствую и широкие поля Мидгарда! Пусть они дадут нам мудрость и умные речи, научат силе исцеления и чтобы ничто лживое и трусливое не приблизилось к нам!

Все это она выкрикивала с широко открытыми глазами; они были полны такой синевы, какую только Сигурду приходилось видеть: синева цветов, синева неба, синий блеск боевых клинков. Девушка снова посмотрела на Сигурда и сказала:

— Я Брунгильда. Когда-то я была валькирией, а теперь — смертная, и мне суждено познать все печали, которые со-

путствуют смертным женщинам. Но есть вещи, которых я не хочу знать, — те, в которых присутствуют лживость и трусливость.

Сигурд понимал, что она была самой отважной, мудрой и самой красивой девушкой в мире. Он положил свой Грам к ее ногам и произнес ее имя:

— Брунгильда.

Он рассказал ей, как убил дракона и как услышал птичий разговор о ней.

Поднявшись с ложа, девушка закрутила вокруг головы свои роскошные волосы. Сигурд в изумлении смотрел на нее. Когда Брунгильда шла, казалось, что она плывет над землей.

Они сели рядом, и она рассказала ему удивительные и тайные вещи. Она поведала ему, что была послана Одином из Асгарда выбирать убитых для его Валгаллы и даровать победу тем, кому он хотел дать ее. И она рассказала Сигурду, как не подчинилась желанию Одина, за что и была изгнана из Асгарда. Один уколол ее шипом Сонного дерева, чтобы она оставалась в забытии, пока храбрейший из смертных не разбудит ее, разрезав ремни доспехов.

— Один обещал мне, — сказала она, — что, как смертная девушка, я не выйду замуж ни за кого, кроме как за храбрейшего в мире. И чтобы никто, кроме него, не смог пройти ко мне, Один окружил огненным кольцом то место, где я лежала в забытии. И лишь ты, Сигурд, сын Зигмунда, смог пробиться ко мне. Ты самый отважный, и я думаю, что и самый красивый — как Тир, бог, который не расстаётся с мечом.

Так она призналась ему, что за того, кто прорвался сквозь огонь, она и должна выйти замуж.

Они нежно и трепетно говорили друг с другом, и день пролетел для них незаметно. И тут Сигурд услышал Грани, своего коня, который заржал, подзывая его.

— Отпусти меня из очарования твоих глаз. Я должен обрести величайшее имя в мире. Пока еще оно не так знаменито, как имена моего отца и деда. Я одолел короля

Лигни, я убил дракона Фафнира, но этого мало. Я сделаю свое имя самым знаменитым в мире и вынесу все, что ради этого выпадет мне на долю. И затем я вернусь за тобой в Дом пламени.

— Пусть будет, как ты говоришь, — сказала ему Брунгильда. — Возвеличь свое имя и ради этого вынеси все, что выпадет на твою долю. Я буду ждать тебя, зная, что никто, кроме Сигурда, не способен одолеть пламя, которое охраняет мое обиталище.

Они долго смотрели друг на друга, но почти ничего не говорили. Затем, прощаясь, они взяли друг друга за руки и поклялись, что рядом с ними не окажется ни другого мужчины, ни другой девушки. И в залог этой клятвы Сигурд снял с пальца кольцо и надел его на палец Брунгильды. Это было кольцо Андвари.

СИГУРД В ДОМЕ НИБЕЛУНГОВ

Спустившись с Хиндфелла, Сигурд направился в королевство, где правили люди, называвшие себя нибелунгами, так же как род Сигурда именовался вэльсунгами. Короля этой земли звали Гьюки.

Гьюки с своей королевой и все их сыновья тепло приняли Сигурда, когда тот прибыл в их дворец, потому что он выглядел как человек, который может обрести звание величайшего героя в мире. Вместе с королевскими сыновьями Гуннар и Хёгни Сигурд принял участие в войне, и все трое заслужили громкие имена, но сияние славы Сигурда превосходило всех остальных.

И когда они вернулись с войны, во дворце нибелунгов состоялось пышное торжество, и сердце Сигурда было преисполнено самых дружеских чувств ко всем нибелунгам; полный любви к сыновьям короля Гуннару и Хёгни, он побратался с ними. У короля Гьюки был пасынок Гуторм, который не связал себя с Сигурдом узами братства, как Гуннар и Хёгни.

После войны названные братья уговорили Сигурда провести всю зиму во дворце нибелунгов. Его сердце было полно воспоминаний о Брунгильде, и он мечтал примчаться к ней в Дом пламени и взять ее с собой в то королевство, которое король Гьюки собирался дать ему. Но все же он не мог вернуться к ней, потому что поклялся и дальше оказывать помощь своим побратимам.

Как-то Сигурд ехал в одиночестве и услышал чирикающие птиц и понял, о чем они говорят между собой.

— А вот Сигурд, — прошептала одна, — который едет в своем чудесном шлеме, что он взял из сокровищ Фафнира.

И другая сказала:

— Он не знает, что с помощью этого шлема он может менять свой облик, как менял его Фафнир, он может выглядеть то одним созданием, то другим, то этим человеком, то иным.

А третья добавила:

— Он не представляет, что шлем может делать для него удивительные вещи.

Сигурд вернулся во дворец нибелунгов и за вечерним столом рассказал им, что услышал от птиц. Он показал им этот шлем. И рассказал, как убил дракона Фафнира и как ему достался огромный клад. И его два побратима радовались, что ему выпала такая удача.

Но более драгоценной, чем клад, чем волшебный шлем, была для него память о Брунгильде. Но он ни словом не обмолвился о ней.

Королеву звали Гримхильда. Она была матерью Гуннара и Хёгни и их сводного брата Гутторма. У них с королем была и дочь, чье имя было Гудрун. Надо сказать, что Гримхильда была одной из мудрейших женщин, и, глядя на Сигурда, она понимала, что их гость — величайший воин в мире. Она хотела, чтобы он принадлежал к роду нибелунгов, но не из-за обета побратимства, которым Сигурд обменялся с Гуннаром и Хёгни, а в силу других уз. И когда она услышала о принадлежавшем ему огромном кладе, ее желание, чтобы он стал одним из нибелунгов, еще более усилилось.

Она смотрела на его золотой шлем и на широкий браслет, который он носил, и приняла решение, что Сигурд должен жениться на ее дочери Гудрун. Но ни Сигурд, ни девушка Гудрун не знали о решении Гримхильды.

Королева же, внимательно наблюдая за Сигурдом, поняла, что он хранит в душе некое воспоминание, которое не позволяет ему увидеть влюбленность Гудрун. Гримхильда обладала знанием заклятий и тайных зелий (она была из рода Боргхильдов, чье варево лишило жизни Синфиотли) и знала, что сможет сварить такой напиток, который уничтожит все воспоминания Сигурда. И как-то вечером, когда все пировали во дворце нибелунгов, она вручила Гудрун кубок с напитком и приказала ей поднести его Сигурду.

Сигурд взял кубок из рук прекрасной наследницы нибелунгов и выпил его. Осушив кубок, он поставил его на стол и встал. Теперь среди пирующих он стал казаться человеком, впавшим в глубокий сон. И, как во сне, он пошел в свою комнату, где провел весь день и последующую ночь в полном молчании, и его память будто заснула. Когда он на следующий день ездил верхом с Гуннаром и Хёгни, они спросили его:

— Ты что-то потерял, брат?

Сигурд не ответил им. Потому что он потерял память о валькирии Брунгильде в Доме пламени.

Он посмотрел на Гудрун, и ему показалось, что он смотрит на нее в первый раз. Воздушны были длинные пряди ее волос, нежны были ее руки. Ее глаза были подобны цветам, а походка и речь были мягкими и легкими. И вела она себя с тем благородством, которое подобает принцессе, наследнице королевства. В первый же раз, как она увидела Сигурда верхом на Грани, его боевом коне, с золотым шлемом на золотых волосах, Гудрун влюбилась в него.

И в то время года, когда на озеро прилетают дикие лебеди, Гудрун спустилась к нему посмотреть, как они выют гнезда. И пока она стояла здесь, из-за сосен выехал Сигурд. Он увидел Гудрун, и красота девушки изменила для него все вокруг. Остановив коня, он стал слушать ее голос,

как она пела диким лебедям песню, которую Вьёлунд сочинил для Алвит, своей невесты-лебедя.

И мысли Сигурда теперь были только о Гудрун: он вспомнил ее у озера, где дикие лебеди вили свои гнезда. Он не сводил с нее глаз во дворце, когда она сидела рядом с матерью за вышивкой, когда подавала блюда отцу или братьям, и в сердце его росла нежность к этой девушке.

Пришел день, когда он заговорил о Гудрун с Гуннаром и Хёгни, своими побратимами. Те были счастливы оттого, что им привалило такое счастье. Они привели Сигурда к королю Гьюки и королеве Гримхильде. И казалось, что они миновали все беды и тревоги и жизнь их вошла в пору расцвета и силы, — так неподдельно король и королева радовались, что Сигурд женится на Гудрун и станет одним из нибелунгов.

Когда Гудрун услышала, что Сигурд просит ее руки, она сказала королеве:

— О моя матушка, только твоя мудрость помогла мне обрести такую радость. Как я могу показать ему, насколько он дорог мне, дороже всех? Но я постараюсь сдержаться, а то он подумает, что во мне нет никаких чувств, кроме чувства любви к нему. Столь великого воина не может волновать такая любовь. Я буду с ним как девушка-воительница.

Сигурд и Гудрун поженились, и все королевство нибелунгов радостно отмечало это событие. А королева Гримхильда думала, что, пусть даже воздействие зелья, которое она дала Сигурду, прекратится, теперь его сердце полно любви к Гудрун и никаким другим воспоминаниям в нем не будет места.

КАК БРУНГИЛЬДА БЫЛА ПОБЕЖДЕНА ГУННАРОМ

Теперь, когда Сигурд женился на Гудрун, он стал одним из нибелунгов. Он забрал клад из пещеры Фафнира и перенес его в сокровищницу замка. Он снова побывал в

королевстве своего приемного отца, повидался с королем Алвом и Хьёрдис, своей матерью. Но он так ровно ничего и не вспомнил ни о ДOME пламени, ни о Брунгильде, которая ждала его там.

Король Гьюки умер, и Гуннар, побратим Сигурда, воссел на его трон. Мать хотела его женить, но Гуннар сказал, что не встретил девушку, которую хотел бы взять себе в жены.

Но когда Сигурд и Гуннар бывали вместе, тот говорил о некоей далекой девушке, о которой часто думал. И как-то Сигурд настоял, чтобы тот рассказал, что это за девушка, и Гуннар поведал о мудрейшей, как ей называли поэты, девушке во Дворце, объятom пламенем, о девушке по имени Брунгильда, окруженной кольцом огня.

Сигурд рассмеялся при мысли, что его умный брат увлечен той, о которой он только слышал. Но если он так увлечен рассказом о ней, почему бы ему не явиться к ней и не взять в жены? Так был убежден Сигурд. Гуннар склонился перед ним и спросил, поможет ли Сигурд завоевать ее? Сигурд взял Гуннара за руку и поклялся, что поможет.

Они выехали в Хиндфелл — Гуннар, Хёгни и Сигурд. Они ехали, пока не увидели черные стены в кольце вздымающегося огня. Сигурд ничего не помнил об этом месте. Полный решимости на суровом лице, Гуннар подскочил к стене огня. Но как Гуннар ни понукал Готи, своего коня, так и не решился прыгнуть через огонь. Гуннар подумал, что, будь под ним Грани, конь Сигурда, он смог бы преодолеть кольцо огня. Он выпросил у Сигурда Грани, оседлал его и подъехал к пылающей стене. Но Грани, чувствуя, что его наездник боится огня, сдал назад и больше не сдвинулся с места. Только Сигурд мог заставить его преодолеть пламя.

Три названных брата пришли в серьезное замешательство. После долгих раздумий Хёгни-мудрый сказал:

— Есть способ добыть Брунгильду. Сигурд должен изменить облик при помощи магии шлема и превратиться в Гуннара. Затем Сигурд на Грани прорвется через стену пламени и как Гуннар придет к Брунгильде.

Так изрек Хёгни-мудрый, и, когда Сигурд увидел, с какой мольбой смотрят на него глаза названного брата, он не мог не согласиться прорваться сквозь огонь и предстать перед Брунгильдой в том облике, как было обговорено. Магическая сила шлема превратила его в Гуннара. Оседлав Грани, он помчался к стене пламени. И Грани, зная, что тот, кого он несет на себе, не ведает страха, прыгнул сквозь обжигающее пламя. Так Сигурд очутился на дворе Дома пламени.

Он вошел в его зал и увидел, как кто-то стреляет из лука в цель. Стрелок повернулся к нему, и Сигурд увидел строгое и прекрасное лицо с локонами удивительных блестящих волос и глазами, которые блестели, как звезды на небосклоне. Он подумал, что стрела в ее руках сейчас пронзит его. Но этого не случилось. Брунгильда опустила лук и подошла к нему такой легкой походкой, что казалось, будто она плывет над землей. Подойдя к всаднику и взглядевшись в его лицо, она как-то странно вскрикнула и спросила:

— Кто ты? Кто ты, который смог пробиться ко мне сквозь стену огня?

— Гуннар, сын Гьюки из рода нибелунгов, — сказал Сигурд.

— Ты ли самый отважный в мире?

— Я прошел сквозь стену огня, чтобы увидеть тебя, — ответил Сигурд.

— На меня имеет право смотреть лишь тот, кто преодолел стену огня, — сказала Брунгильда. — Это записано в рунах, и так должно быть. Но я думала, что есть только один, который может прорваться ко мне. — Она посмотрела на него, и ее глаза вспыхнули гневным пламенем. — О, я справлюсь с тобой оружием воина.

И Сигурд почувствовал хватку ее сильных рук и решил, что сейчас потерпит поражение.

Но они продолжали бороться, и оба были настолько сильны, что не могли одолеть друг друга. Сигурд перехватил ее руку. На ней было кольцо, и Сигурд разогнул ей палец и снял кольцо.

То было кольцо Андвари, которое когда-то он надел ей на палец. И как только он снял его, Брунгильда опустилась на колени, словно лишившись сил.

Сигурд взял ее на руки и отнес к Грани, своему коню, который ждал его. Он поднял ее в седло, сам сел сзади, и они вдвоем промчались сквозь стену огня. Их ждали Хёгни и Гуннар, который был в обличье Сигурда. Брунгильда не стала смотреть на них, закрыв лицо руками. И тут Сигурд вернул себе свой облик и, оставив сзади Гуннара и Хёгни, поскакал в замок нибелунгов.

Гудрун, его жена, играла с Зигмундом, их маленьким сыном, и, сев рядом с ней, он рассказал Гудрун все, что произошло с ними: как для названного брата он добыл валькирию Брунгильду, как в борьбе с ней он одержал верх и снял ее кольцо, которое теперь носит сам.

Но когда он разговаривал со своей женой, воздействие того зелья, которое дала ему когда-то мать Гудрун, стало проходить, и к нему вернулись воспоминания, как он провалился в Дом пламени — но не сегодня, а в другой день, как он, будучи самим собой, преодолевал огненную стену. И снова, как в тот вечер, когда он выпил напиток, сваренный королевой Гримхильдой, он словно погрузился в забытие. Он стоял, глядя, как играет его сын, как его жена сидит за вышиванием, но Сигурду казалось, что все это он видит во сне.

Пока он так стоял, в зал нибелунгов вошли Гуннар и Хёгни, приведя с собой Брунгильду. Гудрун поднялась, чтобы приветствовать ту, которой предстоит стать невестой брата. И тут Сигурд, глядя на Брунгильду, наконец все вспомнил, и сердце его рванулось наружу с такой силой, что могло разорвать кольчугу на груди.

СМЕРТЬ СИГУРДА

Это случилось в тот день, когда Брунгильда, жена Гуннара, ныне королева, купалась в реке вместе с женой Сигурда. Они не часто бывали вместе. Брунгильда отличалась

крайней надменностью и часто относилась к Гудрун с презрением. Когда они искупались, Гудрун решила выжать волосы, и несколько капель попали на Брунгильду. Брунгильда отстранилась от нее. И жена Сигурда, не зная, что Брунгильда гневается на нее, пошла за ней.

— Почему ты так далеко отходишь, Брунгильда? — спросила Гудрун.

— Чтобы ты не могла отряхивать свои волосы рядом со мной, — ответила та.

Гудрун застыла на месте, а Брунгильда пошла вверх по реке, как человек, который хочет побыть один.

— Почему ты так разговариваешь со мной, сестра? — вскричала Гудрун.

Она припомнила, что Брунгильда с самого начала высокомерно относилась к ней, разговаривала резко и грубо. Она понятия не имела, в чем была причина такого отношения.

А дело было в том, что Брунгильда узнала Сигурда, того, кто в первый раз прорвался сквозь пламя, кто разбудил ее, разрезав ремни доспехов. Когда он пробудил ее в этом мире, она отдала ему свою любовь. Но он, как думала Брунгильда, легко забыл ее, подарив свою любовь другой девушке. И Брунгильда, с ее гордостью валькирии, затаила в сердце неугасающий гнев.

— Почему ты так разговариваешь со мной, Брунгильда? — повторила Гудрун.

— Потому что капли с твоих волос упали на того, кто намного достойнее тебя, на жену короля Гуннара, — ответила Брунгильда.

— Ты замужем за королем, но отважнее моего мужа нет никого, — сказала Гудрун.

— Гуннар отважнее. Почему ты сравниваешь Сигурда с ним?

— Он убил Фафнира, и ему достался клад дракона, — напомнила Гудрун.

— Гуннар проскакал сквозь кольцо огня. Может, ты хочешь сказать, что это сделал Сигурд?

— Да! — сказала Гудрун, которая тоже разгневалась. — Именно Сигурд, а не Гуннар прорвался сквозь огненное кольцо. Он пролетел сквозь него в облике Гуннара, и он же снял кольцо с твоего пальца — смотри, сейчас его ношу я.

И Гудрун подняла руку с кольцом Андвари. И Брунгильда все поняла — все до последнего слова. Гудрун сказала правду, и только правду. И во второй раз, так же как и в первый, через огонь прорвался Сигурд. Это он боролся с ней, он снял кольцо с ее руки и назвал ее невестой, но не своей, а другого; он пренебрег ею.

Она потерпела поражение из-за обмана. И ей, одной из валькирий Одина, пришлось выйти замуж за того, кто отнюдь не был самым отважным героем в мире, и она, которой не могла коснуться ложь, стала жертвой обмана. Она погрузилась в молчание, и вся ее гордость обернулась ненавистью к Сигурду.

Она пришла к Гуннару, своему мужу, и сказала ему, что испытывает глубокий стыд. Она больше никогда не будет счастлива во дворце; он никогда больше не увидит, как она пьет вино, как вышивает золотыми нитями; он никогда больше не услышит от нее слов любви. И, сказав это, она взяла ткань, которую вышивала, и зарыдала так громко, что все во дворце услышали ее и изумились, почему плачет гордая королева.

Затем к ней пришел Сигурд и предложил во искупление вины весь клад Фафнира. Он рассказал ей, как на него нашло забытие и он забыл о ней; он просил простить его за то, что добыл ее для брата обманом. Но она ответила ему:

— Слишком поздно ты пришел ко мне, Сигурд. Теперь у меня в сердце не осталось ничего, кроме великого гнева.

Когда явился Гуннар, она сказала, что прощает его и будет любить его так, как не любила раньше, если он убьет Сигурда. Но хотя Гуннара сильно тронула страсть Брунгильды, он не мог убить Сигурда, потому что тот был его названным братом.

Тогда она отправилась к Хёгни и попросила его убить Сигурда, пообещав, что после смерти Сигурда весь клад

Фафнира достанется нибелунгам. Но и Хёгни не взялся убить его, потому что они с Сигурдом были побратимами.

Оставался лишь один из рода нибелунгов, кто не был названным братом Сигурда. Это был Гутторм, сводный брат Гуннара и Хёгни. Брунгильда пошла к нему. Тот не хотел убивать Сигурда, но Брунгильда видела, что он нетверд в своем отказе. Значит, с помощью Гутторма она может добиться гибели Сигурда. И теперь она думала лишь о том, что и он, и она больше не будут обитать в мире людей.

Она сделала для Гутторма блюдо, которое сводит с ума, — смесь змеиного яда и волчьего мяса. Поев его, Гутторм потерял рассудок. Он внимал только словам Брунгильды. Она приказала ему пойти в помещение, где спал Сигурд, и пронзить его мечом.

Что Гутторм и сделал. Но Сигурд, прежде чем с последним вздохом расстаться с жизнью, успел схватить Грам, свой меч, и одним взмахом рассек Гутторма надвое.

Брунгильда, поняв, что дело сделано, пошла в конюшню, где стоял Грани, конь Сигурда. Обняв его за шею, валькирия прижалась к Грани, который был потомком коня Одина. Грани застыл, чутко прислушиваясь, и понял, что это Гудрун рыдает над Сигурдом. Тут у него разорвалось сердце, и он умер.

Сигурда вынесли из дворца, и Брунгильда пришла туда, где положили его тело. Она взяла меч и пронзила им свое сердце. Так умерла Брунгильда, которая, не подчинившись Одину, стала смертной женщиной и которую обманом заставили стать женой смертного.

Сигурда, его коня Грани, его шлем и золотые доспехи поместили на большом раскрашенном судне. Брунгильду не могли не положить рядом с ним — Брунгильду с роскошными волосами и строгим красивым лицом. Оставив их лежать бок о бок, корабль спустили на воду. И когда судно уже уходило в море, его подожгли, и Брунгильда снова оказалась в огне.

Так Сигурд и Брунгильда вместе отправились к Бальдуру и Нанне в обиталище Хель.

Гуннар и Хёгни испытывали ужас перед тем злом, которое нес в себе клад. Они собрали все эти блистающие и сверкающие груды и бросили их в реку, рядом с которой давным-давно стояла кузница Хрейдмара и была пещера Андвари. С валуна на стремнине они покидали в воду золото и драгоценные камни, и клад Андвари скрылся под водой. Сокровище снова вернулось к русалкам. Но недолго им пришлось оберегать его и петь над ним, потому что на землю пришло то время, которое называлось Зима Фимбул, и Рагнарёк, Сумерки богов, спустился на обитателей Асгарда.

СУМЕРКИ БОГОВ

Снег заваливал землю, ледяные ветры дули со всех сторон, солнце и луна были скрыты грозовыми облаками. Это была Зима Фимбул: не было ни весны, ни лета; не пришла осень с урожаем и фруктами, — зимы переходили одна в другую.

Они стояли три года. Первая называлась Зима Ветров: непрерывно дули ураганы со снегом и стояли невыносимые морозы. Дети с трудом могли выжить в эту ужасную зиму.

Вторая была названа Зима Меча: те люди, которые остались в живых, убивали остальных и грабили то, что еще осталось, чтобы прокормиться; брат шел на брата и убивал его, и по всему миру шли ожесточенные битвы.

А третья зима была названа Зима Волка. Тогда древняя ведьма, которая жила в Ярнвиде, Железном лесу, кормила своего волка Манагарма телами непогребенных людей и трупами тех, кто пал в битве. Волк рос на глазах. Герои Валгаллы увидели брызги крови, которая капала с клыков Манагарма; так был дан знак богам, что приближается время последней битвы.

Подал голос петух, который сидел глубоко в недрах земли рядом с обиталищем Хель, голос этого входившего в сви-

ту Хель петуха с кроваво-ржавым оперением заставил содрогнуться весь нижний мир. В Йотунхейме закукарекал Фьялар, петух с багровым оперением, и при звуке его голоса великаны стали подниматься. Высоко в Асгарде подал голос золотой петух Гуллинкамби, и герои Валгаллы стали пробуждаться к действию.

Залаял пес, голос которого донесся из глубин земли; это был Гарм, гончий пес, который лаял из пещеры Гнипы. Гномы захныкали за своими каменными дверями. Дерево Иггдрасиль застонало всеми своими ветвями. Громкий скрип дал понять, что великаны сдвигают свои корабли, а топот копыт из Муспельхейма сообщил, что его обитатели собирают своих коней.

Но Йотунхейм, Муспельхейм и Хель продолжали напряженно ждать; волк Фенрир пока так и не разорвал путы, которыми сковали его боги. Пока он не освободится, справиться с богами будет невозможно.

И тут послышался грохот камней, возвестивший, что Фенрир обрел свободу. Гончий пес Гарм во второй раз залаял в пещере Гнипа.

Тогда послышался галоп лошадей всадников Муспельхейма; послышался хохот Локи; раздался звук рога Хеймдалля; стало слышно, как открываются пятьсот сорок дверей Валгаллы, и через каждую из них готовы выйти восемьсот героев.

Один решил посоветоваться с головой Мимира. Он извлек ее из вод Источника мудрости и силой известных ему рун заставил голову заговорить с ним. Что может ждать асов, ванов и эйнхериев, которые были героями Мидгарда, и как им справиться с силами Муспельхейма, Йотунхейма и Хель? Голова Мимира посоветовала Одину встретить их в долине Вигарда и обрушиться на них с такой мощью, чтобы силы зла были уничтожены навечно, — пусть даже с ними погибнет и мир Одина.

Всадники Муспельхейма достигли Билфроста, радужного моста. Теперь они могли взять штурмом город богов и предать его огню. Но Билфрост рухнул под весом всадни-

ков, и они не добрались до города богов. Со сломанного конца радужного моста стали спускаться всадники, окруженные всполохами пламени: огонь скользил впереди и следовал за воинами.

Йормунганд, змея, кольца которой опоясывали весь мир, вынырнула из моря. Воды затопили землю и смыли остатки ее обитателей. Это сильнейшее наводнение подхватило Нагфлар, корабль из ногтей, который так долго строили великаны, а также судно Хель. С великаном Гимиром у кормила Нагфлар двинулся против богов, неся на борту все силы Йотунхейма. И Локи повел корабль Хель, который нес на себе волка Фенрира, к месту последней битвы.

Поскольку Билфрост разрушили, асы, ваны, эйнхерии и валькирии спустились к долине Вигард, перейдя воды Тунда. Один ехал во главе своих героев. На голове у него был золотой шлем, а в руке — копье Гунгнир. Рядом с ним были Тор и Тир.

В Мирквиде, Темном лесу, ваны преградили путь войску Муспельхейма.

Здесь был Ньёрд со Скади, своей женой из великанов, — облаченная в доспехи, она пылала яростью; тут же была Фрейя и Фрейр с Герд, своей девушкой-воительницей. Ослепляюще сверкал меч Суртура. Ни один другой меч не мог сравниться с ним по блеску, кроме того, который Фрейр отдал Скирниру. Фрейр и Суртур сошлись в бою, и Фрейр погиб, но его не постигла бы эта участь, будь у него в руках собственный волшебный меч.

И в третий раз Гарм, пес с окровавленной пастью, подал голос. Он порвал путы и яростно понесся к долине Вигард, где боги собирали свои силы. Лай его был оглушительным. Орел Хресвелгур завопил на краю небесного свода. Небо раскололось, и дерево Иггдрасиль содрогнулось до самых корней.

К тому месту, где боги выстроили свои войска, подошел корабль Йотунхейма и корабль Хель, появились всадники Муспельхейма и пес Гарм с окровавленной пастью.

А из моря, которое ныне окружало долину Вигард, вынырнула змея Йормунганд.

Что сказал Один окружавшим его богам и героям?

— Мы расстанемся с жизнью и дадим погибнуть нашему миру, но мы будем драться так, чтобы после нас эти силы зла никогда больше не поднялись.

С корабля Хель прыгнул волк Фенрир. Он раскрыл пасть; его нижняя челюсть касалась земли, а верхняя доставала до неба. В бой с волком вступил Один, всеобщий отец. Тор не мог помочь ему, потому что он завязал бой с Йормунганд, чудовищной змеей.

Волк Фенрир убил Одина. И в это время на поле боя явились молодые боги, и Видар, молчаливый бог, сошелся с Фенриром. Он наступил на нижнюю челюсть волка ногой в сандалии, сделанной из кожи, которую мастера выдубили специально для него, а руками схватил верхнюю челюсть Фенрира и разорвал волка пополам. Так погиб Фенрир, самый страшный из всех врагов Асгарда.

Йормунганд, чудовищная змея, могла справиться с кем угодно, потому что она плевалась ядом. Но Тор прыгнул вперед и нанес ей удар своего молота Мьёлльнира, после чего отступил на девять шагов. Но змея плюнула в него ядом, и Тор, защитник мира, ослеп и сгорел.

Локи прыгнул со своего корабля и сошелся в бою с Хеймдаллем, охранником радужного моста и стражником богов. Локи убил Хеймдалля и сам был убит им.

Отважно дрался Тир, бог, который пожертвовал свою правую руку, чтобы сковать волка. Он дрался отчаянно, и многие силы зла нашли свою гибель от его могучей левой руки. Но Гарм, пес с окровавленной пастью, убил Тира.

И тут на поле сражения появились всадники Муспелльгейма. Ярko блестело их оружие. Впереди них и за ними скакали языки пламени. Суртур поджег землю; дерево Иггдрасиль занялось огнем, который поднялся до самых больших ветвей; Дерево мира погибло в пламени. Но ужасающее пожарище, которое стараниями Суртура объяло землю, погубило и его самого, и его войско.

Волк Хати напал на Сол, солнце; волк Манагарм захватил Мани, луну. Они пожрали их, звезды упали, и мир погрузился во тьму.

Моря затопили опустошенную и выжженную землю, и над водами повисло темное небо, потому что Сола и Мани больше не существовало. Но в конце концов моря отступили и снова появилась земля, зеленая и прекрасная. В небесах показались новое солнце и новая луна — одна была дочерью Сол, а другая — дочерью Мани. И никакие мрачные волки их не преследовали.

Четверо из самых юных богов стояли на высочайшем из пиков земли; это были Видар и Вали, сыновья Одина, и Модри с Магни, сыновья Тора. Модри и Магни нашли Мьёлльнир, молот Тора, и с его помощью перебили чудовищ, которые продолжали свирепствовать в мире, — пса Гарма и волка Манагарма.

Видар и Вали нашли в траве золотые скрижали, на которых были написаны руны мудрости старших богов. Руны рассказали им о небесах, которые были над Асгардом, о Гимли, которого не коснулся огонь Суртура. Вили и Ве, воля и благочестие, правили там. Из обиталища Хель появились Бальдур и Хёдур, и боги все вместе расположились на вершине горы. Разговаривая друг с другом, они вспоминали секреты и события, которые были им известны перед Рагнарёком, Сумерками богов.

Глубоко в лесу остались два человеческих существа; пламя Суртура не коснулось их; они спали, а когда проснулись, мир снова был зеленым и прекрасным. Они вдвоем питались утренней росой; они были женщиной и мужчиной — Лив и Ливтрасир. Они стали жить на земле, и от них и от их детей пошли мужчины и женщины, которые расселились по всему миру.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. ОБИТАТЕЛИ АСГАРДА

Давным-давно...	7
Возведение стены	8
Идунн и ее яблоки: как Локи подверг богов опасности	13
Золотые волосы Сив: как Локи принес беду в Асгард	22
Как Брок вынес приговор Локи	27
Как Фрейя обрела ожерелье и как потеряла своего мужа	34
Как Фрейр овладел великаншей Герд и как расстался со своим волшебным мечом	39
Хеймдалль и маленькая Хносс: как все появилось	47
Предчувствие Одина, как он оставит Асгард	51

Часть вторая. ОДИН — СТРАННИК

Один идет к источнику Мимира; его жертва ради обретения мудрости	56
Один встречается с человеком зла	60
Один добывает для людей волшебный мед	65
Один рассказывает Видару, своему молчаливому сыну, тайну своих деяний	71
Тор и Локи в городе великанов	73
Как Тор и Локи одурачили великана Трима	83
Пир у Эгира: как Тор одержал триумф	89
Клад гнома и его проклятие	98

Часть третья. СЕРДЦЕ ВЕДЬМЫ

Предчувствие в Асгарде	108
Локи-предатель	110

Локи против асов	116
Валькирия	119
Дети Локи	122
Рок Бальдура	127
Наказание Локи	136

Часть четвертая. МЕЧ ВЁЛЬСУНГА И СУМЕРКИ БОГОВ

Молодость Сигурда	139
Меч Грам и дракон Фафнир	145
Кровь дракона	150
История Зигмунда и Сигни	155
История Зигмунда и Синфиотли	162
История о мести вёльсунгов и смерти Синфиотли	166
Брунгильда в Доме пламени	170
Сигурд в доме нибелунгов	173
Как Брунгильда была побеждена Гуннаром	176
Смерть Сигурда	179
Сумерки богов	183

Патрик Колум

БОГИ И ГЕРОИ СЕВЕРА

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*

Редактор *М.Р. Вервальд*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.Н. Должикова*

Корректор *М.Г. Смирнова*

Подписано в печать 24.12.2009.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 9,77.

Тираж 3 000 экз. Заказ № 78

ЗАО «Центрполиграф»

111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15

E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Книга-почтой

Приобретайте книги издательства «Центрполиграф»
без торговой наценки, с помощью нашей
службы «Книга-почтой»!

Книги высылаются наложенным платежом без предварительной оплаты. Заказы принимаются на отдельные издания, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством.

Обращаем ваше внимание, что цены указаны без учета стоимости доставки и услуг Почты РФ.

Заполните почтовую карточку по образцу четко и разборчиво и отправляйте по адресу: **111024, Москва, 1-я улица Энтузиастов, д. 15 («Центрполиграф»)**.

Также вы можете заказать книги через сайт издательства «Центрполиграф» www.centrpoligraf.ru.

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ	
От кого	<u>Ивановой Г.П.</u>
Откуда	<u>г. Хабаровск, ул. Мира,</u> <u>д. 10, кв. 5</u>
<div>Индекс места отправления 680011</div>	
Кому	<u>«Центрполиграф»</u>
Куда	<u>г. Москва,</u> <u>1-я ул. Энтузиастов, д. 15</u>
<div>Индекс места назначения 111024</div>	
<div></div>	
<small>Подделка государственных знаков почтовой оплаты преследуется по закону © Издатель «Мир» - Москва Россия, 2003. З. 176940, ППОГ</small>	

На обратной стороне карточки укажите количество экземпляров книг, которые вы хотите приобрести, или серию, на которую вы хотели бы подписаться.

В зависимости от суммы заказа, веса посылки и удаленности места заказа общая стоимость книг может увеличиться от 20 до 70%.

Если вам необходима подробная информация, пришлите письмо с вложенным конвертом и вам отправят бесплатный и подробный прайс-лист.

Стоимость пересылки почтового перевода наложенным платежом составляет от 7% от стоимости заказа.

МЫ РАДЫ ВАШИМ ЗАКАЗАМ!

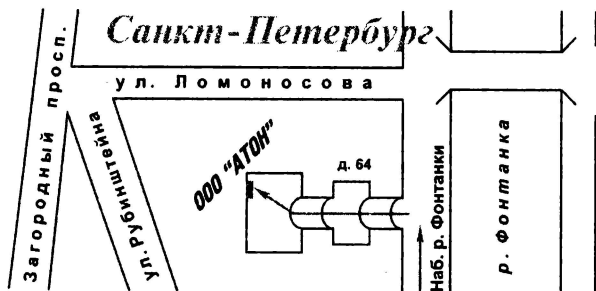
Фирменные магазины издательства «Центрполиграф» в Москве и Ростове-на-Дону

Ростов-на-Дону — Привокзальная пл., д. 1/2 (мелкооптовый отдел), тел.: (8632) 38-38-02; пн—пт — 9.00—18.00.

Официальный дистрибьютор издательства ООО «АТОН». Санкт-Петербург, набережная р. Фонтанки, д. 64, пом. 7-н, тел. для справок: (812) 575-52-80, (812) 575-52-81. Пн—пт — 9.00—18.30; сб, вскр — выходной. E-mail: aton@peterlink.ru

Патрик Колум

БОГИ И ГЕРОИ СЕВЕРА

Знаменитый ирландский писатель и фольклорист Патрик Колум представил наиболее полное собрание мифов и легенд о богах и героях народов Севера, восхищающих мрачной торжественностью и романтизмом величественных образов.

Вы побываете в сверкающем дворце Одина и в ледяных замках злых великанов, в чудесном саду богини молодости Идунн и в мрачном подземном царстве мертвых Хель. Узнаете о Дереве мира Иггдрасиль, великой жертве героя Сигурда, тайне демонического волка Фенрира и Сумерках богов.

Захватывающе интересные рассказы автора откроют для вас трагический и прекрасный мир чудес и глубокой мистики Севера.

ISBN 978-5-9524-4838-4

9 785952 448384

ЦЕНТРОЛИГРАФ®